

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

**ИЗБРАННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
П. А. СТОЛЫПИНА
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ
1906—1911 годы**

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
Москва • 2012

УДК 94(47)“19”“450.5”
ББК 63.2(2)53-33
ИЗ2

**Под общей редакцией
Председателя Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
С. Е. Нарышкина**

Рабочая группа по подготовке книги:
Ярков С. А. (руководитель рабочей группы),
Бузинова Н. И., Голосова Т. С., Мирошниченко А. Н.,
Могилевский К. И., Сахаров Н. А.

ИЗ2 Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. — М.: Издание Государственной Думы, 2012. — 228 с.

УДК 94(47)“19”“450.5”
ББК 63.2(2)53-33

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина	7
От составителей.....	8

Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете 1906—1911 годы

Выступление Министра внутренних дел П. А. Столыпина в Государственной думе 8 июня 1906 г. с ответом на запрос Государственной думы о действиях полиции в ходе революционных выступлений в ряде городов и губерний зимой 1905—1906 гг. и весной 1906 г. (извлечения)	10—14
Повторное выступление в Государственной думе 8 июня 1906 г. (извлечения).....	14—15
Выступление Министра внутренних дел П. А. Столыпина в Государственной думе 12 июня 1906 г. с ответом на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим (извлечения).....	15—19
Повторное выступление в Государственной думе 12 июня 1906 г.....	19—20
Выступление Министра внутренних дел П. А. Столыпина в Государственной думе 22 июня 1906 г. с ответом на вопрос, касающийся действий полиции в отношении члена Государственной думы Т. И. Седельникова (извлечения)	20—21

Первое выступление П. А. Столыпина во Второй Государственной думе в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 г. с изложением правительственной программы ...	22—34
Повторное выступление в Государственной думе 6 марта 1907 г. после думских прений по правительственной программе	34—36
Выступление в Государственной думе 9 марта 1907 г., касающееся продовольственного вопроса	36—38
Выступление в Государственной думе 13 марта 1907 г. о временных законах, изданных в период между роспуском Первой Государственной думы и началом работы Второй Государственной думы	39—44
Выступление в Государственной думе 20 марта 1907 г. о государственной росписи доходов и расходов при рассмотрении проекта государственного бюджета в Государственной думе	44—46
Выступление в Государственной думе 7 мая 1907 г. с ответом на запрос, внесенный правыми партиями в Государственной думе, об обнаружении заговора против Государя Императора, Великого Князя Николая Николаевича и П. А. Столыпина	46—48
Повторное выступление в Государственной думе 7 мая 1907 г. ...	48—50
Выступление в Государственной думе 10 мая 1907 г. в связи с думскими прениями по аграрному вопросу с изложением позиций правительства	50—60
Выступление в Третьей Государственной думе 16 ноября 1907 г. с изложением правительственной программы	60—65
Повторное выступление в Государственной думе 16 ноября 1907 г. в связи с выступлением члена Государственной думы В. А. Маклакова	66—70
Выступление в Государственной думе 31 марта 1908 г. по вопросу о сооружении Амурской железной дороги	70—81

Выступление в Государственной думе 24 мая 1908 г. об асигнованиях морскому ведомству на строительство военно-морских судов.....	81—90
Выступление в Государственной думе 5 декабря 1908 г. по вопросу о правительственном земельном законопроекте	90—95
Выступление в Государственной думе 11 февраля 1909 г. о деле тайного сотрудника Департамента полиции Е. Азефа (извлечения).....	95—99
Выступление в Государственном совете 20 февраля 1910 г. по вопросу о правительственном законопроекте о взимании дорожных сборов в пользу городов.....	99—107
Выступление в Государственном совете 15 марта 1910 г. о праве крестьян выходить из крестьянской общины в связи с поправками к закону от 9 ноября 1906 г.	107—114
Выступление в Государственном совете 26 марта 1910 г. о крестьянской семейной собственности перед голосованием статьи 9 закона от 9 ноября 1906 г.....	114—119
Выступление в Государственной думе 31 марта 1910 г. о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил в ответ на заявление 32 членов Государственной думы ...	120—128
Выступление в Государственной думе 21 мая 1910 г. о взаимоотношениях Российской империи с Великим Княжеством Финляндским (Финляндией)	128—143
Выступление в Государственной думе 19 января 1911 г. о необходимости экстренного правительственного законопроекта об улучшении санитарного состояния жителей столицы России — Санкт-Петербурга.....	143—152
Повторное выступление в Государственной думе 19 января 1911 г.	152—153
Выступление в Государственном совете 1 февраля 1911 г. о земских учреждениях в Западном крае	154—165

Выступление в Государственном совете 1 апреля 1911 г. с ответом на запрос членов Государственного совета о неправомерном применении правительством статьи 87 Основных законов Российской империи	165—178
Выступление в Государственной думе 27 апреля 1911 г. с ответом на запрос Государственной думы о неправомерном применении правительством статьи 87 Основных законов Российской империи	178—188
П. А. Столыпин и его современники	189

Уважаемые читатели!

14 апреля 2012 года исполняется 150 лет со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина. С именем этого государственного деятеля связаны выдающиеся результаты модернизации России в начале XX века.

Важнейшую роль в функционировании государства Столыпин отводил парламенту. В своих выступлениях в Государственной думе и в Государственном совете он многократно подчеркивал необходимость найти тот «язык, который был бы одинаково понятен» законодательной и исполнительной ветвям власти. Убежденность Столыпина в своей правоте, подкрепленная глубоким знанием предмета, передавалась слушателям. Его речи стали образцом риторического искусства. Они вернули правительству уважение общества, объединили страну.

Столыпину удалось наладить конструктивную работу с парламентом. Третья Государственная дума, взаимодействуя с правительством Столыпина, приняла более двух тысяч законов.

Уверен, что публикуемые выступления П. А. Столыпина во многом не утратили своей актуальности и будут интересны читателям.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

С. Е. Нарышкин

От составителей

Представляемое вниманию читателей издание приурочено к 150-летию со дня рождения выдающегося российского государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина. В издание включены избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете в период 1906—1911 гг., когда он был Министром внутренних дел, а затем — председателем Совета министров с сохранением его министерского поста.

К настоящему времени имеется несколько изданий, содержащих все без исключения выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. Это — Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. / предисл. К. Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М.: Молодая гвардия, 1991. Книга с аналогичным названием была издана в г. Ярославле в 2011 г. С учетом этого обстоятельства некоторые речи П. А. Столыпина в данном сборнике приводятся в сокращении.

Для подготовки издания распоряжением Руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации была образована рабочая группа в следующем составе: С. А. Ярков — заместитель начальника Управления документационного и информационного обеспечения (руководитель группы); Н. И. Бузинова — начальник отдела ведения баз данных и государственной библиографии по официальным документам Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки); Т. С. Голосова — советник отдела обеспечения выпуска изданий Управления документационного и информационного обеспечения; А. Н. Мирошниченко — начальник отдела обеспечения выпуска изданий Управления документационного и информационного обеспечения; К. И. Могилевский — ведущий референт аппарата фракции «Единая Россия» в Государственной Думе; Н. А. Сахаров — советник Председателя Государственной Думы.

Приведенные в данном издании тексты выступлений П. А. Столыпина были сверены с официальными стенографическими отчетами заседаний Государственной думы и Государственного совета, в результате чего эти тексты были уточнены и дополнены по сравнению с предыдущими изданиями. Сверку текстов провел по линии Фонда

изучения наследия П. А. Столыпина доцент, кандидат исторических наук А. Б. Асташов. Подборку фотопортретов, кратких биографических данных и высказываний современников П. А. Столыпина осуществил доктор политических наук, профессор Н. А. Сахаров. Комментарии к выступлениям П. А. Столыпина составил доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук К. А. Соловьёв. Рецензирование материалов выполнил член рабочей группы, кандидат исторических наук К. И. Могилевский.

Составители благодарят за активное участие в подготовке данного издания к печати следующих государственных гражданских служащих Аппарата Государственной Думы: Н. В. Захарову, Е. В. Раскатову (компьютерный набор, Управление документационного и информационного обеспечения), М. И. Крыловича (сканирование фотопортретов и другого иллюстративного материала, Управление делами).

Все иллюстрации снабжены соответствующими сносками.

Особую признательность составители выражают Фонду изучения наследия П. А. Столыпина, Российской государственной библиотеке и Управлению библиотечных фондов (Парламентской библиотеке) за содействие в подготовке издания, а также информационно-издательской фирме «Лики России» (г. Санкт-Петербург), из изданий которой было воспроизведено большинство фотографий, размещенных в данном сборнике.

**Избранные выступления
П. А. Столыпина
в Государственной думе
и Государственном совете
1906—1911 годы**

**Выступление
Министра внутренних дел П. А. Столыпина
в Государственной думе 8 июня 1906 г.
с ответом на запрос Государственной думы
о действиях полиции в ходе революционных
выступлений в ряде городов и губерний
зимой 1905—1906 гг. и весной 1906 г.
(извлечения)**

...На заявленный мне запрос от 12 мая не мог ранее ответить Государственной думе, так как считал необходимым отправить в некоторые города, где были беспорядки, особых уполномоченных мною лиц для проверки происшедшего. В настоящее время я получил все нужные сведения и могу дать подробные объяснения, но желал бы сначала совершенно ясно, определенно поставить те вопросы, которые, очевидно, интересуют Государственную думу...

...Мне кажется, что в запросе Думы главный интерес лежит не в обвинении отдельных лиц, — отдельные должностные лица могут быть всегда обвинены, — тут нарекания на деятельность всего Департамента полиции, на него непосредственно взводится обвинение в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего было массовое убийство мирных граждан. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться в этом деле. Меня интересует не столько ответственность отдельных лиц, сколько степень пригодности опороченного орудия моей власти. Не предположив этого объяснения, мне было бы трудно говорить о происшествии настоящего. Поэтому остановлюсь сначала вкратце

на инкриминируемой деятельности Департамента полиции в минувшую зиму и оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю...

...Некоторые уяснения неправильных действий жандармских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой, событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями, причем оба эти явления несовместимы с сознательным положением должностных лиц и должны быть призваны в равной степени нетерпимыми. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своем достаточно войска и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпой, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил Высочайшую награду, а никак не за агитацию...

...Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами Министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось двое убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группой манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицмейстер прикрывали собою избиваемых; последний затаптывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома. Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом сборища политических ссыльных, причем в октябре там на митингах

раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика», что тогда же вызывало протест и беспорядки со стороны простонародья...

...Я не могу признать виновной полицейскую власть в г. Калязине. Дело произошло в г. Калязине таким образом. Судебный следователь привлек в качестве обвиняемого некоего Демьянова и заключил его под стражу. Толпа в несколько сот человек, явившись к следователю, потребовала освобождения его. Следователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить беспорядки, обещал запросить по телеграфу прокурора о том, возможно ли освобождение этого лица; до получения на это ответа толпа начала действовать крайне вызывающе, спрашивала судебного следователя, правда или нет, что Демьянов повешен. Следователь просил прислать отца Демьянова и еще двух депутатов, чтобы убедиться, что Демьянов цел, и сам пошел по направлению к тюрьме, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили в количестве от двухсот до трехсот человек. Раздались угрозы по адресу следователя, и он едва успел только бегом скрыться в полицейском управлении; туда укрылся и исправник, который тщетно убеждал разойтись другую толпу, которая осталась перед крыльцом судебного следователя. В это время в окно полицейского управления были брошены камни; исправник распорядился таким образом: у него было 9 стражников, 5 из них он поставил у окон полицейского управления, а с четырьмя вышел на крыльцо довольно высокое, так что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не действовать насильно и не освобождать насильно человека, который заключен под стражу по обвинению судебной власти, слышались насмешки, а затем посыпались камни. Тогда полицмейстер приказал дать залп. Так как стражники стояли выше толпы, то никто в толпе не был поврежден этими выстрелами. В ответ посыпался град камней. Когда был дан вторичный залп, то ранен был один человек, но два стражника, из которых один получил от камней повреждения ноги, дали тоже выстрелы, в результате которых оказалось два убитых. После этого спокойствие было восстановлено. Действия исправника в данном случае я не могу признать неправильными.

Кончив описание событий, бывших после вступления моего в должность, я все-таки должен сделать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают, что я думаю делать в будущем

и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо невиновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок (*шум*). Порядок нарушается всеми средствами, нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации... (*шум*).

Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым (*шум, смех*). В заключение повторяю: обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ (*шум*).

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. С. 1125—1129.

---

23 мая 1906 г. Государственная дума приняла запрос по делу А. П. Щербака, который, по словам депутатов, был под следствием исключительно по причине участия во Всероссийском крестьянском съезде.

К маю 1906 г. Щербак уже 6 месяцев находился в заключении. Депутаты-трудовики А. Ф. Аладьин и И. В. Жилкин поставили вопрос о необходимости изменить меру пресечения Щербаку. В этой связи депутаты также напомнили своим коллегам о деле Ч. Долинского и В. Малярского, участвовавших в нападении на инспектора начальных училищ Варшавы. Им угрожала смертная казнь, которая представлялась народным избранникам наказанием, несоразмерным преступлению.

С разъяснением по этим делам выступил Министр юстиции И. Г. Щегловитов. Он отмечал, что в России во многих губерниях действовало положение об особой и чрезвычайной охране, что позволяло местным властям передавать такого рода дела на рассмотрение военно-окружных судов, уполномоченных принимать решения и о смертной казни. А. П. Щербак же проходил по трем уголовным делам. Причем он находился под арестом до внесения залога.

При обсуждении запроса депутаты так или иначе обсуждали репрессивную политику государства в целом. Например, князь С. Д. Урусов поставил вопрос о преступных действиях полиции, которые провоцировали еврейские погромы. Его поддержал кадет М. М. Винавер. Член фракции кадетов В. Д. Набоков напомнил о вологодском погроме, ответственность за который несла полиция. Его однопартиец Ф. И. Родичев отмечал торжество беззакония в России. По его мнению, действующая власть преимущественно опиралась на насилие, что в действительности подтверждало факт банкротства государственного курса.

Повторное выступление в Государственной думе 8 июня 1906 г. (извлечения)

Господа, я должен дать свое разъяснение теперь, так как, к сожалению, не могу остаться до конца — я должен ехать в Совет министров...

...Я должен сказать, что по приказанию Государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности...

...Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (*шум, свистки*). Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль,

а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (*шум, крики: «отставка!»*).

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. С. 1140—1141.

Повторное выступление П. А. Столыпина стало реакцией на заявления депутатов от фракции кадетов (М. М. Винавера, Ф. И. Родичева, В. Д. Набокова), которые выступали категорически против репрессивной и провокаторской политики правительства. В частности, Ф. И. Родичев говорил: «Мы хотим создать другую власть, ту власть, которая опирается на авторитет справедливости... Мы двадцать лет жертвуем молочу авторитета власти и добились того, что власти нет, авторитета нет, других авторитетов нет, кроме военного положения, но имеется, и увы, самое большое несчастье, что власть этого не знает... В тот день, господа, когда самой русской администрации из министерства дан будет урок преклонения перед правом, преклонения перед законодательной властью, — в тот день мы будем иметь возможность надеяться, что мир и порядок в России будут восстановлены».

**Выступление
Министра внутренних дел П. А. Столыпина
в Государственной думе 12 июня 1906 г.
с ответом на запрос Государственной думы
об оказании помощи голодающим
(извлечения)**

Отвечая на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим и затрагивая в первый раз этот вопрос громадной государственной важности, я должен отметить, что мы в настоящем году стоим перед необходимостью затратить громадные средства из общегосударственного бюджета на помощь жертвам неурожая и голода. В министерство поступают в настоящее время последние телеграфные сведения с мест о тех цифрах, которые необходимы для наших соображений. В настоящее время нельзя терять время для закупки семян. Надо успеть запастись ими, перевезти на место, раздать населению, сделать это так, чтобы не повышать чрезмерно цен и чтобы семена соответствовали местным потребностям. По этому делу министерство внесет в Государственную думу проект,

затрагивающий разрешение крупного, многомиллионного расхода на этот предмет. В настоящее время я буду чрезвычайно краток, но уж из сказанного видно, что меры помощи по неурожаю должны быть обдуманы и они обдумываются своевременно: план действий принимается в то время, когда наступает первая тревога за посевы. Вследствие сего первый пункт запроса, мне предъявленного, касается не тех мер, которые намерено принять правительство, а тех мер, которые уже были своевременно приняты правительством в прошлом году. Я постараюсь в нескольких словах обрисовать картину минувшей кампании, которая, кстати сказать, была самой крупной продовольственной кампанией из всех бывших до настоящего времени. Бедствие коснулось 24 губерний и двух областей. На одно обсеменение было отпущено более 3,5 миллионов. Заготовка семян была поручена крестьянским учреждениям. К началу августа все семена на местах были розданы населению, посев был своевременно произведен, и жалоб на недостачу семян не поступало. Всходы были хороши. Вслед за семенной кампанией наступила кампания продовольственная и заготовка яровых семян. Обследование в этом отношении началось с 27 мая и кончилось в августе месяце. Тогда только представилась возможность определить приблизительно нужду населения, обрисовать всю громадность потребности, те десятки миллионов, которые отвечали нуждам голодающего населения. В этих целях было созвано особое совещание под председательством товарища министра. В совещании приняли участие не только должностные лица, но и председатели губернских земских управ, председатели хлебных фирм, представители бирж, железных дорог, частных обществ. Был установлен план действий; были приняты следующие меры: во-первых, к закупке продовольственного и семенного хлеба и к выдаче его населению были привлечены крестьянские учреждения. К организации продажи хлеба по заготовительной цене и корма скота были привлечены земские организации. В организации общественных работ в местностях, пораженных неурожаем, приняли участие Главное управление землеустройства, Главное управление уделов, земские учреждения и общества домов трудолюбия и работных домов. К организации благотворительной помощи, то есть выдаче безвозвратного пособия, были привлечены общественные благотворительные учреждения, главным образом Общеземская организация. Установив план действий, министерство приступило к его выполнению. Закупка продовольственного хлеба началась в сентябре; кончилась почти во всех губерниях в феврале, кроме северных губерний и Витебской, куда хлеб был привезен в конце марта, так как посев совершается там позже. Хлеб был куплен по цене недорогой; не было того нежелательного явления, которое наблюдалось в 1891 году, когда цены на хлеб поднялись до такой меры, что правительство было принуждено запретить вывоз его за границу. Всего из общеимперского капитала на нуж-

ды обсеменения и продовольствия истрачено 54 196 717 рублей. Затем на организацию по продаже хлеба и кормов для скота по заготовительной цене министерство отпустило губернаторам и уездным земским управам 9 162 650 рублей. Затем на организацию общественных работ истрачено было 3 738 622 рубля. Из них отпущено было земским учреждениям 1 910 922 рубля и попечительству о домах трудолюбия 1 828 000 рублей. Наконец, по благотворительности было отпущено 3 056 000 рублей, из которых 2 000 000 рублей — на Общеземскую организацию и остальная сумма — губернским земским управам. Таким образом, всего в текущую кампанию из общеимперского продовольственного капитала было отпущено 73 732 539 рублей; но если считать запас, хлебозапасные магазины, если перевести их на деньги, то истрачено было более 80 000 000 рублей. Министерство внутренних дел имело, конечно, в виду всегда обеспечить население до нового урожая; поэтому в тех местностях, где не предвиделось заработка весной, предельным сроком выдачи ссуд было определено 1 июля. К этому времени, особенно ввиду ранней жаркой весны настоящего года, была уже предположена возможность приступить к сборам нового урожая. Нет сомнения, что правительство и министерство, приняв все зависящие от него меры обеспечить продовольствие населению, тем не менее не может не удостовериться, что без самодеятельности самого населения оно не может вполне удовлетворить..., что без самодеятельности самого населения оно не может вполне удовлетворить его потребности, так как по самому закону размер пайка продовольствия равняется для взрослого человека 1 пуд в месяц, а для малолетнего — 20 фунтам. Затем, в настоящее время в распоряжении министерства остается еще 300 000 рублей из общеимперского продовольственного капитала, каковыми деньгами могут быть удовлетворены отдельные нужды, вновь появляющиеся в настоящее время.

Перейду к вопросу о заболеваниях. За всю продовольственную кампанию ни от местных властей, ни от земств, ни от Вольно-экономического общества министерство не получало каких-либо сведений о развитии эпидемических заболеваний на почве недоедания. Затем министерство, следя за сведениями, появляющимися в периодической печати, делало соответствующие расследования, но большею частью выяснялось, что сведения эти во многих случаях были преувеличены...

...Остановлюсь теперь на вопросе о лишении продовольствия и обсеменения полей тех крестьян, которые участвовали в аграрных беспорядках. Тут дело идет о циркуляре Министра внутренних дел от 11 ноября минувшего года, который был вызван тем явлением, что местными крестьянами кое-где были разрушены и разграблены местные продовольственные магазины, а также запасы хлеба, купленные правительством для удовлетворения местной нужды. Вслед за этим некоторые губернаторы обратились к министру с вопросом о том, надлежит ли

распространять это на семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках. Тогда же было сделано разъяснение, что это распоряжение семей касаться не может. Таким образом, и своевременно, и в настоящее время семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках, конечно, не могли быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсеменение.

В заключение я должен дать объяснение по последней части запроса о том, намерен ли Министр внутренних дел допускать и впредь применение административных исключительных законов и полномочий по отношению к тем частным лицам и учреждениям, которые приходят на помощь населению, и ставить им препятствия, невзирая на нужды населения. Мне кажется, тут кроется некоторое недоразумение. Насколько я мог разобраться в делах министерства, некоторые препятствия встретили те лица, которые помимо благотворительной деятельности были уличены в деятельности другого рода...

На будущее время я должен сказать, что ни местные организации, ни вообще частные люди не только не будут встречать каких-либо препятствий со стороны местной власти, но найдут всегда полное сочувствие в этом деле крайней необходимости. Мне кажется, насколько нелепо было бы ставить препятствия частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было бы бездействие власти по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных. Затем, если Государственной думе до издания законопроекта об ассигновании средств на помощь и обсеменение в нынешнем году желательно выслушать дополнительные объяснения, то их могут дать лица, ближайшим образом ведающие этим делом в Министерстве внутренних дел и присутствующие здесь в зале.

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. С. 1241—1244.

Правительство внесло законопроект о сверхсметных ассигнованиях 50 млн руб. для помощи голодающим. Речь шла о голоде, затронувшем 26 губерний и приблизительно 20 млн человек. Однако эта инициатива вызвала резкое неприятие у думского большинства.

Кадет А. В. Васильев говорил о предельной неэффективности правительственной администрации в деле помощи голодающим. По его мнению, бюрократия не могла справиться с этой проблемой, при этом всячески ограничивая «самодетельность» общества. Член фракции кадетов кн. Г. Е. Львов отмечал, что безответственной власти нельзя вручать значительные существенные суммы даже на столь важное дело, как помощь обездоленным. Ф. И. Родичев, в частности, утверждал: «Положение пред-

ставительства по отношению к этому вопросу представляется чрезвычайно затруднительным. Мы, конечно, не можем отказать в средствах на помощь голодающим и мы не имеем и не можем иметь решительно никакой уверенности, во-первых, в том, что помощь эта будет оказана сколько-нибудь целесообразно, а главное, в том, что это не будет бросание народных денег в бездну, что не повторятся вновь те условия, которые голод в России сделали обычным явлением». Выступление П. А. Столыпина Родичев оценил весьма критично: «Из сегодняшнего объяснения Министра внутренних дел мы, увы, должны вывести заключение, что та система, которая Россию довела до нищеты, будет сохранена». Трудовик А. Ф. Аладьин заявлял о необходимости отказывать правительству в любых средствах на любые цели; помощь голодающим должны оказывать непосредственно представители народа и, соответственно, Государственной думы.

В итоге Первая дума согласилась выделить правительству лишь 15 млн руб., не доверяя действовавшей администрации. Это был единственный закон, прошедший в Первой Государственной думе.

Повторное выступление в Государственной думе 12 июня 1906 г.

Я вхожу на эту трибуну не для того, чтобы ответить на те речи, которые выслушал здесь. Я внесу только маленькую поправку. Один из ораторов, речь которого я слушал с большим интересом, сказал, что Министр внутренних дел заявил о том, что весь план всех действий и данные по предстоящему бедствию уже разработаны в Министерстве внутренних дел. Я же сказал, что все числовые сведения с мест, все цифры, которые понадобятся, нами собираются и будут скоро собраны; затем я указал на то, что вопрос о том, какая нам предстоит кампания и сколько потребуется на нее миллионов, будет внесен в одно из ближайших заседаний Думы...

...Теперь, конечно, все мысли Министерства внутренних дел обращены к тому, чтобы нынешнюю кампанию провести насколько возможно благополучнее, то есть чтобы голодные были насыщены, поля обсеменены и чтобы к этому делу привлечь все живые общественные силы на местах, которые этому делу могут помочь. Затем, что касается нападков на те препятствия, которые встречали лица, работавшие в нынешнем году, то я должен напомнить, что мы переживали такое время погромов, страхов... (*шум*), что и наличность препятствий может быть легко понята. Затем скажу еще относительно тех лиц, которые, входя на эту трибуну слева, заявляли, что они не обладают ни самомнением, ни самообольщением; я скажу на их клеветы, на их угрозы, на их... (*шум*,

крики: «довольно!»), на их угрозу захвата исполнительной власти (*шум, крики: «довольно!»*, что Министр внутренних дел, носитель законной власти, им отвечать не будет... (*шум, крики: «довольно!»*, «Белосток!», «Погромщик!», «Довольно!», «Долой!»).

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. С. 1251—1252.

Все депутаты, выступавшие после П. А. Столыпина, отнеслись критически к правительственному законопроекту помощи голодающим: они ставили под сомнение способность правительства, лишенного общественной поддержки, решать общенациональные задачи. Министр внутренних дел выступал непосредственно после депутата от Самарской губернии П. П. Крылова, который отмечал, что представители общественности обычно помогали голодающим существенно эффективнее правительственной администрации: «Наша администрация так развращена, что интересы населения далеко стоят позади интересов собственной карьеры, а эта собственная карьера внушает им теперь мысль, что в голодной стране должно быть всегда так же тихо, как было в свое время на Шипке».

После речи Столыпина выступил В. Д. Набоков с предложением следующей резолюции: «Признавая, что дело продовольственной помощи голодающему населению тормозилось больше всего вмешательством администрации, руководившейся в святом деле помощи соображениями о политической благонадежности, Государственная дума признает необходимым организовать помощь при участии общественных элементов, разработку плана этой организации поручает продовольственной комиссии и переходит к очередным делам».

Выступление
Министра внутренних дел П. А. Столыпина
в Государственной думе 22 июня 1906 г.
с ответом на вопрос, касающийся действий
полиции в отношении члена Государственной думы
Т. И. Седельникова
(извлечения)

...Мне кажется несомненно, что Министр внутренних дел может давать разъяснения и вступать в объяснения с Государствен-

ной думой только после того, как он будет вооружен совершенно беспристрастными фактами, когда события получили в его голове полную ясность и сложились из определенных слагаемых. Только тогда он будет в состоянии объяснить Государственной думе то, каким ему это событие представляется. В настоящее время я могу только удостоверить, что лицо, стоящее во главе управления внутренних дел, которому подчинена полиция, несомненно, примет все меры к тому, что, если окажется, что действие было преступное и незаконное, последствием этого было бы взыскание, как это и должно быть по закону.

Думаю, что Государственная дума не будет от меня теперь требовать более подробного объяснения, так как несомненно, что та версия, в которой мне было представлено дело, несколько расходится с той версией, которая была представлена здесь. Таким образом, всякие объяснения с моей стороны были бы по необходимости теперь неполными, вследствие невыясненности еще события, вызвали бы только страстность прений, разожгли бы еще более страсти, тогда как в этом деле нужно спокойствие, необходимо проявить власть законную... (*шум и крики*), а не действовать под влиянием страстей...

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Том II. Заседания 19—38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. С. 1575.

---

22 июня 1906 г. в Думу был внесен запрос о действиях представителей полиции, которые, по словам депутата Т. И. Седельникова, избili его, несмотря на то, что он заявил о депутатской неприкосновенности. Депутат М. С. Мокрунов свидетельствовал: «Вчера в 10 ч. вечера на углу Бассейной и Греческого проспекта я видел следующее: окровавленного Седельникова держали два полицейских под руки, и когда я подошел и стал говорить, за что избili члена Государственной думы, то мне полицейские ответили: “уходи, а то и тебе то же будет”. Когда я увидел эти озверелые лица, то я действительно испугался». Трудовик А. Ф. Аладьин отмечал, что такие правительственные действия дестабилизировали положение в стране. Октябрист П. А. Гейден отвечал на это, что за избиеие Седельникова отвечали городовые, а не правительство. Выступил и сам Седельников, настаивая на необходимости наказания виновных.

После же речи П. А. Столыпина вновь выступал Аладьин, угрожавший властям неизбежными потрясениями. Ему возразил кадет В. Д. Набоков, который отметил, что насилие со стороны правительства не оправдывает насилия его противников.

Первое выступление
П. А. Столыпина во Второй Государственной думе
в качестве председателя Совета министров
6 марта 1907 г.
с изложением правительственной программы

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения...

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту высказать, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии, или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые устои новоскладающейся государственной жизни России.

Но прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке статьи 87 Основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою, разрешением залога наделных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготвило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возведенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с Христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала Государства Христианского, в котором Православная церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоми-

нающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т.п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции. Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессловная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т.п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы надельной

земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость надельных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом, земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими надельными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейской.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести

в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего Сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности

служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра II, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т.п. Наряду с этим предположено введение в полном объеме нового уголовного уложения, по согласованию его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносятся также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — Главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным, путем занятия своим исконным земледельческим промыслом, обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т.е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени

обеспечить себя землею путем покупки. Соответствующий законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 миллионов десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 миллионов десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается Главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства Министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст. Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного, пролегающего по русской территории, рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы Министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей Министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

2) В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

3) В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия

военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее Министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью Министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту Министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты Министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин, и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. (*Аплодисменты справа.*)

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 106—120.

Выступление П. А. Столыпина с декларацией обозначило новый стиль взаимоотношений правительства и Думы. В декларации подчеркивалась готовность правительства конструктивно взаимодействовать с народным представительством. Вместе с тем декларация имела не только политический смысл, в ней Столыпин сформулировал свою программу модернизации России. Фактически правительство предложило перейти от обсуждения вопроса «кто виноват» к решению вопроса «что делать». Реализовывать программу реформ предполагалось в условиях незавершенной революции. Столыпин имел в виду, борясь с экстремистскими проявлениями, одновременно устранять породившие их причины. Поэтому часто приписываемое Столыпину выражение «сначала успокоение, затем реформы» противоречило смыслу правительственной политики; оно Столыпину не принадлежало и принадлежать не могло.

Впервые в истории молодого народного представительства правительство не пренебрегало им, не ограничивалось ответами на нападки, а предложило «свой труд, добрую волю и накопленный опыт» в распоряжение Государственной думы.

Выступление Столыпина вызвало у думцев различную реакцию, в чем-то обусловленную инерцией прежних отношений с правительством. Лишь несколько представителей левых фракций с ходу дали оценку намерениям правительства. Социал-демократ И. Г. Церетели заявил: «Мы знаем цену этих законопроектов... Мы разберем эти законы при свете кровавых деяний правительства, чтобы показать миру

ту бездну, которая существует между народом, рвущимся к свободе, и правительством, стремящимся затопить эти порывы в крови». Эсер П. С. Ширский выступил с заявлением: «Сколько бы ни делало министерство заявлений конституционного характера, страна хорошо ознакомлена с действительной политикой министерства и без декларации». Депутат И. П. Озол ограничился в отношении авторов декларации замечанием: «Карфаген должен быть разрушен».

Обращает на себя внимание озвученная князем П. Д. Долгоруковым конструктивная позиция кадетов: «Более целесообразно обсудить политику правительства при рассмотрении законопроектов». К этой точке зрения присоединились А. Л. Караваев (трудовая группа и крестьянский союз), Ф. И. Хан-Хойский (мусульманская группа), В. В. Волк-Карачевский (народные социалисты), Я. С. Гарусевич (польская группа).

Критикам декларации ответил В. М. Пуришкевич: «Правительство, которое дало нам 17 октября, правительство, которое целый год, не покладая рук, разрабатывало при самых ужасных условиях законопроекты., это правительство не есть правительство реакции». Выступления других представителей центра и правых свелись к констатации того, что «работать можно» (епископ Плагон), и к демонстрации желания поскорее приступить, наконец, к работе (граф В. А. Бобринский).

Повторное выступление в Государственной думе 6 марта 1907 г. после думских прений по правительственной программе

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я

утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью — сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства. (*Голоса справа: «браво, браво».*) За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а ко благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти

нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете». (*Аплодисменты справа.*)

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 167—169.

Повторное выступление П. А. Столыпина стало реакцией на слова представителей левого крыла Думы, в частности, социал-демократа Г. А. Алексинского, который утверждал: «Народу нечего ждать от теперешнего правительства... Крестьяне, желающие получить всю землю без выкупа, не получают ее иначе, как путем борьбы... Желающие бороться за социализм, желающие выбраться из того угнетения, в которое повергло их правительство, не могут добиться этого освобождения иначе, как путем собственных усилий...».

Речь премьер-министра произвела сильное впечатление в обществе. Так, близкий к придворным кругам публицист, общественный деятель А. А. Киреев записал в своем дневнике 7 марта 1907 г.: «Правительственная “декларация” прошла блистательно. Хотя нельзя согласиться со всей правительственной программой, хотя признание России конституционной страной, хотя октябризм и режет мое [ухо], но нельзя не приветствовать гражданского мужества Столыпина; его убежденность... и ораторского таланта. Вы нам кричите два слова — «руки вверх» — и мы вам ответим: «не запугаете». Речь Ст[олыпина] произвела сильное впечатление в Думе и, конечно, произведет такое же и во всей России. Чувствуется, что у нас появилось снова Правительство! Дай-то Бог!».

Выступление в Государственной думе 9 марта 1907 г., касающееся продовольственного вопроса

Правительство желает сделать заявление по постановке вопроса. Правительство полагает, что, согласно статье 5 Учреждения о Государственной думе, Государственная дума может для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел образовывать из своей среды отделы и комиссии. Затем статьи 31, 32, 33 разъясняют, какие дела подлежат ведению Государственной думы. Ведению ее подлежат дела, требующие издания законов, затем предположения об отмене или изменении действующего

закона. Наконец, Государственная дума может обращаться к министрам с запросами. В данном случае предложено Государственной думе образовать комиссию для рассмотрения отчета по продовольственному делу. Собственно говоря, из отчетов рассмотрению Государственной думы подлежит только отчет государственного контроля. В данном случае все сегодняшние речи имеют характер запроса к правительству о незаконных его действиях. Поэтому предложение, поданное здесь, правительство понимает как запрос к нему, и так как в скором времени, на днях, должен быть обнародован отчет о продовольственной и семенной кампаниях, то правительство и внесет этот отчет как ответ на запрос. Затем, согласно статье 40 Положения о Государственной думе, Государственная дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Если комиссия по рассмотрению отчета обратится к Министру внутренних дел или иному министру за тем или иным разъяснением и дополнением, то такое разъяснение будет немедленно представлено Государственной думе. Затем, независимо от сего, правительство имело войти в Государственную думу с ходатайством о дополнительном ассигновании на продовольственное дело. Следовательно, при рассмотрении этого ходатайства Дума точно так же может обратиться к правительству за разъяснениями, которые и будут Государственной думе представлены. Несомненно, в порядке 40-й статьи правительство представит Государственной думе самые подробные разъяснения, так как правительство желает исключительно пролить на это дело полный свет. Правительство доказало уже это на несчастном деле Лидваля, само приложив все усилия к тому, чтобы это дело представить в его настоящем виде. Что касается самого продовольственного закона, то правительство не скрывает дефектов, существующих в этом законе, и вносит в Государственную думу новые временные продовольственные правила на ее утверждение. Затем, что касается существа тех нападок, которые правительство слышало тут, то, полагая, что эта комиссия имеет существенно важное значение и не будет только орудием для опорочения правительства в глазах народа, правительство будет и по существу дела представлять свои объяснения в самой комиссии, а по окончании ее работ — тут, в Государственной думе. Поэтому я заявляю, что правительство всецело и всемерно присоединяется к предложению, внесенному членом Думы Родичевым.

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 330—331.

Предложение Ф. И. Родичева было сформулировано на заседании 7 марта 1907 г., а 9 марта Родичев его уточнил: «согласно ст. 5 Положения

о Государственной думе и ст. 3 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи, независимо от общей бюджетной комиссии, образовать особую комиссию из 22 лиц, избираемых отделами, для рассмотрения ассигнованного по росписи кредита, в связи с общей поставкой продовольственной операции».

Родичев настаивал на придании комиссии исключительно контрольных функций в целях рассмотрения отчетов правительства о ходе прежних, текущей и предстоящих продовольственных кампаний. При этом Родичев выступал фактически с позиции центра, возражали ему левые, а правые почти не принимали участия в дискуссии. Представители левых фракций предлагали наделить комиссию исполнительными полномочиями и командировать членов Государственной думы для осуществления контроля за ходом продовольственной кампании на местах.

На первое предложение Родичев возразил, что оно, во-первых, незаконно, а во-вторых, таким образом «ответственность за организацию продовольственного дела легла бы на Государственную думу, а сделать что-нибудь на самом деле, осуществить продовольственную и семенную помощь населению эта комиссия была бы совершенно не в силах». Это привело бы к тому, что «в глазах населения авторитет Государственной думы был бы мгновенно подорван».

По второму предложению Родичев отметил, что полномочий и ресурса у депутатов для осуществления полноценного контроля на местах недостаточно, сводить же дело к сбору и рассмотрению жалоб нецелесообразно. «Посылать таких странствующих контролеров от Государственной думы есть предприятие не государственное... Контроль на местах... явно этим способом не осуществим», — заключил Родичев.

Как и следовало ожидать, эта точка зрения не нашла поддержки у левого крыла Думы. В частности, Г. И. Баскин отмечал, что действенная помощь голодающим может быть оказана лишь под контролем депутатов. А. Л. Караваев предлагал создать продовольственную комиссию, которая контролировала бы деятельность администрации. Эсер И. П. Долгополов настаивал на расследовании деятельности правительства, которое, по его мнению, было подлинным виновником социальных катаклизмов, которые переживала Россия. С точки зрения социал-демократа А. Л. Джапаридзе, ключевая задача Думы — сказать «правду» народу о причине его бедствий, т.е. о пагубной политике правительства и необходимости взять в свои руки дело помощи голодающим, а следовательно, и всю власть в стране.

После выступления Столыпина, согласившегося с Родичевым, состоялось голосование. Дума поддержала внесенную Родичевым формулировку с изменениями, относящимися к числу членов комиссии и к порядку ее избрания.

**Выступление в Государственной думе
13 марта 1907 г. о временных законах,
изданных в период между роспуском
Первой Государственной думы и началом работы
Второй Государственной думы**

По обсуждаемому вопросу я прежде всего должен обратить внимание Государственной думы на то, что, по мнению правительства, он получает неправильное направление. Временные законы, которые вошли в силу во время приостановления действия Думы, могут быть отменены только согласно статье 87 Основных государственных законов. Статья 87 гласит, что действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый мерам законопроект. Следовательно, самим законом установлен порядок прекращения такого временного закона. Казалось бы, что другого порядка быть не может, но если даже принять другую точку зрения, то есть что и временные законы могут быть прекращены таким же порядком, как и законы постоянные, то есть согласно статье 55 Учреждения о Государственной думе, то и в этом случае обсуждаться по существу этот вопрос может не ранее месяца после представления г-ном Председателем Думы письменного о том заявления за подписью 30 членов Думы. Следовательно, по закону вопрос этот мог бы обсуждаться не ранее 12 апреля, так как 12 марта было подано такого рода заявление. Если проект наказа противоречит этому закону, то проект неправилен, а потому он и не был опубликован Сенатом в прошлом году. Я говорю только для того, чтобы установить, что в порядке статьи 87 или статьи 56 закон о военно-полевых судах законным образом мог бы, во всяком случае, потерять силу не ранее конца апреля. Но это, господа, формальная сторона дела. Тут прения шли по существу. Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах? Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, до сих пор не обоснованы, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу.

Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основу самого государства. Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г-ном Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, — я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, который талантливо отстаивает доктрины. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, и это будет всегда и везде. Этот принцип — в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия в этих случаях нарушать и приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны. Оно доводило государство не только до усиления репрессий, не только до применения различных репрессий к различным людям, к различным категориям людей, оно доводило государство до подчинения всех одной воле — произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила к спасению. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте, и я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, и, затем, они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом.

Временная мера, мера суровая, должна сломить преступную волну, она должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать. И вот возникают два вопроса: может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собствен-

ность русских граждан обычными способами, применением обыкновенных законов? Но может быть и другой вопрос: надо себя спросить, не является ли такой исключительный закон преградой для течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло? На первый вопрос, господа, ответ не труден. Он ясен из бывших тут прений. Господа, кровавый бред, к сожалению, не пошел еще на убыль. Едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям. Второй вопрос сложнее: что будет, если дать противоправительственному течению естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление социал-демократов и социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют программы этой партии. Но на заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный, избирательную платформу российской социальной рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, под напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю». В окончательном тезисе я прочитываю: «чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было создано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им. В стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой». Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении Думы рамками основных законов, не санкционированных народной волей». Затем, в конце: «Съезд находит необходимым в виде временной меры все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать, для расширения и углубления своего влияния в стране, все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки основных требований, широкое народное движение, имеющее перейти во всеобщее восстание». Я не буду утруждать вашего внимания чтением других документов, не менее официальных. Я задаю себе только вопрос — вправе ли правительство, при таком

положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, — шаг в сторону послабления для формального собственно нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, которые ежеминутно подвергаются смертельной опасности, сделать гласную уступку революции? Вдумавшись в этот вопрос, взвесив его все-сторонне, правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить, мы должны верить, господа, что от вас услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение. В ожидании этого слова правительство примет меры для того, чтобы ограничить этот суровый закон только самыми исключительными случаями самих дерзновенных преступлений, с тем чтобы, когда Дума толкнет Россию на спокойную работу, закон этот пал сам собой — путем невнесения его на утверждение законодательного собрания. Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь говорилось, кровь на руках палачей, от крови на руках добросовестных врачей, которые применяли самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного. (*Аплодисменты справа.*)

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том I. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 512—517.

Статья 87 Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. предусматривала, что «во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

В соответствии со ст. 87 были приняты многие важные правительственные меры в период «междудумья» (в том числе и Указ 9 ноября 1906 г., инициировавший аграрную реформу). Законопроект о военно-полевых судах был разработан по указанию императора Николая II главным военным про-

курором В. П. Павловым, при участии И. Г. Щегловитова, и временно принят в порядке, предусмотренном ст. 87 Основных законов. Непосредственным поводом для принятия этого решения стало покушение на председателя Совета министров П. А. Столыпина 12 августа 1906 г., в результате которого пострадали его дочь и сын, а также погибли 27 и были ранены 32 человека. Военно-полевые суды являлись чрезвычайными военно-судебными органами и рассматривали в ускоренном порядке дела о военных и гражданских лицах, обвиняемых в разбое, убийствах, грабеже, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц и в других тяжких преступлениях, в тех случаях, когда за очевидностью преступления не усматривалось необходимости в дополнительном расследовании. Военно-полевые суды вводились в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны. За 1906—1907 г. были введены в 82 губерниях из 87, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны. Суд состоял из председателя и 4 членов суда, назначаемых из строевых офицеров начальником гарнизона (командиром порта) по приказу генерал-губернатора или главнокомандующего. Предварительного следствия не проводилось, сам приговор основывался на материалах охранного отделения или жандармского управления. Судебное заседание проводилось без участия в нем прокурора, защитника или свидетелей защиты при закрытых дверях. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. По личному распоряжению Николая II в положение был вписан пункт, по которому приговор должен был выноситься не позже чем через 48 час., сразу же получать законную силу и в течение 24 часов приводиться в исполнение по распоряжению начальника гарнизона. Осужденные имели право подавать прошение о помиловании, однако 7 декабря 1906 г. Военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения». За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, однако казнено было 683 человека.

Законопроект о военно-полевых судах не был внесен в Государственную думу и соответствующая норма в силу ст. 87 должна была утратить силу по истечении двух месяцев после начала работы Думы — 20 апреля 1907 г.

Не дожидаясь этого, фракция кадетов внесла в Государственную думу законопроект об отмене военно-полевых судов. Юридическая обоснованность этого была не очевидна, так как конструкция ст. 87 не предполагала возможность отмены кем бы то ни было временной меры, принятой в междумский период. Тем не менее Дума приняла законопроект к рассмотрению и посвятила ему два пленарных заседания. Выступавшие, за редким исключением, осуждали по существу применение ускоренного судопроизводства и распространение военной юрисдикции на гражданское население. При этом правые стремились поддержать правительство и акцентировали внимание на неизбежности подобных мер в период «землетрясения», а также

подчеркивали необходимость осудить террористическую деятельность. В. А. Маклаков, на которого в своей речи ссылался Столыпин, говорил, что военно-полевые суды бьют по самой идее государства, по идее права и закона, разрушают основы общежития и грозят поставить озверелое стадо на место цивилизованного общества, однако признал за правительством право бороться с революцией строгими репрессивными мерами в рамках закона, принятого в правовом государстве.

Обещание Столыпина применять военно-полевые суды в оставшийся период их действия в исключительных случаях кадеты (И. В. Гессен) восприняли как полумеру, которая не решает проблему установления нормальных отношений в государстве, но все равно может быть истолкована как уступка революции. На призыв Столыпина сказать «слово умиротворения» Гессен заявил, что если бы умиротворение страны «действительно было в наших руках, разумеется, мы бы сделали все, что только возможно, для того, чтобы это умиротворение наступило. Но, к сожалению, это умиротворение находится не только в наших руках, а те, в чьих руках оно находится, ничего для этого сделать не желают».

После передачи законопроекта об отмене военно-полевых судов в специально созданную комиссию Председатель Государственной думы озвучил проект заявления Думы, поступивший за подписью 42 правых депутатов. В нем говорилось, что Дума «считает необходимым выразить свое глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям, находя, что никакая работа правительства и Государственной думы не может быть плодотворной, пока в стране нет безопасности, царствует беспросветный террор и невинная кровь льется рекой».

Выступление в Государственной думе 20 марта 1907 г. о государственной росписи доходов и расходов при рассмотрении проекта государственного бюджета в Государственной думе

Господа! Я не буду долго утруждать ваше внимание. Я вхожу на кафедру в качестве Министра внутренних дел лишь для того, чтобы сделать маленькую поправку к речи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Речь эту я слушал с особым вниманием, и то, что я скажу, является результатом внимательного отношения к речи г-на Кутлера. Я полагаю, что рассмотрение бюджета в Государственной думе есть одно из самых существенных ее прав. Результатом его должно быть пролитие

света на такие теневые стороны бюджета, выяснение которых ожидается от Государственной думы. Я полагал, что речь Кутлера должна пролить этот свет еще и потому, что у него не может быть тайн в бюрократическом мире, в котором он так долго служил. Слушая его речь, я остановился на одном его упреке, а именно: «В то время, — говорит Кутлер, — когда манифестом Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, в то самое время Министерство внутренних дел увеличило оклад начальника Главного управления по делам печати и его помощника». Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно так. (*Голоса справа: «да», «да».*) Я должен сказать, что замечание это вызвало со стороны членов Государственной думы и аплодисменты, и смех. Против этого я ничего не имею. Смех — прекрасное оружие и бич, в особенности для правительства, и я думаю, что можно смеяться над человеком или учреждением, если они ставят себя в смешное положение. Было ли в данном случае такое положение? Было бы, если бы замечание члена Думы Кутлера было основано на фактах. Это условие особенно важно для серьезной речи, основанной на предварительном изучении вопроса, не могущей не произвести впечатления, загладить которое не всегда возможно, не имея под руками документов. В течение получасового перерыва мне трудно было проверить достоверность сказанного, но я все-таки это сделал и теперь могу сказать, что утверждения г. Кутлера не соответствуют действительности. Другого выражения я не могу подобрать. Ни начальник Главного управления по делам печати, ни один из служащих никакой прибавки к содержанию не получили. (*Аплодисменты справа.*) Я докажу это документами. Штаты Главного управления по делам печати существуют с 1862 г. Бывший начальник главного управления по Высочайшему повелению, вместо прибавки в 3000 рублей, которые он получал к своему содержанию, получил 8 августа 1902 г. 3000 рублей квартирных. Эти деньги ассигновывались из сумм «Правительственного вестника», и отпуск их был продолжен и теперешнему начальнику Главного управления по делам печати 1 апреля 1905 г., то есть до манифеста 17 октября. Помощника у начальника главного управления нет, поэтому прибавки содержания некому было и делать. (*Аплодисменты и смех на правых скамьях.*) Остальные служащие удовлетворяются по штату 1862 г., и так как штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержание из сумм «Правительственного вестника» по 150 000 рублей в год. Так было в 1902, 1903, 1904 годах. Но так как эти суммы «Правительственного вестника» были обращены на другие расходы, то эти именно 150 000 рублей были внесены в 1907 г. в общегосударственную смету. Знать это господину Кутлеру следовало бы, так как перенесение кредита в общую смету было произведено тем Советом министров, председателем которого я не

был, но членом которого состоял г-н Кутлер. (*Смех на правых скамьях.*)
Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый,
но пришелся он, воистину, не по коню, а по оглоблям. (*В зале движение,
на правых скамьях смех и аплодисменты.*)

*Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты.
1907 г. Сессия вторая. Том I. СПб.: Государственная типография, 1907.
Стб. 850—851.*

Государственный бюджет на 1907 г. был первый, который был внесен правительством на рассмотрение Государственной думы. В ходе его обсуждения и состоялось выступление П. А. Столыпина, которое стало ответом Н. Н. Кутлеру, основному докладчику фракции кадетов по бюджетному вопросу. Последний ставил в упрек правительству большие расходы на содержание административного аппарата. Иными словами, по мнению Н. Н. Кутлера, оно не инвестировало государственные средства в развитие производительных сил страны, а поддерживало стабильное положение малоэффективной бюрократии. В частности, оратор отмечал: «Существует, например, Главное управление по делам печати. Пока существовала цензурная система, наличие этого ведомства и его местных органов имела известное формальное оправдание. Но вот издан манифест 17 октября, который провозгласил свободу слова и свободу печати. Казалось бы, что органу центрального ведомства не остается дела, в действительности же оказалось, что начальник Главного управления по делам печати и его ближайшие сотрудники получили прибавки к содержанию, что количество чиновников, которое служит в этом ведомстве, увеличено и что расход увеличился, расход на дело, сущность которого состоит только в том, чтобы воспрепятствовать практическому осуществлению одного из величайших начал, возвещенных манифестом 17 октября».

**Выступление в Государственной думе
7 мая 1907 г. с ответом на запрос,
внесенный правыми партиями в Государственной думе,
об обнаружении заговора против Государя Императора,
Великого Князя Николая Николаевича
и П. А. Столыпина**

Господа члены Государственной думы, я прежде всего должен заявить, что только что оглашенный Председателем Государственной

думы запрос не относится к разряду тех, по которым правительству предоставлено право давать Государственной думе разъяснения, так как по статье 40 Учреждения Государственной думы разъяснения эти даются по предметам, непосредственно касающимся рассматриваемых Государственной думой дел, а по статье 58 — касающихся поступков или действий незаконных. Тем не менее, ознакомившись из газетных сообщений с имеющим последовать запросом и осведомившись о крайне преувеличенных толках, которые циркулируют по этому поводу в городе, правительство нашло необходимым опубликовать по этому вопросу официальное сообщение. Понимая встревоженное чувство членов Государственной думы о священной особе Государя Императора, я, в видах успокоения Государственной думы, позволю себе огласить это сообщение, которое сегодня появится в осведомительном бюро и в бюллетенях Петербургского Агентства:

«В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов.

Установленное в целях проверки полученных сведений продолжительное и обставленное большими трудностями наблюдение обнаружило круг лиц, как вошедших в состав указанного сообщества, так и имевших с членами его непосредственные сношения. Сношения, как выяснилось, происходили между некоторыми из членов сообщества на конспиративных квартирах, постоянно менявшихся, при условии строгой тайственности, были обставлены паролями и условленными текстами в тех случаях, когда сношения были письменные.

Установленный наблюдением круг лиц, прикосновенных к преступному сообществу, в числе 28 человек, был 31 марта подвергнут задержанию.

Вслед за этим отделение по охранению общественного порядка и безопасности 4 апреля донесло прокурору С.-Петербургской судебной палаты о данных, послуживших к задержанию 28 лиц. Со своей стороны прокурор судебной палаты, усмотрев в этих данных указания на признаки составления преступного сообщества, поставившего своей целью насильственные посягательства на изменение в России образа правления (статья 102 Уголовного уложения), того же 4-го апреля предложил судебному следователю по особо важным делам при С.-Петербургском окружном суде приступить к производству предварительного следствия, которое было начато немедленно, под непосредственным наблюдением прокурорского надзора С.-Петербургской палаты, и производится без малейшего промедления.

В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изобличается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров сообщество, поставившее целью своей деятельности посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого Князя Николая Николаевича и председателя Совета министров, причем членами этого сообщества предприняты были попытки к изысканию способов проникнуть во Дворец, в коем имеет пребывание Государь Император. Но попытки эти успеха не имели».

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том II. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 195—197.

В мае 1907 г. граф А. А. Бобринский по согласованию с П. А. Столыпиным от имени фракции правых внес в Думу запрос о фактах покушения на жизнь императора. Причем глава правительства и депутат предварительно оговорили характер будущего обсуждения. Примечательно, что премьер пошел на этот шаг, не поставив в известность своих коллег по Совету министров. Как раз отвечая на этот запрос, 7 мая 1907 г. Столыпин обозначил свою позицию относительно обыска на квартире депутата II Думы и члена ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии И. П. Озола и задержания депутатов социал-демократической фракции. Сами социал-демократы отказывались признавать обоснованность обвинений правительства.

1 июня 1907 г. П. А. Столыпин выступил в Государственной думе с заявлением, в котором настаивал на необходимости подвергнуть судебному преследованию членов социал-демократической фракции. Именно вполне прогнозируемый отказ II Думы дать свое согласие на арест депутатов социал-демократической стал причиной к роспуску нижней палаты.

Повторное выступление в Государственной думе 7 мая 1907 г.

Господа члены Государственной думы! Я не думал выступать сегодня по этому делу и не ждал запроса, который только что тут оглашен, так что он является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, как начальник полиции в госу-

дарстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных. Дело, которое сегодня, теперь, тут поднято, будет, вероятно, рассмотрено после обсуждения его в комиссии; вероятно, мне придется дать объяснение и в порядке запроса о незаконных действиях полиции. Теперь же я желаю дать только предварительное разъяснение. Насколько мне известно, дело произошло таким образом: столичная полиция получила сведения, что на Невском собираются центральные революционные комитеты, которые имеют сношения с военной революционной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе, как не вторгнуться в ту квартиру, — я этого выражения не признаю, — а войти, в силу власти, предоставленной полиции, и произвести в этой квартире обыск. Не забудьте, что город Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные. Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла. В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы; но кроме них были лица посторонние. Лица эти, в числе 31, были задержаны, и при них были задержаны документы, некоторые из которых оказались компрометирующими. Всем членам Государственной думы было предложено, не пожелают ли они тоже обнаружить то, что при них находится. Из них несколько лиц подчинились, а другие лица отказались. Никакого насилия над ними не происходило, и до окончания обыска все они оставались в квартире, в которую вошла полиция. Теперь я должен, в оправдание действий полиции, сказать следующее: на следующий день были произведены дополнительные действия не только полицейской, но и следственной властью и обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках. В этом случае, господа, я должен сказать и заявляю открыто, — что полиция и впредь будет так же действовать, как она действовала. (*Аплодисменты справа. Шум.*) Незаконного ничего не было. Если были какие-либо неправильности в подробностях, то это и будет обнаружено. Я должен сказать, что, кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителях власти, лежит еще другая ответственность — ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаем и исполним его до конца, и в этом отношении я считаю своей обязанностью, перед лицом всей России, как начальник, как ответственное лицо за действия полиции, сказать несколько слов в ее защиту, сказать, что если будут доходить до нее слухи, подкрепленные достаточными данными, о серьезных обстоятельствах, за которые правительство и администрация несут ответственность, то она сумеет поступить так же, как поступала,

а судебное ведомство исполнит свой долг и сумеет обнаружить виновных. (*Аплодисменты справа.*)

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том II. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 207—209.

Повторное выступление П. А. Столыпина было реакцией на внесенные депутатами запроса о неправомерных действиях полиции, которая проводила сыскные операции по отношению к депутатам В. Г. Сахно, А. И. Семенову, С. Т. Туперко, П. С. Морозу. Прежде всего речь шла как раз об обыске на квартире депутата И. П. Озола, который, по мнению внесших запрос народных избранников, был проведен с явным нарушением процессуальных норм. Это было ответом левого крыла Думы на запрос В. А. Бобринского, обвинявшего социал-демократов в подготовке покушения на жизнь императора и вел. кн. Николая Николаевича.

Выступление в Государственной думе 10 мая 1907 г. в связи с думскими прениями по аграрному вопросу с изложением позиций правительства

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэто-

му обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, — бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господина Карваваев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных, по мне, цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоенное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господина, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным.

Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованного класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, — что же из этого выйдет? Что́, был бы, по крайней мере этим способом, разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах? На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 десятин, в Архангельской даже по 1309 десятин, — в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т.е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан, — а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях Европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даст на одну Европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 десятин на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 десятин. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах,

та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Всё и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Всё будет сравнено, — но приравнять всех можно только к низшему уровню. Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретатель, самую силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств (*голос из центра: «ого»*), и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравниваемых и разоренных полях России? А эта перекошенная и уравниваемая Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут

сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянином право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе — это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин, и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет, по нашим понятиям, культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен — по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы — на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она

изъе­м­ле­т­ся из об­ла­сти куп­ли и про­да­жи. Ни­кто не бу­дет при­ла­гать свой труд к зем­ле, зная, что пло­ды его тру­дов мо­гут быть че­рез не­сколь­ко лет от­чуж­де­ны. Док­лад­чик пар­тии при­ки­ды­вал це­ну на от­чуж­дае­мую зем­лю в сред­нем по 80 ру­блей на де­ся­ти­ну в Ев­ро­пей­ской Рос­сии. Ведь это не мо­жет поощ­рить к при­ме­не­нию сво­его тру­да к зем­ле, ска­жем, тех лиц, ко­то­рые за зем­лю год пе­ред тем за­пла­ти­ли по 200—300 ру­блей за де­ся­ти­ну и вло­жи­ли в нее все сво­е до­сто­я­ние. Но ме­жду мыс­ля­ми, пред­ло­жен­ны­ми до­клад­чи­ком пар­тии на­род­ной сво­бо­ды, есть и мыс­ль, ко­то­рая дол­жна со­сре­до­точ­ить на се­бе са­мое серь­ез­ное вни­ма­ние. Док­лад­чик за­явил, что на­до пред­о­ста­вить са­мим кре­стья­нам ус­тра­ивать­ся так, как им удо­бно. За­кон не приз­ван учить кре­стьян и на­вяз­зы­вать им ка­кие-ли­бо те­о­рии, хо­тя бы эти те­о­рии и при­зна­ва­лись за­ко­но­да­те­ля­ми со­вер­шен­но ос­но­ва­тель­ны­ми и пра­виль­ны­ми. Пусть ка­ждый ус­тра­ива­ет­ся по-сво­е­му, и толь­ко то­гда мы дей­стви­тель­но по­мо­жем на­се­ле­нию. Нель­зя та­кого за­яв­ле­ния не при­вет­ст­во­вать, и са­мо пра­витель­ство во всех сво­их стрем­ле­ниях ука­зы­ва­ет толь­ко на од­но: на­до снять те о­ко­вы, ко­то­рые на­ло­же­ны на кре­стьян­ство, и да­ть ему воз­мож­ность са­мо­му из­брать тот спо­соб поль­зо­ва­ния зем­лей, ко­то­рый на­ибо­лее его ус­тра­ива­ет. Ин­те­рес­но еще в про­ек­те пар­тии на­род­ной сво­бо­ды дру­гое про­воз­гла­шае­мое на­ча­ло. Это на­ча­ло го­су­дар­ствен­ной по­мо­щи. Пред­ла­га­ет­ся от­не­сти на рас­хо­ды ка­зны по­ло­ви­ну сто­имости зем­ли, при­об­ре­тае­мой кре­стья­на­ми. Я к это­му на­ча­лу еще вер­нусь, а те­перь ука­жу, что оно мне ка­жет­ся не­сколь­ко про­ти­во­ре­чи­вым про­воз­гла­шае­мо­му прин­ци­пу прин­удитель­но­го от­чуж­де­ния. Если при­знать прин­удитель­ное от­чуж­де­ние, то как же на­ря­ду с этим при­знать не­об­хо­ди­мость для все­го на­се­ле­ния, для все­го го­су­дар­ства, для всех классов на­се­ле­ния при­йти на по­мо­щь са­мой нуж­дае­мой ча­сти на­се­ле­ния? По­че­му на­ря­ду с этим не­об­хо­ди­мо с этой це­лью обез­до­лить 130 000 вла­дель­цев, и не толь­ко обез­до­лить, но и от­ор­вать их от привыч­но­го и по­лез­но­го для го­су­дар­ства тру­да? Но, мо­жет быть, го­спо­да, без это­го обой­тись не­ль­зя? Пре­жде чем из­ло­жить вам в об­щих чер­тах ви­ды пра­витель­ства, я позво­лю се­бе ос­та­но­вить­ся еще на од­ном спо­со­бе раз­ре­ше­ния зем­ель­но­го во­про­са, ко­то­рый за­сел во мно­гих го­ло­вах. Этот спо­соб, этот путь — это путь на­си­лия. Вам всем из­вест­но, го­спо­да, на­сколь­ко лег­ко при­слу­ши­ва­ет­ся наш кре­стья­нин-про­сто­лю­дин к все­воз­мож­ным тол­кам, на­сколь­ко лег­ко он под­да­ет­ся тол­чку, осо­бен­но в на­прав­ле­нии раз­ре­ше­ния сво­их зем­ель­ных во­жде­лений явоч­ным пу­тем, пу­тем, так ска­зать, на­си­лия. За это уже пла­тил­ся не­сколь­ко раз наш се­рый кре­стья­нин. Я не мо­гу не за­явить, что в на­сто­ящее вре­мя опас­ность но­вых на­си­лий, но­вых бед в де­рев­не воз­ра­ста­ет. Пра­витель­ство дол­жно учить­вать два яв­ле­ния: с од­ной сто­ро­ны — не­со­м­нен­ное же­ла­ние, по­треб­ность, стрем­ле­ние ши­ро­ких кругов об­щес­тва по­ста­вить ра­бо­ту в го­су­дар­стве на пра­виль­ных

законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (*Голоса: «верно, правильно».*) Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я об них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой! Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличности их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличность новых попыток приобретения земли силою и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не дозволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губительною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полу-экспроприация, полу-национализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков,

от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь напали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава? Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабойшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабойшей его части, может напоминать принципы

социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю. В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов. Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тяжесть была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87-й статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении. Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом

волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими земель, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (*Аплодисменты справа.*)

Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том II. СПб.: Государственная типография, 1907. Стб. 433—445.

Выступление П. А. Столыпина, обосновывавшего принципы реализовывавшейся им крестьянской реформы, было ответом на аграрные проекты оппозиции. В частности, оно было реакцией на законопроект, внесенный 3 мая 1907 г. за подписями 104 депутатов, преимущественно принадлежавших к фракции эсеров; первые подписавшиеся — Н. И. Долгополов, Н. С. Долгополов, И. Н. Мушенко (эсеры). Инициаторы законопроекта настаивали на необходимости реализации одного из вариантов неонароднической программы — социализации земли. Депутаты предлагали объединить отчуждаемые земли в общенациональный фонд и распределить земли из его состава среди земледельческого населения

страны, руководствуясь трудовой нормой. Причем право на земельный надел должны были иметь все граждане России, желавшие заниматься сельским хозяйством. Продажные, залоговые и дарственные сделки за-прещались. Контролировать мобилизацию земельных ресурсов должны были местные комитеты, избираемые прямым, всеобщим, равным, тайным голосованием.

Свой проект был подготовлен социал-демократической фракцией. Он был внесен во II Государственную думу 19 марта 1907 г. В проекте предполагалось решение аграрного вопроса за счет национализации церковных, монастырских, удельных, кабинетских земель, а также, по большей части, частновладельческих земель (за исключением тех, которыми владели мелкие землевладельцы). Изъятые земли должны были быть переданы органам местного самоуправления, которые выполняли бы роль распределителя земельного фонда. При этом указанная аграрная реформа также предполагала упразднение всякого сословного деления общества, которое могло бы препятствовать успешному завершению этого преобразования.

В своей речи П. А. Столыпин упомянул и проект аграрной реформы, разработанный фракцией кадетов. Он был внесен во II Думу 30 апреля 1907 г. за подписью 38 депутатов; первые подписавшие — Н. Н. Кутлер, И. Н. Атабеков, Н. А. Поташев. Аналогичная инициатива была подготовлена кадетской фракцией в I Думе. Она была внесена в нижнюю палату за подписью 42 депутатов (первые подписавшиеся — В. Е. Якушкин, А. С. Медведев, В. В. Яновский). В соответствии с этим законопроектом предполагалось санкционировать отчуждение государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель с вознаграждением «нынешних владельцев по справедливой оценке». Эти земли поступали в общегосударственный фонд, из которого они распределялись среди крестьян, не поступая, однако, в частную собственность земледельцев.

Выступление в Третьей Государственной думе 16 ноября 1907 г. с изложением правительственной программы

Господа члены Государственной думы! Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений. Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах,

совершенно необходимой. Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед Второй думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения. Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (*Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».*) Противопоставить этому явлению можно только силу. (*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.*) Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени — этим путем пойдет оно и впредь. Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.*) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (*Голоса в центре и справа: «браво».*) Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу. Сознвая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия. Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости. При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции

правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. *(В центре и справа возгласы «браво».)*

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройству. Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. *(В центре и справа возгласы «браво».)* Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание. Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства. Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности *(рукоплескания центра и справа)*, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке статьи 87 Основных законов, и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения. На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают

теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий. Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносятся в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого — о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении. Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ. При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. *(Рукоплекскания справа.)* Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей. *(Рукоплекскания в центре и справа.)* Излишне добавлять, что, несмотря

на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (*Рукоплекания в центре и справа.*) Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

Со своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию. В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. (*Рукоплекания в центре и справа.*) Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (*бурные рукоплекания и возгласы справа «браво»*) ... историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплекания и возгласы «браво» в центре и справа.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия первая. Часть I. Заседания 1—30 (с ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 307—312.

Первое выступление П. А. Столыпина в III Думе фактически представляло декларацию правительства, оглашавшую программу будущих действий. В ответ на речь председателя Совета министров высказали свои суждения представители ведущих фракций. Член партии умеренно-правых граф В. А. Бобринский призывал депутатов встать на путь «серьезной, спокойной и беспартийной» работы. Это предполагало законотворческую рутину и тесное сотрудничество с правительством, чаще всего исключавшее борьбу за власть. Один из лидеров правых Н. Е. Марков призывал коллег содействовать правительству «Самодержца Всероссийского». По его мнению, ключевая задача представительных учреждений заключалась в «помощи» царю и его ближайшим сотрудникам. Октябрист М. Д. Чельшев поднял вопрос о необходимости борьбы с алкоголизмом, который, по его мнению, представлял значительную угрозу народному благоденствию. Отвечая Столыпину, социал-демократ И. П. Покровский ставил под сомнение искренность исполнительной власти, которая в действительности защищала «архаичный чиновно-полицейский строй». С его точки зрения, неотложные реформы нельзя было провести, прибегая к прежним приемам управления. Трудовик Н. С. Розанов обвинял правительство в противозаконных действиях, которые разрушали основы правопорядка в стране. Представитель польского кола Р. В. Дмовский призывал исполнительную власть изменить акценты в государственной политике. По его мнению, прежде Россия в большей степени стремилась к достижению военной мощи и внешнеполитического могущества. Теперь же приоритетная задача — рост производительных сил народа, повышение его благосостояния. Эта цель могла быть достигнута лишь в случае реорганизации власти, предполагавшей ее децентрализацию. Только в этом случае Россия могла оставаться конкурентоспособной на международной арене. От имени фракции кадетов выступал В. А. Маклаков. Он, в частности, говорил: «Мы можем здесь сейчас сказать, что революция, пароксизм революции кончился, но зато время реформ наступило», а они откладываются на будущее. При этом он цитировал О. Бисмарка, что «сила революционного движения, сила революционного учения — совсем не в крайних идеях их вожаков, а в той доле умеренных требований, которые своевременно не были удовлетворены». В. А. Маклаков видел наиболее значимую ошибку действующей власти в том, что она продолжает их не замечать. В частности, это сказывалось в том, что правительство все чаще прибегало к насилию и игнорировало правовые нормы.

Повторное выступление в Государственной думе 16 ноября 1907 г. в связи с выступлением члена Государственной думы В. А. Маклакова

Господа члены Государственной думы! Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против правительства, я спрашивал себя, должен ли я, глава правительства, идти по пути словесного спора, словесного поединка и давать только пищу новым речам в то время, как страна с напряженным вниманием и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только со временем. И конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе «безответственным», выступаю я с разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну? Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуты опасности вверенную Ему Богом державу. (*Рукоплекскания в центре и справа.*) Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех его верноподданных. (*Рукоплекскания в центре и справа*) Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России

ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат, иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г-ном Розановым, нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно. Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди недостаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран — страна эта Франция, — где несменяемость судей была временно приостановлена, — этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти. Затем перейду к дальнейшему. Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права — то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. *(Рукоплекскания в центре и справа.)* Для того, чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканенная свобода». Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать

удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (*Рукоплекскания в центре и справа. Возгласы «браво».*) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении. Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. (*Рукоплекскания в центре и справа.*) Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечаю следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что называли себя гражданами «второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. (*Бурные рукоплекскания в центре и справа.*) Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации. (*Бурные рукоплекскания в центре и справа.*) Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! (*Бурные рукоплекскания*

в центре и справа.) Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права! (*Рукоплескания в центре и справа.)* Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с Запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти. Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилении всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины II и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. (*Бурные рукоплескания в центре и справа.)* Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве. Но этого недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. (*Возгласы «бра-*

во» и рукоплескания в центре и справа.) Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений. Я думаю, что превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, — я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам (*рукоплескания в центре и справа*) в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел. (*Бурные рукоплескания в центре и справа.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия первая. Часть I. Заседания 1—30 (с ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 348—354.

В своем выступлении П. А. Столыпин отвечал на речь депутата фракции кадетов В. А. Маклакова. Согласно выступлению Маклакова, сама правительственная политика являлась значимым фактором нестабильности в России. Маклаков заявлял: «Я скажу правительству: вы выступили здесь не с сознанием того, что проведением правового строя вы боретесь с революцией, вы выступили с апологией ваших прежних средств борьбы исключительно силою, вы выступили как люди, не верящие в силу права...».

Выступление в Государственной думе 31 марта 1908 г. по вопросу о сооружении Амурской железной дороги

Господа члены Государственной думы! Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необхо-

димось новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело стоит иначе — вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно бы быть разномыслия. Почему я так думаю, — я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников. Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга. Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по-видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России гибельна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годичная температура ниже нуля. Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить еще одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана, признания ошибки в его расчете, что тем более непростительно, что правительством не только внесен в Думу

законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании статьи 87 Основных законов. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. (*Голоса справа и из центра: «браво!»*.) Большинство думских партий находит, что у правительства не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой «gouverner — c'est prévoir», «управлять — это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательство, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, — говорил Менделеев, — что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места? Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая

является и нашей исторической миссией. И в этом отношении Военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник Военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии. Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война — это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее, иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил. Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию. Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос

шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения? Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по реке Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не трудно ее восстановить. Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии — это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы толстым слоем торфа и мха. При победоносном шествии целого века, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве. Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семенова. Действительно, Семенов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались еще заболоченными таежными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев. Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне

все-таки приходится несколько остановить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдет по двум областям и дойдет до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нем возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого края не производилось, но отчасти он все же обследован. В настоящее время производится обследование его северной части — Баргузинской тайги: эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2 000 000 десятин. Уже 500 000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев. Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном реки Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет в районе железной дороги или если железная дорога будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13 000 000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2 000 000 десятин Баргузинской тайги, до 2 000 000 десятин в Витимском побережье и отведено будет под переселение 151 000 десятин земли. Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придется вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения с одной стороны, переселенческие — с другой. О стратегических соображениях вам тут говорил помощник Военного министра, что касается интересов переселения, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил. Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по Нерчинскому направлению дорога проходит по долине реки Нерчин,

и в самой долине этой теперь уже до 750 000 дес. земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колесных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы ее удаляете как можно дальше от заселенных мест и прячете в каменный мешок. Дорога пройдет здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности не населенной, которая и не может быть заселена, и притом по местности скалистой, недоступной. Приведу еще одно соображение. Изменение направления, несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время все ведь налажено для Нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направление, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьезным тормозом и может привести нас к потере целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то Куенгинское направление представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск. Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более влажный, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутинное мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей. Край этот не есть загадка: в нем живут. О низменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800 000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых тут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами. На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту кафедру с проверенным багажом и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. *(Рукоплескания центра и справа.)* Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства

в Государственную думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочел его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 года, по которому, я цитирую самое представление, «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, земледобрильные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». (*Рукоплекания справа и центра.*) Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для нас живым примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем. Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по реке Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль течения не только реки Зеи, но и Уркуна, мы найдем до 13 000 000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи, арбузов и дынь. Затем по строящемуся колесному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин земли, годных под заселение. Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся отчасти в Приморской области долины рек Виры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай. Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем принаравливать к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие. Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские

пионеры... (*рукоплекскания справа и центра*); эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию. Теперь о финансовой стороне дела; но прежде чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано. Надо знать, что в 1899 году было провезено по Сибирской дороге 41 000 000 пудов груза, в 1906 г. было провезено уже 103 000 000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска? Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 Портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура. Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238 000 000 рублей; тут ее исчислили в несколько большей цифре, но даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6%, то и то на уплату процентов потребуются 15—16 миллионов рублей в год. На покрытие же убытков правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, — придется точно так же уплачивать 5—6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 рублей в год на версту. Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине. Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя

только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы... (*бурные рукоплескания справа и из центра*), ...в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. (*Бурные рукоплескания справа и из центра.*) Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа. Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью. (*Рукоплескания справа и из центра.*) Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. (*Рукоплескания справа и из центра.*) Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа,

нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово, — произнесите его. *(Продолжительные рукоплескания справа и из центра.)*

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть II. Заседания 31—60 (с 21 февраля по 6 мая 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 1404—1416.

Инициатором строительства Амурской железной дороги был бывший Министр внутренних дел, член Государственного совета гр. Н. П. Игнатьев, который доложил Николаю II о существовании угрозы российскому Дальнему Востоку как со стороны Японии, так и со стороны Китая. Ее устранение требовало форсированного освоения края. Игнатьев специально подготовил императора к предстоявшей встрече с министрами, которые все, как один, были настроены категорически против столь дорогого строительства. Игнатьев перечислил возможные аргументы противников Амурской железной дороги и представил императору свои возражения на сей счет. В июле 1906 г. Николай II лично настоял на строительстве Амурской железной дороги. Император вызвал министров финансов и путей сообщения и потребовал от них всячески содействовать реализации этого проекта, который должен был обойтись государственному бюджету в 215 млн руб.

31 марта 1908 г. в ходе обсуждения в Думе предполагавшегося строительства Амурской железной дороги выступили представители разных фракций. Так, член фракции кадетов Ф. И. Родичев подверг проект беспощадной критике, утверждая, что правительство предпочитало вкладывать ограниченные государственные средства в сомнительное по своим перспективам строительство вместо того, чтобы способствовать экономическому и социальному развитию Европейской России. По мнению октябриста М. Я. Капустина, единство страны предполагало необходимость финансового вложения в окраины империи, тем более столь мало освоенные, как Сибирь. Причем, столь затратные инвестиции с неизбежностью оправдались бы и с экономической точки зрения в самом скором времени. Схожую точку зрения высказал представитель правых — Н. Е. Марков. Он поделился своими впечатлениями от поездки по Сибири. По его ощущениям, колонизируемая азиатская часть империи обретала особое значение для России и в социальном, и в экономическом, и в стратегическом отношении. «Китайцы и японцы будут правы, если они культурно завоюют эту страну, раз они будут видеть, что их соседи, русские, не обращают никакого внимания на свои богатства». Кадет А. Ф. Бабянский ставил под сомнение экономическое и военно-стратегическое обоснование проекта. Аналогичным образом критиковал правительственную иници-

тативу и прогрессист Н. Н. Львов, и трудовик Н. С. Розанов. По мнению социал-демократа Н. С. Чхеидзе, Россия не могла пойти на столь существенные жертвы ради Приамурского края, так как это ставило под вопрос само существование целого государства. Однако, несмотря на многочисленных критиков, правительственный проект строительства Амурской железной дороги был принят большинством голосов депутатов Думы.

Выступление в Государственной думе 24 мая 1908 г. об ассигнованиях морскому ведомству на строительство военно-морских судов

После всего, что было тут сказано по вопросу о морской смете, вы поймете, господа члены Государственной думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правительство не преклонится перед неизбежностью, почему не присоединится к большинству Государственной думы, почему не откажется от кредитов? Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной думы не имеет основанием какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Думы хотело бы дать толчок морскому ведомству, хотело бы раз навсегда положить предел злоупотреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честного упорного труда, страницами воссоздания морской славы России. (*Возгласы: «верно»; рукоплескания.*) Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагоприятное дело отстаивать существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что все обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли, или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет также понятно, что побудительной причиной к этому является не ведомственное упорство, а основания иного, высшего порядка. Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет в этом деле то обстоятельство, что кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда

и во всем будут противостоять предложениям правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле и среди них есть еще лица, которые не поддались, может быть, тому чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной думы. Это дает мне надежду если не изменить уже предрешенное мнение Государственной думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд и что этот другой взгляд не безумен и не преступен. Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно. При этом правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен и можно ли с этим делом медлить. На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного перехода к чтению отдельных номеров сметы Морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости; это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию. Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот. Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и без крова, но когда налетает буря, чтобы противо-

стоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого нового корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством. Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны, позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота. Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неустройствам в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства, и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители

флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать. Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться от того чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах одной государственной пользы и государственной необходимости. Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух [первых] задач. Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота; невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом — флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу: на нем лежит обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, от всяких случайностей. Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота. Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков; я буду приводить вам простые данные, понятные, по-моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носящего кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет

равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая. Это все применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбродом; это будет отряд, не способный не только на оперирование, но и на маневрирование. Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых крейсеров, несколько миноносцев; между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасу, кто в китель, кто в мундир. И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хоть некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны грунтовые дороги, нужны почты и телеграфы; затронуты Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота. Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его утверждению он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение». Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное

напряжение сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника Морского министра, что сняло с Морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской Генеральный штаб, было установлено новое, автономное устройство судостроительных заводов. Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие. Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения с которой в один миг может переустроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой. К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов, было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно прийти в расстройство. Член Государственной думы Львов говорил о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, который достигим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием останов-

ки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил. Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера, что можно обучать личный состав и нижних чинов, и офицеров на тех двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверх-корабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России. Вот, господа, те доводы, которые побудили нас испрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4 броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем Востоке. Таким образом, от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба. Останавливаясь на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11 250 000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматичного, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом избавить морское ведомство от одержимой им болезни. Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы. Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося

вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях. Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин, лучшие, быть может, силы флота лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас? Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев, — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства? Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дожидаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроженных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство. Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. *(Продолжительные рукоплескания.)* Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства. Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми». Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеделанию. *(Смех слева.)* Ведь, господа, для «лукавых рабов» ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. *(Смех слева.)* Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. *(Смех слева; возгласы справа: «браво».)* А вы делаете нечто подобное с флотом *(рукоплескания справа и в центре)* ...и, может быть, делаете худшее. Вы — хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже

будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич, — этим и ничем более. Вы станете выше партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не суйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определено. Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него гибельной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». (*Рукоплекскания справа и в центре.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть III. Заседания 61—98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 1397—1408.

Вопрос о реформе ведомства был поднят еще в декабре 1906 г. по инициативе самого императора, встретив при этом яростное сопротивление министра А. А. Бирилева. Даже среди высшей бюрократии ходили слухи о многочисленных случаях коррупции в этом ведомстве. Например, сенатор Н. П. Гарин рассказывал, что некий адмирал, служивший непосредственно в министерстве, получал от поставщиков постоянное жалование. Неудивительно, что и на флоте относились с предубеждением к своему начальству. Положение министерства осложнялось тем, что в общественных кругах господствовало убеждение о необходимости перераспределения средств в пользу сухопутных войск. В частности, этой точки зрения придерживался и сам А. И. Гучков.

Министерство было вынуждено искать контакты с думским руководством. Оно регулярно организовало частные совещания депутатов и представителей ведомства. Преимущественно они собирались на квартире одного из лидеров «Союза 17 октября» Ю. Н. Милютина, где товарищ министра И. Ф. Бострем и его подчиненные давали подробные разъяснения по всем интересующим вопросам. Согласно воспоминаниям Н. В. Савича, в ходе этих заседаний складывались доверительные отношения между депутатами и сотрудниками Морского Генерального штаба, весьма критически оценивавшими положение флота. Они и многие другие чиновники ведомства сообщали членам комиссии по государственной обороне разнообразные сведения о состоянии военно-морских сил в стране. Вырисовавшаяся картина требовала срочных мер, направленных на реорганизацию ведомства.

29 сентября 1908 г. член фракции кадетов М. В. Челноков жаловался Д. Н. Шипову на морское ведомство, которое внесло в Думу смету, по его мнению, значительно хуже предыдущей: «Морское [министерство] сделало очень просто: все кредиты, вызванные преобразованиями, оно в смету включило, но все старое оставило, так что получилась такая каша, что трудно себе представить, как можно было иметь наглость подобные предложения представлять. Например, Балтийский действующий флот состоит из 2 броненосцев, 4 крейсеров и несколько десятков миноносцев, из которых половина — старые. И этот игрушечный флот имеет 21 штаб со всеми генералами. На дело дается пустяк, а на пустяки невероятные суммы. В Черном море минная пристрелочная станция стоит 7500 руб. в год, а катера начальствующих лиц — 75 тыс. руб. Из 45 тыс. матросов музыкантов, 1300 мастеровых, 1000 писарей и все в таком роде. Весь гвардейский экипаж занят только одними яхтами, и в нем нет ни одного боевого судна, а он стоит до 1,5 млн в год и в него набираются все начальствующие лица. В хозяйственную часть лучше не заглядывать. В комиссии настроение все это безобразие вытянуть на свет Божий и смету урезать, предоставив Государственному совету опять ее исправить».

Самая приблизительная оценка положения Морского министерства свидетельствовала о глубоком управленческом кризисе в этой сфере государственной жизни. При этом от Думы требовалось утвердить значительные расходы при отсутствии какой-либо стратегии развития флота. Это вызвало жесткое сопротивление со стороны Комиссии по государственной обороне. Показательно, что в ходе ее заседаний в 1908 г. министру было задано 120—130 вопросов, лишь на 70 из них были получены ответы, частью письменные, частью устные.

Выступление в Государственной думе 5 декабря 1908 г. по вопросу о правительственном земельном законопроекте

Господа члены Государственной думы! Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу, после того, как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью, значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна.

В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самодеятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. (*Голоса в центре и справа: «браво».*) Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли. Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны — признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом. Противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин «личная собственность» и что понимают противники законопроекта под понятием «собственности семейной». Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении; он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместе с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность. Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю. Но что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти

относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может, без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собой, ни отвести надел к одному месту: он стеснен во всех своих действиях. Что же из этого может выйти? Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долголетнее решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю! Как бы, господа, не наплодить не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполощицей, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина. Во имя чего все это делается? Думаете ли вы этим оградить имущество детей отцов пьяных, расточительных или женившихся на вторых женах? Ведь и в настоящее время община не обеспечивает их от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник наделного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного, уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету. Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор, граф Бобринский (2)? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развить институт опеки за расточительность, который в настоящее время Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недобримости участков. Но главное, что необходимо, — это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. (*Рукоплекскания центра.*) Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. (*Рукоплекскания справа и в центре.*) Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке статьи 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на

сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. (*Рукоплекания центра и отдельные — справа.*) Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. (*Голос слева: «здорово»; голос из центра: «верно».*) Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? (*Голос из центра: «верно».*) Нельзя возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. (*Голос из центра: «браво».*) Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищеты, от невежества, от бесправия. (*Бурные рукоплекания центра и на некоторых скамьях справа; голос слева: «а от виселиц?».*) И насколько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года. Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции». (*Бурные рукоплекания центра.*) Затем дальше: «С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями». Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи. Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной

собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия. (*Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; иронические восклицания слева.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I. Заседания 1—35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 2279—2284.

В своем выступлении П. А. Столыпин отстаивал принципы, положенные в основу Указа 9 ноября 1906 г. Одна из ключевых проблем российской истории начала XX века — неэффективность крестьянского хозяйства, сдавливаемого архаичными нормами общинного уклада жизни. Российское крестьянство, составлявшее порядка 80% населения страны, получило в 1861 г. личную свободу, однако оставалось связанным множеством ограничений. Основные из них были связаны с существованием общины. Столыпин отзывался о ней чрезвычайно жестко. Решение аграрного вопроса он видел в превращении крестьянина в собственника своего земельного надела. Кроме того, земледельца необходимо было наделить имущественными правами, дабы гражданские и политические права не оставались пустой буквой. Для реализации этой задачи правительством был инициирован целый комплекс мер. Указом 9 ноября 1906 г. крестьянин получил право укреплять в собственность свой надел, который прежде он не мог ни продать, ни заложить, ни сдать в аренду. Указ 9 ноября 1906 г. должен был стать, по Столыпину, последним звеном в «деле раскрепощения нашего земледельческого класса». Указ ликвидировал насильственное прикреплении к общине. Считая чувство личной собственности природным свойством человека, Столыпин настаивал на том, чтобы в России сформировался мощный класс крестьян-собственников, который в аграрно-крестьянской стране станет, с одной стороны, основным источником формирования среднего класса, а с другой — прочным фундаментом гражданского общества и правового государства.

Простое изменение правового статуса крестьянского надела не могло привести к качественным изменениям в крестьянском хозяйстве. Обычный надел был разделен на множество полос, между которыми пролегали значительные расстояния. Это заметно затрудняло земледельческие работы. Таким образом, перед правительством вставала проблема землеустройства, которое сводило бы воедино полосы одного надела. В итоге возникал бы отруб или хутор (если бы от общины обособлялся не только земельный надел, но и усадьба с хозяйственными постройками). Столыпин

не просто объявил аграрную реформу и обеспечил ее законодательно, он предусмотрел создание мощного инструмента реализации своих планов. В целях «выяснения на местах земельных нужд крестьянского населения и содействия к расширению и улучшению его землевладения» в деревню были направлены хорошо подготовленные специалисты, которые должны были воплотить в жизнь столыпинские идеи землеустройства.

Выступление
в Государственной думе 11 февраля 1909 г.
о деле тайного сотрудника Департамента полиции
Е. Азефа
(извлечения)

Господа члены Государственной думы! Прежде чем Государственная дума примет какое-либо решение по заявлению об азефском деле, я хочу поделиться с вами теми сведениями, которые правительство по этому делу имеет. Несмотря на то только что высказанные соображения, заявление по этому делу представляется мне недостаточно обоснованным; данные, на которых построено заявление, противоречат тем материалам, которые имеются в распоряжении правительства. Обвинения, которые вытекают из запроса, раздалась впервые и раздаются и теперь всего громче из революционного лагеря. Поэтому я думаю, что Государственная дума, выслушав меня, может быть, найдет, что в действиях правительства нет оснований для запроса о действиях незаконных. Если, господа, я не выступил раньше, то потому, что возводились против правительства голословные обвинения, я же хотел иметь в руках хотя какие-нибудь данные, против которых мог бы возражать, так как мне казалось, что те лица или партии, которые подняли дело об Азефе в Государственной думе, хотят поставить правительство в положение невыгодное, сбить его на определенную позицию, которая дала бы заявлениям правительства желательную для противников его окраску. Эта позиция, это положение — положение стороны обороняющейся, став на которую правительство едва ли могло бы освободить свои объяснения от полемического оттенка. Между тем, дело Азефа — дело весьма несложное, и для правительства и для Государственной думы единственно достойный, единственно выгодный выход из него — это путь самого откровенного изложения и оценки фактов. Поэтому, господа, не ждите от меня горячей защитительной или обвинительной речи, это только затемнило бы дело, придало бы ему ведомственный характер; отвечая же лично на этот запрос, я хотел бы осветить все это дело не с ведомственной, не с правительственной

даже, а с чисто государственной точки зрения. Но, прежде чем перейти к беспристрастному изложению фактов, я должен установить смысл и значение, которое правительство придает некоторым терминам. Тут в предыдущих речах все время повторялись слова «провокаатор», «провокация», и вот, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я должен теперь же выяснить, насколько различное понимание может быть придано этим понятиям. По революционной терминологии, всякое лицо, доставляющее сведения правительству, есть провокаатор; в революционной среде такое лицо не будет названо предателем или изменником, оно будет объявлено провокаатором. Это прием не бессознательный, это прием для революции весьма выгодный. Во-первых, почти каждый революционер, который улавливается в преступных деяниях, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступление, а, во-вторых, провокация сама по себе есть акт настолько преступный, что для революции небезвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией. А между тем, правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает провокаатором только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокаатора. (*Голос слева: «верно».*) Таким образом, агент полиции, который проник в революционную организацию и дает сведения полиции, или революционер, осведомляющий правительство или полицию, eo ipso еще не может считаться провокаатором. Но если первый из них, наряду с этим, не только для видимости, для сохранения своего положения в партии, высказывает сочувствие видам и задачам революции, но вместе с тем одновременно побуждает кого-нибудь, подстрекает кого-нибудь совершить преступление, то, несомненно, он будет провокаатором, а второй из них, если он будет уловлен в том, что он играет двойную роль, что он в части сообщал о преступлениях революционеров правительству, а в части сам участвовал в тех преступлениях, несомненно, уже станет тяжчайшим уголовным преступником. Но тот сотрудник полиции, который не подстрекает никого на преступление, который и сам не принимает участия в преступлении, почитаться провокаатором не может. Точно так же трудно допустить провокацию в среде закоренелых революционеров, в среде террористов, которые принимали сами участие в кровавом терроре и вовлекали в эти преступления множество лиц. Не странно ли говорить то же о провоцировании кем-либо таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер и др. Но смысл и выражение запроса не оставляют никакого сомнения в том, что Азефу приписывается провокация в настоящем смысле этого слова, а также и активное, последовательное участие в целом ряде преступлений чисто государственных...

...Вывод первый, о котором я упомянул, что у меня в настоящее время нет никаких данных для обвинения должностных лиц в каких-либо преступных или незаконных деяниях. В настоящее время у меня нет в руках и данных для обвинения Азефа в так называемой провокации. Второй вывод, вывод печальный, но неизбежный, — что покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск. Познакомьтесь, господа, с революционной литературой, прочтите строки, поучающие о том, как надо бороться посредством террора, посредством бомб, причем рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунные, для того чтобы было больше осколков, или чтобы они были начинены гвоздями. Ознакомьтесь с проповедями цареубийств. Ознакомьтесь с проповедью, с горячей проповедью о необходимости продолжения террора, каковая резолюция была еще принята партией революционеров в Лондоне в 1908 году и которая принята теперь группой парижских революционеров уже после бегства Азефа, и скажите, господа, может ли правительство по совести удовлетвориться только внешней, наружной охраной или на его ответственности, на его совести лежит охранять и Государя, и государственность другими путями, путями внутреннего освещения. Я знаю, мне скажут: этот путь опасен; это путь, который влечет и к превышению власти, и к провокации. Я, господа, не буду утомлять ваше внимание перечислением ряда инструкций, циркуляров, которые даны были мною по полиции для предупреждения таких явлений; не буду указывать на то, что в настоящее время усердно работает комиссия под председательством государственного секретаря Макарова по большому для нас вопросу о реформе полиции. Напомню только, что все те случаи провокации, которые доходили до правительства, подвергались судебному расследованию...

...Напрасно ссылаются на мою речь в Первой государственной думе. Я говорил тогда, что правительство, пока я стою во главе его, никогда не будет пользоваться провокацией как методом, как системой. Но, господа, уродливые явления всегда возможны! Я повторяю, что когда уродливые явления доходят до правительства, когда оно узнает о них, то оно употребляет против них репрессивные меры. Я громко заявляю, что преступную провокацию правительство не терпит и никогда не потерпит. (*Рукопись-справа.*) Но, господа, уродливые явления нельзя возводить в принцип, и я считаю долгом заявить, что в среде органов полиции высоко стоит и чувство чести, верности присяге и долгу. Я знаю службу здешнего охранного отделения, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся к смертельной опасности. Я помню двух начальников охранного отделения, служивших при мне в Саратове, я помню, как они меня хладнокровно просили, чтобы я, когда их убьют, озабочился об их семьях. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину...

...Я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый труд и сила на борьбу с разъедающей язвой революции конечно, не цель, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что и в законодательное учреждение были попытки бросать бомбы! А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой. Ведь изнеженное, изболелвшееся народное тело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь, и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собой отпадут и исключительные положения и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию достаточно подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты Престола, и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса как на возведенное нами безобразное здание и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере в главных очертаниях, здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю — России! (*Шумные рукоплескания справа и в центре.*) И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда. (*Рукоплескания в центре и справа.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II. Заседания 36—70 (с 20 января по 5 марта 1909 г.). СПб.: Государственная типография, 1909. Стб. 1418—1438.

---

20 января 1909 г. было внесено 2 запроса (социал-демократов и кадетов) о провокационной деятельности Е. Ф. Азефа.

Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — один из создателей и лидеров партии социалистов-революционеров, секретный сотрудник Департамента полиции (с 1892 г.). С 1899 г. член «Северного союза социалистов-революционеров». С 1903 г. руководил «боевой организацией» партии эсеров. Подготовил ряд террористических актов (убийство В. К. Плеве в 1904 г., великого князя Сергея Александровича в 1905 г.). В 1905 г.

выдал полиции почти всех членов «боевой организации». В 1908 г. был разоблачен В. Л. Бурцевым. ЦК партии эсеров приговорил его к смерти, но Азеф сумел скрыться. В 1915 г. он был арестован в Германии как шпион России. Е. Ф. Азеф скончался в Берлине.

Думское большинство отклонило спешность запросов и передало их в думскую комиссию. Согласно материалам комиссии, Азеф был секретным сотрудником Департамента полиции. Докладчик комиссии граф В. А. Бобринский предложил отклонить запрос фракции социал-демократов. Это предложение поддержали правые и октябристы. По мнению октябриста В. К. Анрепа, разоблачение Азефа дискредитировало прежде всего партию эсеров, а не охранительные структуры и само правительство.

Эта точка зрения не могла найти поддержки на левом фланге Думы. Так, член фракции социал-демократов И. П. Покровский обвинял правительство в том, что весь господствовавший полицейский режим основывался на провокации, что с неизбежностью влекло за собой его разложение. По мнению трудовика А. А. Булата, Дума, дискутируя об «азефовщине», обсуждала не частный случай, а особенности функционирования репрессивного механизма в Российской империи.

Схожую точку зрения отстаивали и кадеты (В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, О. Я. Пергамент, Ф. И. Родичев). По словам О. Я. Пергамента, провокации, к которым часто прибегала полиция, расшатывали правовой строй Российской империи. По мнению Милюкова, власть, рассчитывавшая на Азефа, не могла в действительности бороться с революционным движением. Она, в сущности, сама его порождала.

Думское большинство запросы по делу Азефа отклонило. В этой связи была принята следующая формула перехода к очередным делам: «Признавая объяснения Правительства удовлетворительными и исчерпывающими и выражая уверенность, что в борьбе с террором Правительство будет пользоваться всеми законными средствами, Государственная дума отвергает запросы и переходит к очередным делам».

Выступление в Государственном совете 20 февраля 1910 г. по вопросу о правительственном законопроекте о взимании дорожных сборов в пользу городов

Господа члены Государственного совета! Законопроект о взимании сборов в пользу городов с грузов, привозимых и вывозимых из них, рассматривался первоначально во время моего отсутствия из С.-Петербурга.

Ознакомившись с бывшими по этому предмету прениями и со всеми материалами, относящимися до обсуждаемого вопроса, я не мог не вынести впечатления, что Государственный совет усмотрел в законопроекте Министерства внутренних дел попытку правительства присвоить себе некоторые функции законодательного характера. Это по крайней мере послужило поводом для передачи дела в согласительную комиссию. Это служит и до настоящего времени главным и даже единственным пунктом разномыслия в этом вопросе между Государственной думой и Государственным советом. Но прежде чем обратиться к этой стороне дела, позвольте мне коснуться несколько существа его, так как у меня сложилось также впечатление, что юридическая мотивировка возымела особенную силу, вследствие внутреннего убеждения многих членов Государственного совета о том, что предполагаемый сбор имеет крупные отрицательные стороны по существу, что он мог бы применяться в отдельных, исключительных случаях в форме особого воспособления городам, а что правительство, со своей стороны, стремится придать ему характер сбора постоянного, сбора нормального сначала в пользу городов, а потом и в пользу земств. В этом убеждении меня еще более укрепило то, что сказал в своей речи Н. Э. Шмеман. Я не буду утомлять вас, господа, подробным воспроизведением всех аргументов, которые высказывались тут против правительственного законопроекта. Но позволяю себе вкратце напомнить, что во время прений иные ораторы, с точки зрения интересов сельского хозяйства, указывали на то, что сбор этот ляжет главным образом на производителей, что города будут делать сбережения в той части бюджета своего, которая при других условиях была бы отнесена на сооружение дорог, и всю тяжесть расходов на подъездные пути перенесут, ввиду попудного сбора, на внегородского обывателя. Другие ораторы, с точки зрения интересов промышленности и торговли, указывали на то, что сбор этот — очень тяжелый и вредный косвенный налог, что он через десяток лет коснется 13 миллиардов пудов перевозимых по стране грузов и даст городам до 45 миллионов рублей ежегодного дохода. Очень многие говорили также относительно того, что предполагаемый сбор есть самый вредный вид косвенного обложения и что он более несправедлив, чем существующий за границей приватный акциз, «octroi». Указывалось на то, что только что доказывал и председатель согласительной комиссии, что совершенно не выяснена степень обременительности сбора как для населения, так и для внешней торговли, а также и на то, что возможно изыскать и иной источник для усиления городских ресурсов. Но, в сущности, все доводы сводились к тому, что попудный сбор — тягостный налог, что соединение железнодорожных станций с городами должно быть отнесено на ресурсы городов и что нельзя приравнивать попудный сбор к уплате за услугу, так как он будет

взиматься до осуществления тех сооружений, которые он предназначен окупить. Прежде всего, господа, прежде чем приводить мотивы против этих данных, мне кажется, следует свести правительственный законопроект к его основной скромной природе, и тогда, может быть, он не покажется столь опасным, как он представляется из-за несоответственного грозного арсенала выставленных против него аргументов. Необходимо иметь в виду, что сбором этим в качестве нового источника дохода воспользуются только нуждающиеся в этом города, воспользуются на определенную цель — на сооружение определенной дороги или на капитальный ее ремонт, причем первоначально уже будет вычислена стоимость этого сооружения и сроки сбора. Ясно, что сбором воспользуются далеко не все города, что период взимания этого сбора будет кратковременен и что обложен будет только тот груз, который будет пользоваться сооружаемыми путями. Каким же образом говорить тут о миллионных доходах, каким образом требовать каких-то цифровых выкладок, когда неизвестно еще, скольким городам, на какие сооружения, в какой сумме будет разрешен сбор? Подсчеты же в предположении, что сборами непременно воспользуются все города, воспользуются ими в высшем размере и со всех грузов, были бы явно ошибочны. Тут вспоминалась история возникновения попудного сбора, вспоминались суждения старого Государственного совета о вреде приватных акцизов, а только что упоминалось о том, что Государственный совет отклонил ходатайство города Лодзи о взимании попудного сбора, — но я должен внести в это воспоминание некоторую поправку и напомнить, что Государственный совет в конце концов согласился установить попудный сбор для города Лодзи, за что этот город и отблагодарил сильным экономическим подъемом. Действительно, относительно Москвы, и только относительно Москвы, старый Государственный совет выказал некоторые колебания. В представлении относительно Москвы Министерством внутренних дел изображена была полная картина угнетенного экономического и финансового состояния наших городов, из которой выяснилась вся скудость их ресурсов. Как на единственный почти источник пополнения этих ресурсов и в то время, как и поныне, указывалось на городские займы. Но тут мы подходим к коренному вопросу, вопросу о том, возможно ли возлагать на города непереносимое обязательство сооружения подъездных путей от станции к городам и можно ли считать попудный сбор платою за услугу. Господа, этот вопрос требует коренного и обстоятельного обсуждения. Для разрешения его нам нужно обратиться к истории возникновения нашего железнодорожного строительства. Тогда как в других странах железные дороги начали строиться при наличии хорошо оборудованной сети грунтовых и шоссейных дорог, у нас железнодорожные пути начали прокладываться при полном бездорожье. Более

того, железнодорожное строительство убило в самом зародыше зарождавшееся шоссеное строительство. Еще Наполеон говорил, что Россия отличается от других государств тем, что она обладает одной лишней стихией и стихия эта — бездорожье. Неудивительно поэтому, что железнодорожные строители, изыскивая кратчайшие расстояния для соединения между собой отдаленных пунктов, не считались и не могли считаться с интересами прорезаемого рельсовым путем края, края стихийного бездорожья. Таким образом возникали железнодорожные станции, совершенно отрезанные от ближайших к ним населенных пунктов, которые могли служить, конечно, и как рынки потребления, и как рынки, поставляющие товары на железные дороги. Я полагаю, что высшая железнодорожная комиссия не преминет указать нам на те убытки, которых, может быть, удалось бы избежать железным дорогам, если бы своевременно у нас была устроена правильно оборудованная сеть подъездных к железнодорожным путям дорог. Но в настоящее время главным страдательным лицом в этом деле являются наши города. Не говоря уже о том, что станции железных дорог расположены обыкновенно у нас на краю городов, надо помнить, что из 488 станций, обслуживающих одноименные с ними города, 238 станций лежат вне селительной их части, а большинство станций — на уездной территории. У городов нет средств, чтобы подвести к этим станциям подъездные пути. Но правильно ли, господа, законно ли требовать от городов использования чрезвычайных ресурсов на постройку таких подъездных путей? Я смею утверждать, что такое требование не было бы основано на законе. И действительно, если обратиться к пункту 10 статьи 138 Городового положения, то мы усмотрим, что на попечение городов лежит содержание в порядке мостов, площадей и улиц, но нигде в законе не указано, что города обязаны строить подъездные пути, особенно вне селительной их части. Эта обязанность не возложена нашими законодательными положениями и на земства. Предъявлять такого рода требования и к земствам, и к городам можно было бы на одинаковом основании, как к казне, так и к управлениям железных дорог. При таком положении дела уже одно открытие дороги, дороги хотя бы самой первобытной, хотя бы самой примитивной, является крупной услугой, услугой товароотправителям и товарополучателям. Плата за эту услугу, так же, как и за дальнейшее улучшение пути, должна быть отнесена на самые грузы. При нашем финансовом положении сами товары должны пробивать себе дорогу к покупателю. И в этом я не вижу никакой опасности, при условии предварительного подсчета стоимости сооружения и времени осуществления сооружения. Для доказательства же того, что сбор этот не может быть тяжел ни для товароотправителя, ни для потребителя, я могу привести некоторые цифры, некоторые данные, собранные Министерством

внутренних дел. По этим данным, стоимость провоза грузов при усовершенствовании путей понизилась в Борисоглебске, Тамбовской губернии, и Конотопе, Черниговской губернии, в 5 раз; в Луганске, Екатеринославской, и Дмитриеве, Курской губерний, — в 3-4 раза; в Гадяче, Полтавской, Валуйске, Воронежской, и Сычевке, Смоленской губерний, — в 2-3 раза; в Валдае, Новгородской, Павлограде, Херсонской, и Ельне, Смоленской губерний — в 2 раза. Безусловно, не противоречит нашей законодательной практике и разрешение взимания сбора, то есть платы за услугу, немедленно по открытии пути до его усовершенствования. Существует же в нашей практике сбор, устанавливаемый тоже административным порядком, сбор в одну пятаю копейки с пуда ввозимого на станцию груза, взимаемый на устройство приспособлений для хранения грузов; существует же право Министра финансов, основанное на законе 1900 г., устанавливать обязательные сборы «на устройство» и содержание коммерческих училищ. Почему же сбор на «устройство» подъездных путей должен считаться еретическим? Да такой способ, по моему мнению, гораздо выгоднее и для потребителей, и для покупателей, чем последующие сборы, взыскиваемые на сооруженных уже путях, согласно пункту 13 статьи 63 Городового положения. Ведь, согласно этому закону, город может обставить рогатками чуть ли не все свои улицы и начать взимать сбор, наивысший размер которого устанавливает местная административная власть, то есть такой сбор, который обеспечен меньшими гарантиями справедливости, чем предполагаемый сбор попудный. Затем, сбор этот может быть длителен, так как закон не ограничивает его сроком оборудования пути. Наконец, сбор этот не имеет никакого соответствия со стоимостью товаров и устанавливается без согласования с общегосударственными интересами. Вот, господа, те причины, по которым я считаю в настоящем положении дела, по существу, попудный сбор — сбором самым правильным для городов-потребителей, отрезанных от питающих их железнодорожных станций. Принципиальная сторона дела не изменится от возражения, что сбор этот может быть распространен и на земства. Относительно дорожного земского сбора подготовлен проект устава гужевых дорог, согласно которому сбор этот установлен на твердых, определенных принципах и не имеет никакого отношения к путям, соединяющим города с одноименными станциями. Переходя к юридическим доводам, к юридической части вопроса, я должен сказать, что правительству, может быть, был бы всего удобнее способ отдельных законодательных постановлений по каждому отдельному вопросу. Способ этот, во всяком случае, был бы для правительства менее ответствен. Но я утверждаю, что он свел бы настоящий законопроект на нет. Не говоря уже о том, что при такой постановке закон представлял бы из себя исключительно наставление городам, как, каким образом

возбуждать ходатайства, подавать прошения о попудном сборе, и реального ничего никому не дал бы, но он поставил бы все дело в худшее положение, чем оно стояло при прежнем порядке в неререформированном Государственном совете. Теперешний законопроект вменял бы в обязанность Министру внутренних дел представлять на законодательное утверждение вопросы и о предмете сбора, и об объеме оно, и о сроке его взимания. Таким образом, отпадают статьи 3 и 6 законопроекта, исключается априорное согласование размера сбора со стоимостью товара или, что то же самое, с тарифной ставкой, но сохраняется разнообразие ходатайств, разнообразие, касающееся обложения и сметы ставок. В калейдоскопе этих вопросов придется каждый раз разбираться высшим законодательным учреждениям. Более того, если придерживаться предлагаемого принципа, то на утверждение и Государственной думы, и Государственного совета будут восходить таксы сборов в соответствии с распределением грузов по категориям. Господа члены Государственного совета, эта такса по городу Александровску обнимает 85 страниц обширного формата убористого шрифта. Не слишком ли была бы отяготительна обязанность городов представлять такой расчет, без уверенности, что ходатайства их будут удовлетворены? Старый Государственный совет этого не требовал. Он определял принципы обложения, а затем предоставлял устанавливать самую таксу по усмотрению городской думы с санкции Министра внутренних дел. Теперь, при требовании от Министра внутренних дел представления на законодательное утверждение вопросов о предмете сборов и высоте обложения, это стало бы не возможным. В распоряжении Министерства внутренних дел в настоящее время имеется более 100 ходатайств разных городов о представлении им попудного сбора при самых разнообразных условиях размеров, сроков и предметов обложения. Я, господа, не беру на себя сделать подсчет того, сколько времени потребуется законодательным учреждениям для рассмотрения всех этих ходатайств. Но я признаю, что такая затрата времени была бы совершенно неизбежна, что нужно было бы остановить даже самую жизнь, если бы того требовал закон. Однако в этом я позволю себе усомниться и решаюсь даже утверждать противоположное. Говорят, законодательство наше знает только два способа для установления новых сборов и налогов: порядок законодательный и порядок самообложения; «tertium non datur». Правительство этого не оспаривает! Правительство, наоборот, в этом порядке мыслей и внесло на Ваше уважение законопроект, устанавливающий законодательные нормы обложения, те тесные рамки, в которых может быть установлен сбор с привозимых и вывозимых грузов. Но так как сбор не предполагается распространить на все города, то на Министра внутренних дел предполагается возложить ограничительные функции применения это-

го сбора в тех или других городах, по вперед законом определенному трафарету. Установление обложения такого разряда законодательными актами практиковалось у нас постоянно. Вспомните данное законом Министру финансов право собственной властью устанавливать цены на вино до определенных норм. Вспомните его же право определять и изменять железнодорожные тарифы, тарифы, которые являются не только платою за услугу пробега, но и за устройство пути. И такое право соответствующие министры имеют во всех странах, в которых нет тарифной свободы. Наконец, повторяю, что Министру путей сообщения предоставлено право в административном порядке устанавливать сбор в одну пятую копейки на устройство приспособлений для хранения грузов. Министру финансов предоставлено право устанавливать сбор на устройство и содержание коммерческих училищ. При этом я должен обратить ваше внимание на то, что все даруемые высшей администрации в этом порядке права принесли благодетельные результаты, то есть они несколько изменили наши тяжеловесные приемы, давящие и тормозящие живую жизнь. Упомяну еще, что в практике нашего городского законодательства известны случаи, когда вспомогательные городские сборы, которые проводились сначала посредством отдельных законодательных актов, превращались потом в общий закон. К такого рода сборам относятся сбор с извозного и перевозного промыслов, сбор с лошадей и экипажей и т.п. Что было бы, господа, если бы все эти дела восходили на ваше усмотрение? Это был бы законодательный плеоназм, это было бы законодательство в квадрате, это был бы законодательный тормоз, как будто нарочно созданный для замедления нашего законодательного процесса. И это в России, где законодательствовать вам приходится на пространстве, равном одной шестой части земного шара. Безусловно убежденный, что в предложении правительства не заключается никакой юридической ереси, я обращаюсь к вам с просьбой остановить ваше просвещенное внимание еще на другой стороне этого дела — стороне принципиальной. Из предыдущего изложения вы изволили усмотреть, что при прежних порядках прежний Государственный совет оказывал некоторое доверие министрам и давал им известные полномочия по применению некоторых законов об обложении. В настоящее время в нашей законодательной жизни явился новый фактор — Государственная дума. Место отдельных министерств заняло объединенное правительство, получающее свои указания непосредственно от Верховной власти. Но указания эти могут проводиться в жизнь лишь при согласованной работе правительства, Государственной думы и Государственного совета. И я смею думать, что в тех программных вопросах, в которых достигнуто соглашение между Государственной думой и правительством и против которых Государственный совет принципиально не возражает, правительство вправе

искать поддержки Верхней палаты. Поэтому и в обсуждаемом деле, в деле небольшом, но имеющем свою принципиальную программную сторону, важно достигнуть согласия всех факторов государственной жизни. Я избегаю произносить программные речи, но я думаю, что вам, зорко и близко следящим за ходом государственных дел, ясна не блестящая, с внешней стороны, после перенесенного поражения и после пережитой смуты, наша чернорабочая программа. Мы стремимся улучшить условия народной жизни, мы видим в этом укрепление России, укрепление внешнее и внутреннее. Мы стремимся упрочить законность и закономерный порядок, но вместе с тем мы стремимся укрепить и экономические устои. Помимо создания мелкой частной собственности, помимо землеустройства, помимо агрономической помощи, помимо расширения мелкого кредита, о чем на днях будет внесен законопроект в Государственную думу, мы стремимся снять также и экономические путы с земств и городов. Жизнь земская и городская не идет вперед, главным образом, не из-за недостатка прав, а из-за недостатка средств. И в настоящее время принимает уже определенные очертания законопроект о муниципальном кредите. Рассматриваемый вами сегодня законопроект затрагивает один уголок в области улучшения жизни народа. Он направлен к уничтожению одного из зол русской жизни — бездорожья. И сделать это мы хотим не путем упразднения законодательного порядка, как выражался тут в октябре один из ораторов, а путем строгого сотрудничества, согласования деятельности административной с деятельностью и решениями законодательных учреждений. В этом, полагаю, господа члены Государственного совета, я вправе рассчитывать на Ваше сочувствие.

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг. Сессия пятая. Заседания 1—64 (10 октября 1909 г. — 17 июня 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. Стб. 832—841.

Законопроект «О главных основаниях и порядке установления сбора в пользу городов с грузов, привозимых и вывозимых по железной дороге» вызвал разногласия между Думой и Государственным советом. В этой связи была образована согласительная комиссия. Члены нижней палаты настаивали, чтобы ходатайства городов о взимании сбора с грузов разрешались администрацией. С их точки зрения, широкое распространение такого сбора должно было способствовать упрочению финансового положения органов местного самоуправления, которые тратили бы эти средства на разрешение проблемы бездорожья. В Государственном совете полагали, что такого рода вопросы следовало рассматривать в общем законодательном порядке, так как передача права сбора с грузов, провозимых

по железной дороге, городам не соответствовала нормам действовавшего законодательства. В итоге возобладала позиция верхней палаты, с которой согласился и премьер-министр.

После выступления П. А. Столыпина с речью к Государственному совету обратился Л. Д. Лесевицкий, который поддержал слова председателя Совета министров. По мнению Лесевицкого, законопроект, выработанный в согласительной комиссии, вполне соответствовал настроениям верхней палаты и фактически имел значение наказа для будущей законотворческой деятельности. В пользу необходимости такого сбора высказывались А. Д. Зиновьев, М. В. Красовский. Премьеру оппонировал Крестовников, доказывавший, что этот налог всей своей тяжестью ляжет прежде всего на сельское хозяйство. Кроме того, с точки зрения Крестовникова, города не смогут эффективно использовать полученные средства для решения проблемы бездорожья. С. Ю. Витте ставил под сомнение значение этого сбора, который поставил бы железнодорожное хозяйство в чрезвычайно трудное положение.

Законопроект был утвержден большинством верхней палаты — 107 голосов против 57.

Выступление в Государственном совете 15 марта 1910 г. о праве крестьян выходить из крестьянской общины в связи с поправками к закону от 9 ноября 1906 г.

Господа члены Государственного совета! После исчерпывающего доклада М. В. Красовского и после глубоких разъяснений такого высокоуважаемого и авторитетного знатока крестьянского дела, как А. С. Стишинский, задача моя, представителя правительства, сильно упростилась. Я свободен теперь от обязанности разъяснять вам существо и значение Указа 9 ноября 1906 года, тем более что по поводу этого акта и в Государственной думе, и в Особой комиссии Государственного совета, и в ученых обществах, и в прессе, без преувеличения, сказано уже все. Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях. Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени, может быть, было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть на него как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие

уродливое и уродующее местную жизнь. Конечно, за последнее время суровые доводы против закона поневоле смягчены теми результатами, которые дает жизнь, но, вместе с тем, и понятно и естественно стремление противников закона выровнять, выправить, видоизменить, обезвредить вредное, в их глазах, явление ранее, чем оно получит окончательное признание, окончательное узаконение в этом высоком учреждении, ранее, чем санкционировать дальнейший его рост и развитие. Но точно так же, господа, понятно и естественно убеждение правительства, что закон построен правильно, убеждение в том, что изменения, поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление. Поэтому я остановлюсь исключительно на тех поправках и добавлениях, которые предполагается, в порядке так называемого обезвреживания закона, в него ввести, и сочту себя обязанным самым определительным образом изложить взгляд правительства по этому вопросу. Но прежде этого, для того, чтобы более понятна была принципиальная точка зрения правительства, позвольте попросить вас мысленно обернуться к прошлому и вспомнить, в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник. Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель. В это время правительство начало проводить целый ряд узаконений, относящихся до крестьян. Мероприятия эти понимались многими искренно, иными, быть может, лукаво, как акт политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт; земли удельные, земли государственные, общинный строй — все в жертву гидры революции. Но я думаю, что теперь всем стало ясно, что как эти меры, так и мероприятия по укреплению личной собственности являются результатом отношения правительства, отношения продуманного, принципиального к тому, что происходило в то время в России. А диагноз происходившего в кратких словах может быть сведен к следующему. Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаясь смутою гораздо более серьезною, смутою социальной, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод — необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения. Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию, и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значе-

ние. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. А так как время смуты — время решений, не раздумья, то понятно, почему этот вопрос был проведен в порядке статьи 87, словом и волею Государя. Понятно это и потому, как говорил тут А. С. Стишинский, что к 1 января 1907 года должен был быть решен в области крестьянского землевладения вопрос о выделе участков в частную собственность, так как к этому времени кончалась выплата выкупных платежей и должна была войти в силу статья 12 Общего положения. Эту историческую справку я привел для того, чтобы с самого начала установить ту принципиальную сторону закона, с которой правительство сойти не может, в которой уступок нет. Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта. Если, господа, я так долго остановился на внутреннем значении акта 9 ноября 1906 г., то, может быть, это ускорит и облегчит выяснение дальнейшего отношения правительства к тем поправкам и дополнениям, которые предполагается в него ввести. Я остановлюсь сначала на отделе 1-м, введенном в законопроект Государственной думой, особенно на статье 1, и прямо скажу, что этот отдел не вносит никакой новой мысли, новой идеи, противоречащей, противоположной идее правительства, так как поправка эта внесена с целью скорейшего перехода крестьян к личной собственности. Это было достаточно определенно высказано в свое время товарищем Министра внутренних дел, А. И. Лыкошиным, в Государственной думе. Но и тут, в Государственном совете, я должен также оговориться, что правительство возражало бы против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года. Соображения правительства таковы: конкретно весьма легко установить общества, в которых, с самого наделения их землей, не было никогда общих переделов. Каждый живущий в русской деревне знает общества стародушников, общества крестьян, владеющих землею по старым ревизским душам. В этих обществах, в этих селениях существуют группы молодых крестьян, которые мечтают добиться уравнивания и общих переделов земли, но это им никогда почти не удастся, не удастся набрать голосов, так как старые домохозяева крепко и твердо стоят на своем, на старом порядке владения землею. Но несколько сложнее положение там, где не было переделов в течение 24 лет.

Во-первых, какой громадный труд, какое отвлечение от настоящего живого дела кадров крестьянских учреждений для выяснения, в каких обществах было и в каких не было переделов за последние два двенадцатилетия, так как и приговоры о переделах далеко не везде сохранились! А возбужденные при этом споры! Господа, ведь до разрешения их должно быть приостановлено рассмотрение всех заявлений отдельных домохозяев о закреплении за ними участков. Таким образом, дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы. Я не могу молчать еще и о том, что так называемые незаконные общиe переделы наблюдаются, главным образом, в тех обществах, где официальных переделов за последнее время не было. Затем, изменение существующего порядка вызвало бы среди крестьян лишь волнение, недоумение. Да и зачем принимать искусственные меры там, где дело идет естественным своим ходом? Ведь за 3,5 года — или, вернее, за 3 года, так как закон не начал действовать немедленно после его опубликования, — до 1 февраля 1910 г. заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, то есть, как заявил тут А.С. Стишинский, около 17% всех общинников-домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11%, с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами. Таким образом, при такой же успешной работе, еще через 6-7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России — там, где она уже отжила свой век, — почти уже не будет. Поэтому правительство, веря в жизненность законов 9 ноября 1906 года, не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения и особенно, проводя закон в порядке статьи 87, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку. Конечно, законодательные учреждения в этом отношении более свободны. У вас руки развязаны, и поэтому правительство заявляет, что оно согласилось бы на введение отдела 1 одобренного Думой закона 9 ноября, особенно если бы в нем были исключены слова «и в течение 24 лет». Переходя ко второй поправке, внесенной Государственной думой и касающейся укрепления излишков, я заявляю, что правительство считает укрепление этих излишков по взаимному соглашению, а при отсутствии такового — по оценке волостного суда, неприемлемым. Правительство предвидит, что при таком порядке возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из общины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и во всяком случае было бы для хозяев обременительным. Поэтому прави-

тельство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета. Покончив с главнейшими дополнениями, внесенными в закон Государственной думой, я перейду к двум поправкам, предложенным меньшинством Особой комиссии Государственного совета. В Особой комиссии голоса разделились почти поровну, и поэтому я считаю себя обязанным выяснить мнение правительства как по вопросу о личной и семейной собственности, так и по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами надельных земель. Обе эти поправки клонятся к ограничению прав домохозяина в распоряжении своей надельной собственности: первая — во имя ограждения прав семьи, вторая — в целях ограждения интересов общества. Я не буду распространяться вновь о том значении, которое правительство придает личной собственности. Я с самого начала заявил уже, что в законопроекте есть стороны принципиального характера, от которых правительство не может отказаться и не откажется. Я добросовестно старался вникнуть в мысли и доводы сторонников семейной собственности и понимаю, что предоставление женщинам права голоса в разрешении вопроса о продаже надельных участков, в этом направлении мысли, является требованием минимальным. Я разделяю теорию, отождествляющую семейный союз с трудовой артелью. Я сознаю весь ужас семьи, глава которой — пьяница и тунеядец — начнет распродажу земли — кормилицы семьи. Но все же я самым решительным и определенным образом заявляю, что принудительные пути, по мнению правительства, делу не помогут, а повредят. Семейный союз, как союз трудовой, останется в силе, если члены семьи будут сознавать себя членами такового, даже если они находятся где-нибудь на отдаленных отхожих промыслах, и никакой закон не свяжет их с семьей отбившегося домохозяина, если он и живет на месте. Домохозяин-тунеядец, пьяница всегда промотает свое имущество, какую бы власть над ним вы ни предоставили его жене. В этом отношении ограждение прав семьи может осуществиться только единственным справедливым и правильным решением в установлении опеки за расточительство. Поотдавать всю общинную Россию под опеку женам, создавать семейные драмы и трагедии, рушить весь патриархальный крестьянский строй, имея в мыслях только слабые семьи с развратными и пьяными домохозяевами во главе, — простите, господа, я этого не понимаю. Ведь даже Сенат, создавший у нас институт семейной собственности, никогда так далеко не шел, никогда не ставил препятствий отдельным домохозяевам продавать свои подворные участки. Когда создают армию, не равняют ее по слабым и по отсталым, если только намеренно не ведут ее к поражению. Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самодеятельность? Самодеятельность эта

забывалась общиной, так не заменяйте общину женским гнетом. Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым. Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. Поэтому я самым решительным образом буду возражать и против второго предположения меньшинства Особой комиссии о предоставлении обществам преимущественного права приобретения продаваемых домохозяевами наделных участков. Поверьте, что там, где у обществ есть средства, где у обществ образовался капитал от обязательных отчуждений угодий для государственной или общественной надобности или от разработки недр, там общество не упустит продаваемого надела, если только он ему нужен. Но там, где у общества средств нет, к чему искусственно расширять площадь общинной земли, стравливать насильно договорившиеся стороны с обществом, создавать силой закона спор и вражду; а что такие споры, такая вражда создадутся — в этом я безусловно убежден. Ведь у нас продают свои участки, главным образом, домохозяева, желающие переселиться или желающие приобрести себе другой участок, который, по их понятиям, более выгоден. Для этого иногда домохозяева приезжают издалека, а продавцы и покупатели стремятся осуществить сделку или до начала полевых работ, или до наступления зимнего времени. А тут предполагается дать обществам право в течение месяца составить приговор о желании конкурировать с частным покупателем, а затем дать им еще три месяца для осуществления этой сделки, для заключения купчей крепости. Я и спрашиваю себя: каким образом, при каких условиях — при узаконенной четырехмесячной волоките, — каким образом явится возможность осуществить частную сделку? По-моему, такой возможности нет. Создается лишь соблазн для общества, соблазн накладывать «табу» на всякую предполагаемую сделку с тем, чтобы по истечении четырех месяцев от нее отказаться. Является еще соблазн наталкивания покупателей и продавцов на заявление в волостном правлении сделок фиктивных. И все это в видах искусственного поддержания общины, в видах затруднения домохозяевам сознательного осуществления своего права так или иначе решить свою судьбу, тогда, когда наше законодательство последнего времени идет в противоположную сторону — к уравниванию в правах крестьян с остальными обывателями Империи. Я так настоятельно возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении

местной земской жизни, потому, наконец, что уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом. Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому, нас временно ждут и неудачи, и разочарования, но я твердо верю в правильность основной мысли закона и приписываю первоначальную удачу этого, сравнительно, быть может, скромного акта тому, что он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия — с освобождением крестьян и составляет, быть может, последнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса. И что дело это не бесплодно, что ваш усидчивый труд по окончательной разработке этого закона не останется без результата, доказывает одно поразительное явление, явление, может быть, недостаточно учитываемое, а, может быть, и нарочно замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть, как только что было указано, домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению. Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 000 десятин, уже отведенных к одним местам. Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства! И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов. Правительственные чины много поработали над делом землеустройства, и я ручаюсь, что работа их не ослабнет. Но я с слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению. Правительство и рассчитывает, что, идя навстречу этому внутреннему убеждению, этому внутреннему народному чувству и разделяя вместе с правительством веру в государственную силу свободного крестьянства, вы, господа члены Государственного совета, вынесете свой беспристрастный и авторитетный приговор и придадите закону 9 ноября 1906 года силу своего одобрения.

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг. Сессия пятая. Заседания 1—64 (10 октября 1909 г. — 17 июня 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. Стб. 1136—1145.

Выступление П. А. Столыпина предвзяло ожидавшуюся критику членов Государственного совета в адрес аграрных законопроектов,

принятых в Думе. Так, С. Ю. Витте обвинял правительство в попытке «канцелярским путем» решить жизненные проблемы большинства населения. С точки зрения А. А. Мануилова, правительство стремилось силовым образом провести сложнейшие и весьма противоречивые по последствиям социально-экономические реформы. Схожую точку зрения отстаивал М. М. Ковалевский, считавший, что Указ 9 ноября 1906 г. нарушал правовой уклад русской деревни. А. А. Донецкий ставил под сомнение возможность проведение меры, подобной Указу 9 ноября 1906 г., посредством 87-й статьи Основных законов. С. С. Бехтеев говорит о невозможности одномоментного уничтожения общины, которая лежала в основе социальной организации русского общества. Граф Д. А. Олсуфьев, поддерживая точку зрения Витте, отмечал доктринерскую позицию правительства в решении аграрного вопроса. С точки зрения Я. А. Ушакова, сама концепция общинного землевладения, с которым столь яростно боролось правительство, — порождение кабинетных ученых, которые не знали реалий крестьянского быта.

Законопроект был передан Государственным советом в согласительную комиссию, которая исключила пункт об упразднении общин там, где не проводились переделы более 24 лет. Также была установлена процедура выявления личности домохозяина, если возникала спорная ситуация. В таком виде 2 июня 1910 г. Дума одобрила законопроект. 10 июня его поддержал Государственный совет, а 14 июня — подписал император.

Выступление в Государственном совете 26 марта 1910 г. о крестьянской семейной собственности перед голосованием статьи 9 закона от 9 ноября 1906 г.

Господа члены Государственного совета! Вопрос о семейной собственности — вопрос для крестьянской жизни настолько значительный, а для правительства настолько принципиальный, что я позволю себе в настоящее время, перед голосованием статьи 9, вкратце к нему вернуться. Во-первых, считаю необходимым установить, ввиду неоднократного упоминания тут об отношении правительства к слабым, что правительство никогда и нигде не заявляло о том, что государство свободно от забот относительно слабых, относительно немощных, относительно неспособных членов крестьянской общины и крестьянской семьи. Заботы по этому предмету, несомненно, лежат на правительстве, но они, эти слабые, не должны лежать тяжелой обузой, не должны давить, как тяжкие кандалы, на одно крестьянское сословие, на один земледельческий класс, на его инициативу, его стремление улучшить

свой быт. Закон 9 ноября, избегая всякого насилия, всякого принуждения как в отношении общинного способа, так и семейного способа владения землей, лишь осторожно развязал, снял путы, связывавшие до настоящего времени свободную волю крестьян, рассчитывая на то, что, не будучи ничем стеснены, способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самодетельности русского народного духа. По этим соображениям, возражая, как известно, против признания единоличными собственниками членов тех общин, где когда-либо были переделы, правительство, по тем же причинам, решительно высказывается против установления каких-либо новых писанных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности, особенно с пригвождением к ней, помимо естественного, жизненного подбора, элемента, иногда, быть может, негодного. Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении с величайшей осторожностью и, освобождая крестьянству пути перехода к личной собственности, сохранило по отношению к этому новому виду владения все правила, ограждающие сохранность крестьянской наделной земли для крестьянства, и тем заслужило даже упрек в недостаточном размахе бюрократического творчества! В этом направлении правительство пошло гораздо далее существующего закона. Во-первых, единоличные участки, укрепленные в личную собственность, — по проекту правительства до выдела к одному месту, а по статье 51 думского законопроекта и после выдела, — подчиняются всем правилам, установленным для наделных земель. Эти участки могут продаваться только в руки крестьянства, они могут закладываться только в Крестьянском банке, они изъеются из обращения на их частных взысканий. Закон 9 ноября, сохраняя возможность применения местных обычаев в порядке завещательном и в порядке наследственном, ограждает в значительной степени права сыновей. Закон 9 ноября, как я только что сказал, пошел даже дальше существующего закона, оградив от произвола домохозяев и боковых родственников, признав их совладельцами наделных земель. Наконец, Дума статьей 51-й ограничила возможность скупки наделов, установив правила о воспрещении продажи в одни руки в одном уезде более 6 указанных наделов; при этом я должен оговорить, что едва ли в действительности существует такая громадная мобилизация крестьянской собственности, как тут упоминалось. По крайней мере, мы стараемся по каждому отдельному случаю немедленно производить расследование, и, как члены Государственного совета недавно могли узнать, по поводу одного сообщения о крайне низкой цене, по которой продаются будто бы наделные участки в Орловской губернии, напечатанного в «Новом времени», был запрошен губернатор. Он ответил телеграммой на имя товарища министра, «что

сведения о продаже земли в газете “Новое время” совершенно неверны — в округе Орловского окружного суда средняя покупная цена десятины за последние три года, согласно купчим крепостям, равнялась 86 рублям, а средняя покупная цена десятины в 1909 г. равнялась 89 рублям. Цена эта значительно ниже фактической покупной цены, она искусственно понижена во избежание нотариальных расходов. В указанные цены не входят принятые на себя покупателями и плательщиками недоимки». Я должен заметить, что вообще средняя продажная цена наделной земли по всей России в настоящее время равняется 93 рублям, то есть она не чрезмерно низка. Возвращаясь к установленным законом гарантиям, я укажу, что право взрослых сыновей, как заметил и граф Д. А. Олсуфьев, ограждено Указом 5 октября 1906 г., установившим возможность производства в настоящее время семейных разделов, по приговорам сельских сходов, даже и без согласия домохозяев-отцов. Права отдельных семейств ограждаются против обезземеленья вследствие пьянства или распутства домохозяина выработанным уже Министерством внутренних дел законом об упрощенных опеках над расточителями. Все эти мероприятия имели в виду, не нарушая самой природы наделной земли как земельного фонда, обеспечивающего крестьянство, дать возможность этому крестьянству использовать землю приложением к ней путем свободного труда лучших крестьянских сил. Поэтому совершенно противно самой мысли, самому принципу закона 9 ноября насильственное прикрепление к земле какой-либо рабочей силы, будь то путем прикрепления ее к общине или путем создания в черте самого надела новой небольшой общины — общины семейной. По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей. Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей, а земля (повторяю то, что сказали в свое время в Государственной думе), земля — это Россия. Я опасаясь, господа, применения к наделным землям того принципа, который такое продолжительное время применялся к уральским заводам, принципа обязательного занятия заводскими работами всего заводского населения, независимо от пригодности его для этих работ. В результате — гибнут заводы, в результате — находятся в трагическом положении и заводские рабочие. По этим соображениям правительство, не из желания спорить, не из упорства, но по принципиальным соображениям, не может присоединиться к такой поправке к статье 9, которая вносила бы совершенно новые, не существовавшие до сих пор начала, противоречащие существующим нормам крестьянской собственности. Короче сказать, неприемлема для нас такая поправка, которая ударяла бы по всем домохо-

зьявам-крестьянам. Так как наиболее льготной в этом отношении является поправка А. С. Стишинского, и к ней, кажется, очень близка и поправка князя А. Д. Оболенского 2, то позвольте мне представить вам некоторые соображения, доказывающие неприемлемость для нас этой поправки; тогда, мне кажется, отпадет необходимость говорить и о всех остальных поправках. С первого взгляда может показаться более чем естественным предоставление домохозяину, укрепляющему за собой участок, права заявления: желает ли он укрепиться единолично или желает укрепить вместе с собой и членов своей семьи в общую семейную собственность. Это, казалось бы, не вносит в дело никакого принципа принуждения; наоборот, крестьянину-домохозяину предлагается свобода выбора между порядком новым и старым. Но в действительности это далеко не так. При личной собственности, по закону 9 ноября, сохраняется, как я только что говорил, действующий ныне порядок распоряжения землей. Какова бы ни была сенатская практика, в которой исследователи совершенно добросовестно могут отыскивать указания на принцип и личной, и семейной собственности, все же ни эта практика, ни Государственный совет, в известном всем деле Армалиса, не установили, что при продаже, при залоге или при отчуждении участка, принадлежащего семье, требуется нечто иное, кроме свободного единоличного волеизъявления домохозяина. Таким образом, если Указ 9 ноября не ломает в этом отношении понятия, установившегося в деревне, то обсуждаемая поправка вносит в эту область много нового. Во-первых, совершенно неясно, предполагается ли этой поправкой даровать домохозяину право укреплять вместе с собою всех членов своей семьи, имеющих по местным обычаям участие в общей собственности, или избирать для этого отдельных своих родичей. Первый случай равнялся бы распространению на существующее поколение коллективной семейной собственности и установлению между родителями и детьми новой законодательной нормы. Я думаю, что доброе число домохозяев, которые согласились бы при укреплении избрать эту формулу новой прикровенной семейной собственности, под видом сохранения прежнего порядка, было бы прямо введено в заблуждение. Я полагаю, что они были бы изумлены после рождения у них новых сыновей открытием того обстоятельства, что эти новорожденные сыновья не имеют никакого участия в собственности на землю. Я думаю, что они были бы изумлены, когда со временем, при желании с их стороны продать участок, заложить его, перейти на хутор, выйти на отруб, им было бы заявлено, что они отреклись от своего права распоряжаться землей, что их место заступил какой-то новый коллективный орган семейного волеизъявления. Да каким же образом установить этот орган, каким образом добиться в нем единогласия, каким образом установить в нем представительство

интересов малолетних и опекунских установлений? По моему разумению, провести такого рода принцип в жизнь невысказано. Писаное право точно так же такого рода нормы не знает, разве только в одной Черногории, о которой тут уже упоминалось и где гражданское уложение писал профессор Новороссийского университета. Но, быть может, и вероятно даже, я ошибаюсь, а так как поправка мотивирована, как тут было заявлено, тем, что нельзя же ограничивать свободную волю домохозяина, укрепляющего за собой надел, запретом предоставления определенным лицам соучастия в его владении, то, несомненно, поправка предполагает право домохозяина избрать тех или иных из членов своей семьи для соукрепления в наделном участке. Но в таком случае ведь теряет значение и сама поправка. Она ведет к совершенно неожиданным результатам, так как домохозяин приобретает право исключать из своей семьи нежелательных ему членов семьи, например взрослых сыновей, по настоянию мачехи. Более того, домохозяин приобретает в силу этой поправки при жизни гораздо более прав, чем закон 9 ноября предоставляет ему, в порядке завещательного распоряжения, которое все-таки поставлено в зависимость от обычая. А дети? Дети, конечно, выиграют от этой поправки и в первом, и во втором случае. Если закон не скажет, то он подскажет детям идти по всей России требовать от родителей насильственного закрепления за ними в семейную собственность наделных участков. В иных случаях будет делаться это скопом, в других случаях — будет навязывать свою волю наиболее дерзкий, наиболее наглый член семьи. А так как этот вопрос — шкурный, то требование это будет предъявлено с ножом к горлу. Раздор между родителями, о жалкой роли которых тут так много говорилось, и между детьми, несомненно, будет посеян, и в результате бывшая патриархальная семья, лишившись распорядителя-домохозяина, лишившись юридического аппарата волеизъявления, будет влачить жалкое первобытное существование, прикованная к нищенской рутине цепями, выкованными здесь, в С.-Петербурге. Вот, господа, причина, почему я считал бы не только вредным, но прямо опасным вместо определенных норм вводить в закон туманное понятие социалистически-сентиментального свойства.

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг. Сессия пятая. Заседания 1—64 (10 октября 1909 г. — 17 июня 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. Стб. 1601—1607.

На заседании Государственного совета 26 марта 1910 г. обсуждалась проблема — на каком праве крестьяне должны были укреплять земельные участки. Согласно правительственному проекту, собственником

земли должен был стать крестьянин, а не крестьянская семья — фактически «малая община». По словам члена Государственного совета М. В. Красовского, «правительство не могло принять в основу начала семейной собственности, того начала, для которого у него не имелось готовых прецедентов ни в одном из разработанных европейских законодательств, не имелось и твердых основ в обычном праве или в предыдущей практике. Оставался один выход — принять начала личной собственности». Помимо этого, по мнению Красовского, реализованный принцип семейной собственности мог подорвать и так не слишком устойчивое положение института частной поземельной собственности. К тому же, с его точки зрения, установленные в государстве имущественные отношения, строящиеся на формально-правовом принципе, нельзя подчинять нормам семейной жизни, основанным на этическом начале. Противником семейной собственности выступал И. О. Корвин-Милевский: «Если закон не скажет, то он подскажет детям идти по всей России требовать от родителей насильственного закрепления за ними в семейную собственность наделных участков. В иных случаях будет делаться это скопом, в других случаях — будет навязывать свою волю наиболее дерзкий, наиболее наглый член семьи... Раздор между родителями... и между детьми несомненно будет посеян, и в результате бывшая патриархальная семья, лишившись распорядителя домохозяина, лишившись юридического аппарата волеизъявления будет влечь жалкое первобытное существование, прикованная к нищенской рутине цепями, выкованными здесь, в С.-Петербурге». В пользу личной собственности на землю высказывался и В. К. Саблер. Однако эта точка зрения встречала в Государственном совете и своих критиков. С точки зрения Я. А. Ушакова, отказ от принципа семейной собственности мог привести к распаду крестьянской семьи. Это имело бы не только социальные, но и экономические последствия: «Принятие статьи в том виде, в каком она предлагается нам, вовлечет нас в большой грех, несомненно, перед населением, хотя бы Ярославской губернии, где природа вовсе не такая роскошная, как в благодатной Украине, и где снег полгода лежит на полях — и когда нам говорят, что очень хорошо устроиться порознь друг от друга, то я боюсь, как бы зимой не занесло сугробами снега». По мнению графа Д. А. Олсуфьева, ценность института семейной собственности заключалась в том, что она ограничивала возможность бесконтрольной мобилизации крестьянской земли, а следовательно, пауперизации земледельческого класса.

Выступление П. А. Столыпина непосредственно последовало за речью князя А. Д. Оболенского, который настаивал на сохранении института семейной собственности, соответствовавшего нормам обычного права.

Выступление в Государственной думе 31 марта 1910 г. о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил в ответ на заявление 32 членов Государственной думы

Господа члены Государственной думы! Заявление 32 членов Государственной думы обращено ко мне как председателю Совета министров. Ознакомившись с этим заявлением, я убедился, что мне было бы не трудно рядом формальных доказательств установить полную неприемлемость, скажу даже более — невозможность запроса, подобного внесенному, вследствие несоответствия его существа самой природе запросов, как их понимает наше законодательство. Акт 24 августа (1909 года) не есть действие министра или подведомственных ему учреждений, о котором говорит статья 58 Учреждения Государственной думы. Это акт руководства Верховной власти по отношению к своему правительству, это есть не распоряжение властей, подлежащих контролю Государственной думы, а выражение воли Государя Императора, последовавшее в порядке верховного управления на точном основании статьи 11 Основных законов. После разъяснений юридического свойства, представленных здесь в том же порядке мыслей докладчиком, мне осталось бы только завершить вашу осведомленность представлением некоторых дополнительных данных, если бы не тревожная мысль, которая овладела мною при слушании речей нескольких предыдущих ораторов. Мысль эта заставляет меня выйти из тесных рамок формальных доказательств и вступить в область более серьезных разъяснений, к которым один лишь факт предъявления запроса, по мнению правительства, неприемлемого, меня побудить не мог бы. Я задаю себе вопрос, не могут ли только что высказанные здесь суждения, оставленные правительством без ответа, вызвать, даже после отклонения запроса, недоброе впечатление какого-то разлада разных факторов государственности по отношению к нашим вооруженным силам. А ведь в деле, касающемся нашей армии, ничего не должно оставаться неясным и темным! Мы живем в слишком сложное время, и, несмотря на всеобщее желание мира, все элементы государства, не враждебные ему, должны работать над созданием, над накоплением живой, активной народной силы (*голоса в центре и справа: «браво»*), а то впечатление, о котором я только что говорил, может наложить на эту работу единственно, может быть, опасные для армии путы. Для меня с самого начала прений, точно так же, как и для других ораторов, было ясно, что лиц, поддерживающих заявление о запросе, интересует не одна юридическая, но, может быть, в большей еще степени политическая сторона дела. Вопрос в настоящее время достаточно ярко расчленился.

Правительство, по мнению ораторов оппозиции, совершило юридически незаконный акт — это одна сторона вопроса; но правительство сделало это, последовательно проводя принцип постоянного преуменьшения прав Государственной думы, следуя своей постоянной реакционной политике, — это вторая часть, и я думаю, для моих оппонентов наиболее существенная. К этой второй теме в Государственной думе возвращаются очень часто и по самым разнообразным поводам. Я избегал отвечать на такого рода нападки, полагая, что полемика на такие мотивы безрезультатна, и не имея просто времени заниматься политической гимнастикой. Но раз такого рода доводы приводятся вновь как аргументы в пользу принятия запроса, запроса свойства, по моему мнению, небезопасного, то и мне придется коснуться двумя — тремя словами этих аргументов, дабы неправильностью фона, налагаемого на весь запрос, не была бы затемнена самая ясность рисунка. Во-первых, господа, совершенно несомненно, что правительство суровым образом и реагировало, и реагирует против революции; поэтому для революционеров и для лиц, сочувствующих или сочувствовавших им, настоящее правительство — правительство реакционное. Но точно так же известно, что правительство приняло на себя задачу установить прочный правомерный порядок, проводя одновременно реформы, предуказанные с высоты престола. Вот тут по этому поводу слышится целый ряд попреков, целый ряд нареканий в том, что правительство, действительно, достигает внешнего порядка, но достигает его способами противозаконными, что правительство без всякой надобности усиливает репрессии, что оно старается затормозить все реформы и свести на нет деятельность Государственной думы. Следует ли, господа, доказывать, что вся сущность этих горячих нареканий складывается из партийной страстности, из неправильных фактов и выводов и частицы правды? Частица правды заключается в том, что в области управления могут быть и бывают ошибки, злоупотребления и превышения власти. Правительство это искореняет и, смею вас уверить, искоренит. (*В центре рукоплескания и голоса: «браво, браво!»*.) Но из этих случаев с большой легкостью делается вывод о том, что вся наша администрация беззаконничает и что это беззаконие возведено правительством в систему (*голос слева: «верно»*). Вывод этот по отношению к нашей администрации, честно превосмогающей громадный труд, и произволен, и несправедлив. Противники правительства, впрочем, выводы свои не всегда ставят в соответствие с фактами. Для доказательства этого мне придется отойти несколько в сторону и привести несколько примеров. Так, за последнее время, за последнее трехлетие, правительство сочло возможным смягчить или отменить исключительное положение в 130 различных местностях, а между тем еще недавно мы слышали здесь упрек, что правительство не может управлять иначе,

как посредством исключительных положений. Административная высылка, мера временная, мера обоюдоострая, применяется все реже и реже. В 1908 году этой ссылке подверглось 10 060 человек, а в 1909 году — 1991 человек, то есть в пять раз меньше, а между тем мы слышали тут недавно, что ссылка применяется чаще, чем прежде. Обязательные постановления там, где это возможно, ослабляются, и за последнее трехлетие, точно так же, вследствие их неправильности их отменено было 386. Между тем тут постоянно говорится об усилении произвола местных властей. Да не слышали ли вы здесь недавно о том, что военные суды чаще, чем когда бы то ни было, отвлекаются теперь от своей прямой обязанности? И это говорилось после того, как Государю Императору угодно было лично указать на возможность обращения к военной подсудности общеуголовных преступлений только в самых исключительных случаях, с применением смертной казни только в виде самого крайнего средства, ограждающего потрясаемые устои государственности. (*Движение слева, звонок председателя.*) Я, господа, привожу это не для того, чтобы с кем-либо спорить, а потому, что считаю, что Государственная дума вправе быть верно осведомленной и о действиях, и о видах правительства. Я не могу при этом открыто не заявить, что там, где революционная буря еще не затихла, там, где еще с бомбами врываются в казначейства и в поезда, там, где под флагом социальной революции грабят мирных жителей, там, конечно, правительство силой удерживает и удержит порядок, не обращая внимания на крики о реакции. (*Голоса справа: «браво».*) Но, господа, равнодействующая жизнь показывает, что Россия сошла уже с мертвой точки, и я надеюсь, что по мере отмирания нашей смуты будут отпадать и стеснения в пользовании обществом предоставленными ему правами; я надеюсь, что и печать, и общества, и союзы, которые в недавние тяжкие дни были еще зажигаемыми нитями для бенгальских огней революции, постепенно будут вдвигаться в нормы постоянного закона. (*Шум слева; голоса справа: «браво».*) И правительство это делает не для того, чтобы подыгрываться под какое-либо настроение, не для того, чтобы купить кого-либо, не для того, чтобы уничтожить партийное или так называемое общественное недовольство. После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой, и Государственным советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собою. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства с предста-

вительными учреждениями (*голоса в центре: «браво»*), работе, которая так легко нарушается искажением и целей, и задач правительства. Нарушаться эта работа может и другим путем, и я опасаясь, что на этот другой путь стали некоторые ораторы, только что говорившие передо мной с этой трибуны. Вспоминая то, что говорил член Государственной думы Милюков о том, что устройство армии должно проходить в общем законодательном порядке, сопоставляя это с выслушанной нами в прошлом заседании речью члена Государственной думы Соколова 2, вспоминая его красноречивое заявление о том, что Государственная дума желала бы много сделать для мощи армии, для устройства ее, но что ей мешают на этом пути, что и сама армия должна знать, что Дума хотела бы для нее сделать и что служит для этого помехой, — я боюсь, что из роли спокойного летописца я должен буду перейти к роли обвинителя. История последних лет показывает, что армию нашу не могла подточить ржавчина революции (*голоса в центре: «браво»*), что материальные ее запасы восполняются, что дух ее прекрасен, а я думаю — и несокрушим, потому что это дух народа (*в центре и справа рукоплескания и возглас «браво»*), но история революции, история падения государств учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда перестает быть единой, единой в повиновении одной безапелляционной, священной воле. Введите в этот принцип яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мыслей о том, что устройство ее зависит от коллективной воли, и мощь ее уже перестанет покоиться на единственно неизменяемой соединяющей нашу армию силе — на власти Верховной. Принцип этот, принцип единого руководства нашей армией свято до настоящего времени блюдетсЯ и правительством, и законодательными учреждениями. Никто еще не высказывал сомнения в том, чтобы законодателем недостаточно был указан удел народного представительства в деле сотрудничества Ему по укреплению вооруженных сил страны. Удел этот выражается в участии определения контингента новобранцев, в обсуждении представлений об ассигновании средств на наши военные нужды, в ассигновании этих средств или в отказе в этих кредитах. И в этом важном деле, возложенном на законодательные учреждения, правительство, несомненно, обязано, по мере и в пределах возможности, представлять им нужные материалы и данные. И совершенно неправильно было бы действие правительства, выразившееся в испрошении кредитов на определенные надобности с предвзятым намерением употребить эти расходы на другую цель. Но точно так же противозаконно было бы использование законодательными учреждениями своих бюджетных или кредитных прав для закрепления в армии удобного им порядка. И я опасаясь, что эти бесспорно ясные начала могут быть затемнены сомнением, которое авторы запроса хотели бы вгвоздить в убеждение оппозиционной

части нашего общества. Они хотят убедить в том, что раз они предъявляют спор о преуменьшении правилами 24 августа прав Государственной думы, то самые права Государственной думы в области устройства армии уже не могут подлежать сомнению. А насколько опасно противопоставление, хотя бы незаметное, правам Монарха в этой области иных не предуказанных законом прав, я уже указывал раньше. Но я на этот счет предвижу вопрос: если в этой области все так ясно, то к чему же самые правила 24 августа 1909 года? Не могут ли они сами вызвать суждения, на опасность которых я только что указывал? Вот тут позвольте мне обратиться к истории дела! Никто, я думаю, не будет оспаривать, что на долю теперешнего правительства легла весьма нелегкая задача, задача проведения в нашу государственную правительственную жизнь новых государственных начал. И, я думаю, понятно, что в этом новом деле, в эпоху перелома в нашем правительственном и административном строе, правительство ежечасно наталкивается на всевозможные затруднения. Затруднения эти я делю на две категории: к одной категории я отношу все недоумения, возникающие и возникавшие между законодательными учреждениями и правительством, а ко второй — затруднения в применении самим правительством своих принципиально бесспорных прав. Возьмем, например, право бюджетное или право установления условий выпуска займов. В этих вопросах проявилась несомненная разность в понимании правительством и законодательными учреждениями пределов их взаимных прав, но я утверждаю, что по отношению к статье 96 никаких затруднений этого рода не возникало. У правительства в этом вопросе возникали сомнения, но не по отношению к Государственной думе, а по целому ряду принципиальных вопросов внутреннего правительственного распорядка. Я укажу это на примере. Статья 96 объемлет собой целый ряд вопросов высокого интереса, но так как обыкновенно она отождествляется с вопросом о штатах, а вопрос этот считается для правительства самым неприятным, то позвольте мне остановиться именно на этом примере. Известно, что способ применения статьи 96 давно уже особенно озабочивал правительство, вследствие чего для выяснения этого вопроса была в свое время учреждена комиссия покойного ныне товарища Министра финансов Чистякова. Известно также, что правительство считало необходимым достигнуть соглашения не сходящихся между собой мнений в этом деле разных ведомств. Но не надо забывать, в чем именно заключалось сомнение правительства. Никогда правительство не допускало и мысли, что устройство военных частей, а следовательно, и штатов этих частей могло бы проходить иначе, как в порядке статьи 96, так как для правительства было всегда бесспорно, что постановления по строевой, технической и хозяйственной части объемлют собой и военные штаты. Еще весной 1908 года, в том заседании,

о котором уже упоминал тут один из предыдущих ораторов, представитель правительства в Государственном совете заявил, что, по понятию правительства, организация армии и флота определяется не в общем законодательном порядке, а в порядке статьи 96, и что лишь ассигнование кредитов, ассигнование денег должно проходить порядком общим. Сомнения правительства были другие: военное и морское ведомства заключают в себе много организаций, ведающих не одни только военные дела. Достаточно упомянуть о том, что гражданское управление в целых областях подчинено военному ведомству, что есть целый ряд городов, в которых градоначальники должны быть обязательно из лиц морского ведомства. Поэтому поневоле, устанавливая порядок производства этих дел, правительство должно было установить грань между функциями гражданскими и военными военного и морского ведомств. Сомнения правительства, которые должны были быть разрешены междуведомственной комиссией, и заключались в том — где, в каком месте, каким образом установить эту грань, так как к функциям гражданским некоторые относили и устройство центральных частей этих ведомств, то есть штаты их в качестве органов высшего административного управления. Вот в этой стадии вопроса и вклинился в дело вопрос, разбиравшийся в то время в Государственном совете, вопрос о штатах Морского Генерального штаба. При обсуждении его правительство заявило, что как этот вопрос, так и целый ряд вопросов, получивших уже движение и разрешение через обе палаты, правительство понимает как вопросы сепаратные, которые не должны предрешать принципиального вопроса, рассматривавшегося междуведомственной комиссией. Но вокруг дела о штатах Морского Генерального штаба разыгрался принципиальный спор, который общественной молвой был поднят на совершенно неожиданную, небывалую высоту. Решение Государя Императора положило конец этим спорам, дало окончательное направление этому делу военно-административного характера; указание правительство получило в вопросе военного понимания от единственной компетентной в деле военного строительства инстанции, от Верховного вождя армии. (*Голоса справа: «браво».*) Таким образом, было разрешено и правительственное затруднение, правительственное недоумение, внутриправительственный вопрос, вопрос, который на нашем аграрном языке мы могли бы назвать вопросом внутринадельного разверстания, но этим ничуть не было установлено какое-нибудь новое разграничение прав правительства и прав народного представительства, так как таковой вопрос и не поднимался. Я так долго остановился на этом вопросе и представил вам так подробно все эти данные не для того, чтобы объяснять действия правительства, а для того, чтобы вам стал ясным дальнейший ход этого дела и самое существо правил 24 августа 1909 г. Получив указания Верховной

власти в вопросе о штатах, то есть в одной части общего вопроса, правительство должно было разработать и получить дальнейшие указания в общем вопросе, так как статья 96 обнимает собой еще целый ряд вопросов, так, например, вопрос о гражданском законодательстве в казачьих областях, вопросы бюджетного характера и т.д. Вот в порядке верховного направления правительственного аппарата и должна была протекать дальнейшая правительственная работа. Это ясно доказывает и Высочайший рескрипт на мое имя, который ставит эту правительственную работу в пределы, указанные нашими Основными законами. Это доказывает и вся дальнейшая правительственная работа. Позвольте познакомить вас с отрывком из журнала Совета министров от 26 мая минувшего года. Журнал этот Высочайше утвержден. Он гласит: «Совет министров заметил с своей стороны, что Высочайше возложенная на него задача состоит лишь в выработке правил, которыми, в случае одобрения их Вашим Величеством, должны руководствоваться органы исполнительной власти, и в частности военное и морское ведомства, при направления относящихся к устройству вооруженных сил России законодательных предположений. При этом Вашему Величеству благоугодно было в рескрипте на имя председателя Совета министров от 27 минувшего апреля выразить Высочайшую волю о том, чтобы правила сии составлены были в пределах, указанных основными государственными законами. Поэтому установленное в сих последних отношение общих законов к специальному военному законодательству должно быть строго соблюдено как необходимое условие закономерного осуществления настоящего дела, заключающегося, само собой разумеется, не в толковании или расширении точного смысла существующих законов, ибо сие возможно было бы только в законодательном порядке, а в преподании ведомствам руководящих указаний к правильному применению закона». Вышеизложенное опрокидывает, я думаю, не только правильность построения самого запроса, но и правильность построения заблудшей мысли, пытавшейся внести разлад в согласованную работу высших государственных органов в деле укрепления военной мощи России. Я знаю, что многие хотели бы поставить этот вопрос иначе; желательно возбудить спор из-за прав, спор для нашей армии губительный; желательно доказать, что правилами были нарушены права Государственной думы, что необходима борьба с правительством и что эта борьба, быть может, более важна, чем возможная в будущем вооруженная борьба за судьбы России. Но я открыто заявляю убежденное мнение правительства: до настоящего времени Государственная дума в своем целом с величайшим уважением относилась к правам Верховного водителя нашей армии и правительство, со своей стороны, никогда на права Государственной думы не покушалось. В правильном понимании этого, я полагаю, и комиссия

Государственной думы выразилась за отклонение заявления о запросе. Я уверен, что и Государственная дума с силою отбросит запрос 32 своих членов, предуказав этим, что в деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права России — быть сильной. *(В центре и справа рукоплескания и возгласы: «браво».)*

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть III. Заседания 65—94 (с 8 марта по 9 апреля 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. Стб. 2521—2530.

Речь П. А. Столыпина была произнесена в связи с последствиями кризиса 1909 г., возникшего в связи с обсуждением в представительных учреждениях штатов Морского Генерального штаба. 24 мая 1908 г. Дума поддержала правительственный законопроект, устанавливавший эти штаты. 23 июня 1908 г. вопрос обсуждался в финансовой комиссии Государственного совета. П. Х. Шванебах доказывал неправомерность этой меры, так как штаты ведомств не должны были утверждаться Думой. Его поддержали многие видные члены верхней палаты: М. Г. Акимов, П. Н. Дурново и др. А 3 июля 1908 г. Государственный совет отверг законопроект, посчитав, что он противоречит ст. 96 Основных законов. В тот день Совет министров был поставлен в двусмысленное положение. «Странно было слышать..., что правительство открещивалось от этой прерогативы государя, — на следующий день писал жене Министр народного просвещения А. Н. Шварц. — Выступал опять в защиту явно странного положения Харитонов (государственный контролер), сей будто бы знаток дела. И опять провалился. По мне, это дело скверное. Правительство, поступающее прерогативой короны, это что-то новое».

Спустя некоторое время Совет министров опять внес законопроект о штатах Морского Генерального штаба, и 19 декабря 1908 г. нижняя палата вновь приняла его. 19 марта 1909 г. «сдался» и Государственный совет, утвердив внесенное предложение 87 голосами против 75. Правительство было склонно рассматривать эту проблему как техническую, которой крайне правые в силу своей недобросовестности стремились придать политический характер. «Способ направления подобного рода был далеко не выяснен, — писал П. А. Столыпин императору 12 марта 1909 г., — правительство должно его принципиально вырешить и принципиальный вопрос представить на Высочайшее благоусмотрение; пока дело принципиально не разрешено, правительство не могло спешный, частный вопрос о Генеральном штабе проводить иначе, как общим законодательным порядком; сделано это с Высочайшего соизволения, вопрос этот сепаратный и общий вопрос о правах Верховного вождя вооруженных сил

не предрешает». При этом Столыпин оценивал выступление многих членов Государственного совета, отстаивавших прерогативы императорской власти, как политическую спекуляцию, которую нельзя было поощрять. 22 марта 1909 г. он сообщал Николаю II: «Из беседы с пожелавшими меня видеть сегодня некоторыми политическими деятелями, между прочим, и крайне правого крыла Государственной думы, я убедился, что вокруг дела о Морском Генеральном штабе шумиха достигла размеров прямо колоссальных; о предмете и существе спора все забыли и говорят лишь о борьбе против настоящего правительства! Мои собеседники предупредили меня о смущающем их “походе” против министерства, пристегнутом к настоящему делу. Из этого мне стало ясным, как учли бы широкие слои общества, как учла бы Россия первый пример неутверждения Вашим Величеством прошедшего через все инстанции законопроекта». В итоге Столыпин заявлял о неизбежности своей отставки в том случае, если император откажется утвердить эту правительственную инициативу.

В начале апреля члены правой группы Государственного совета, будучи уверенными в успешном для них исходе дела, уже торжествовали победу. Многие из правых собрались на квартире А. А. Нарышкина и наметили Б. В. Штюрмера в председатели правительства. Тот, в свою очередь, не возражал и даже обещал сохранить действующий состав правительства и провести либеральные преобразования, гарантировав свободу печати и отменив исключительное положение. В личной беседе Столыпин спрашивал императора: «Ваше Величество хотите, по-видимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет». На это последовал ответ: «Нет, я отлично знаю крайних правых». Однако 25 апреля 1909 г. император принял решение не подписывать законопроект и при этом отказался принимать отставку П. А. Столыпина. Впоследствии было создано Особое совещание для выработки правил об утверждении законопроектов, относившихся к морскому и военному ведомствам. В соответствии с его разъяснениями Дума не утверждала штатные расписания этих учреждений, а принимала законопроекты об отпуске необходимых средств на покрытие организационных расходов. «Словом, выходило то же штатное расписание, только в иной редакции».

Выступление в Государственной думе 21 мая 1910 г. о взаимоотношениях Российской империи с Великим Княжеством Финляндским (Финляндией)

Господа члены Государственной думы! Я думаю, вы поймете меня, если при обсуждении вопроса такой исторической важности, как вопрос

финляндский, я принужден буду, говоря от имени правительства, соблюдать точно так же, как и два года тому назад, величайшую сдержанность и осторожность. Все писанные нормы, которые определяют положение Финляндии в государстве, а также все законодательные акты, относящиеся до Финляндии, за последние сто лет носят на себе следы самых разнообразных политических и исторических течений, часто друг другу противоречащих, часто случайных, зависящих от временных событий и условий. Суждения же последнего времени отличаются такой страстью, такой склонностью опорочить финляндскую политику правительства, приписывая ей своекорыстные побуждения, что я одной из своих главнейших задач ставлю освобождение спора от излишних, затемняющих его подробностей, от принижающих его приемов, дабы представить на ваш суд очищенную от этих пут и привесок точку зрения, по моим понятиям, государственною. Я убежден, что масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дают возможность легко защищать всякую теорию: достаточно повывергать из архивных груд нужные для этого материалы и строить на них свои суждения. Для этого не нужно даже особой недобросовестности. Достаточно некоторой предвзятости и предубежденности. Но этот путь не для правительства. Пускай политическое построение правительства сочтется многими прямолинейным, пускай оно многим будет неприятно, но пусть не назовут его изворотливым и недоброкачественным. Я начну с того, что многим, очевидно, непонятно, почему правительство в настоящее время подняло финляндский вопрос. Финляндия процветает, Финляндия никому не мешает, и обострять отношения к ней — это или роковая ошибка, или недобросовестная авантюра. (*Голос слева: «верно».*) Но дело, господа, не так просто: кризис 1905 года и последующих годов оставил этот вопрос открытым, и только преступная бездеятельность власти могла бы заставить правительство его замолчать. (*Голос справа: «браво».*) Остается неразрешенным хотя бы крупный вопрос об исполнении финляндцами воинской повинности. Дело в кратких словах обстоит так. В 1905 году временно был приостановлен, а затем и отменен закон о распространении всеобщей воинской повинности на Великое Княжество Финляндское. Приостанавливая этот закон, Государь Император повелел в течение трех лет, до урегулирования вопроса, вносить из финляндских средств в государственное казначейство по 10 миллионов марок в год. Хотя Сейм и пытался воспользоваться этим случаем для того, чтобы распространить свое распоряжение на статные средства, которые по закону находятся в распоряжении одного Монарха, но как-никак деньги эти были заплачены. В 1908 году вопрос, однако, вернулся в первоначальное положение. Оставить его неразрешенным было невозможно, приняться же за его разрешение — значило поднять весь

финляндский вопрос, так как тут сталкивались две совершенно противоположные точки зрения: точка зрения правительственная и точка зрения финляндская. Правительственная точка зрения заключается в том, что отбытие воинской повинности и несение расходов на военную нужду болезненно касаются общеимперских интересов, отражаясь и на числе новобранцев, призываемых из русских губерний, и на количестве повинностей, уплачиваемых русским населением; а финляндская точка зрения сводилась к тому, что вопрос этот по конституции должен разрешаться односторонним актом Сейма. А каков должен был быть этот сеймовый акт, видно из представлений Сената о восстановлении отдельных финляндских войск. Этим и только этим путем, по мнению финляндцев, мог быть правильно и законно разрешен вопрос. И нельзя сказать, чтобы правительство в этом деле действовало неосторожно и вызывающе. Если бы статный фонд был неисчерпаем, то, конечно, возможно было вопрос оттянуть, путем хотя бы ежегодного перечисления из статных сумм в государственное казначейство определенных взносов взамен исполнения финляндцами личной воинской повинности. Но не желая ослаблять расходы на культурные надобности, которые питаются из статного фонда, Государь предложил Сейму изыскать суммы для этих взносов из сеймовых средств. И вот, господа, уже второй Сейм отвечает на это совершенно законное требование Монарха решительным отказом. Я остановился на этом случае как на ближайшем механическом поводе, вскрывающем русско-финляндский вопрос. Одно из двух — приходится или взыскать и установить способ решения общеимперских вопросов и финляндских законов, касающихся интересов Империи, или примириться с односторонним разрешением их Сеймом. Но, может быть, надо было бы идти на это, может быть, государственная мудрость именно и заключается в том, чтобы сделать из Финляндии совершенно свободное, автономное государство, связанное с Россией только общими внешними интересами, и создать на пороге Петербурга благодарный и довольный народ. Конечно, господа, всякое разумное правительство перед тем, как идти на столкновение, на так называемый конфликт с частью государства, должно ясно дать себе отчет — в чем же заключаются интересы государства, не поддаваясь при этом ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма. Поэтому надлежало проанализировать, выгоднее ли для всего народа — не для одних, конечно, только финляндцев — полное невмешательство России во внутренние дела, во внутреннюю жизнь Финляндии. Вам, конечно, известно, что в истории русско-финляндских отношений были эпохи, когда финляндская самостоятельность достигала широких размеров, когда связь ее с Россией ослабевала. Таких главнейших было три момента: первый — после издания октябрьского манифеста 1905 года, когда Финляндия,

казалось, достигла всего того, о чем она только могла мечтать; ранее, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова, когда при генерал-губернаторе князе Оболенском ясен был поворот в сторону соглашения с финляндцами; наконец, еще раньше — после воцарения Императора Александра II, когда оказывалось явное доброжелательство финляндцам. Что же эти эпохи принесли России? Что Россия от этого выиграла? Выиграть она могла, во-первых, нравственно, завоевав симпатии финляндцев и обезопасив себя с этой стороны; выиграть она могла политически, приобретя для русских граждан некоторые преимущества путем чисто финляндского законодательства; выиграть она могла, наконец, материально, связав более крепко свои экономические узы с достаточным народом, находящимся под одним с нею скипетром. Если бы были достигнуты экономические и нравственные выгоды, то, конечно, дальнейший путь был бы ясен. Благо и России, и Финляндии требовало бы полной государственной — я подчеркиваю слово «государственной» — автономии последней. Но, мне кажется, трудно доказать, что ослабление связи между Финляндией и Россией увеличивало бы симпатии Финляндии к русскому государству. Вы помните события, которые произошли в октябре 1905 года в Финляндии. Я вам их подробно излагал два года тому назад. Вы не забыли, конечно, целых кораблей, нагруженных оружием, вы не забыли и «Воймы», и красной гвардии, и безнаказанно подготовлявшихся в Финляндии террористических актов против России. Газеты того времени отражают эти настроения и эти события. Я думаю, что никогда еще активное возбуждение против России не достигало таких размеров в Финляндии, как в ту эпоху. Лозунгом тогдашним было: вооружение для защиты добытого. Но и в предыдущий период, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова, уступки России не вызвали благодарности со стороны Финляндии. Характерны в этом отношении те всеподданнейшие доклады, которые посылал в Петербург посланный в Финляндию с примирительной миссией тогдашний генерал-губернатор князь Оболенский. Приехав в Финляндию, он был поражен возрастающей враждебностью ко всему русскому со стороны населения, особенно интеллигенции, вошедшей в сношения, в связь с русскими террористами. Интересно во всеподданнейшем докладе от 1904 года сообщение князя Оболенского, что в заседании одной из комиссий известный сенатор Лео Мехелин, доказывая необходимость упорного отстаивания разных требований, ссылаясь на предстоящую якобы в России революцию, имеющую вспыхнуть не далее как в шестинедельный срок. Это было писано в 1904 г., а в последующем всеподданнейшем докладе 1905 года князь Оболенский, описывая начавшиеся в крае беспорядки, пишет: «Приведенные в первой моей всеподданнейшей записке слова Мехелина о предстоящем в России мятеже

оправдались — беспорядки в Петербурге и в других местах Империи состоялись именно в указанный им срок». Но еще в более мирные времена, в те времена, когда начались созывы Сеймов, когда государство начало определять свое отношение к области, без ущерба для государства, — я говорю не своими словами, а привожу слова почтенного Н. Х. Бунге из записки, найденной в его документах, — уже начали раздаваться обвинения со стороны финляндцев о нарушении их прав со стороны России. Далее Бунге говорит о возрастающей в то время враждебной отчужденности Финляндии от России. Но перенесемся в еще более отдаленные времена, времена крымской кампании, когда уже со стороны России никакого давления на Финляндию не оказывалось, и в те времена уже известен «союз бескровных», который мечтал об отторжении княжества от России. Но, господа, если ослабление уз Финляндии с Россией не принесло России никаких нравственных выгод, не обезопасило ее с этой стороны, то, может быть, совершенно самостоятельная работа финляндского Сейма создала такую законодательную практику, которая была выгодна для «другой страны», как в Финляндии часто называют Россию? В апреле нынешнего года при обсуждении в финляндском Сейме того самого законопроекта, который теперь обсуждаете вы, бывший сенатор Нюберг, конечно, желая привести доводы в пользу финляндской аргументации, заявил о том, что существует целый ряд законоположений, бесспорно касающихся интересов России, которые были изданы в финляндском законодательном порядке. И это, господа, безусловно так: финляндский Сейм расширял свою законодательную самостоятельность до того, что не стеснялся подчас улавливать, регулировать и даже отменять русские законодательные нормы. Принесло ли это пользу русским гражданам или, по крайней мере, было ли это безвредно? Не всегда. Я не буду приводить вам целый ряд законоположений подобного характера, как, например, подчинение православной консистории финляндскому закону о гербовом сборе, как постоянные попытки подчинить финляндских граждан за преступления, совершенные ими в Империи, финляндскому уголовному закону, но я остановлюсь тут на самой яркой попытке, известной в литературе предмета, признанной фактом, попытке обойти, отменить в финляндском порядке целый ряд русских узаконений, попытке поставить Финляндию в самостоятельное якобы положение в международном союзе, попытке уравнивать имперские русские интересы с интересами международными. Я говорю об Уголовном уложении 1889 года. Известно, что это Уголовное уложение было уже Высочайше утверждено 19 декабря 1889 года, а затем было манифестом от 1 декабря 1890 года, когда обнаружилась подкладка этого дела, временно приостановлено введением в действие. Тревогу тогда забил известный наш ученый, сенатор Таганцев, который

как частный человек случайно ознакомился с этим делом. В этом его огромная, незабвенная государственная заслуга, таким образом, вряд ли русским подданным был выгоден способ решения их дел, о котором упоминал бывший сенатор Ньюберг, тем более что, как известно, права русских подданных мало чем и отличаются в Финляндии от прав иностранцев.

Но перейдем теперь к следующему вопросу: о том, как материально отражается на России государственное самоопределение Финляндии. С одной стороны, на Россию ложатся все те расходы, которые обуславливаются состоянием Финляндии в составе Русского государства и которые Империи не возвращаются. Затем, Россия несет ущерб невыгоды от тех льгот, которые ею предоставляются Финляндии, от льгот таможенных, тарифных, монетных и т.д. Первая категория расходов включает в себе расходы по защите государства, расходы по содержанию Министерства императорского двора и Министерства иностранных дел. Я намеренно не упоминаю о взносах взамен исполнения воинской повинности, так как эти взносы мы так или иначе получим. Я не принимаю во внимание доли финляндцев в уплате процентов по общеперским займам, хотя я думаю, что военные тяготы, для которых, главным образом, и заключались наши займы, должны были бы равномерно ложиться на все части государства. Я не учитываю также доли финляндцев в содержании высших имперских учреждений, например, Государственной думы, потому что мне могут ответить, что, кроме вреда, эти учреждения ничего финляндцам принести не могут. (*Слева рукоплескания и голоса: «верно».*) Но я думаю, что было бы совершенно справедливо, если бы на финляндцев, точно так же, как и на всю остальную Империю, упали некоторые совершенно бесспорные расходы, ложащиеся на каждого жителя Империи в сумме: 3 рубля 59 копеек на содержание армии и флота, 10,2 копейки на содержание Министерства двора, 3,9 копейки на содержание Министерства иностранных дел; всего 3 рубля 73 копейки на жителя, а если вычесть платимые финляндцами на однородные расходы — я беру в расчет все подходящие расходы, пенсии, лоцию и т.д. — 54 копейки с жителя, то на каждого финляндца придется 3 рубля 19 копеек; а на всю Финляндию 9 625 000 рублей. На Россию тягота эта ложится по 6 копеек на каждого жителя, иными словами, каждый русский, старик и младенец, женщина и мужчина, за проблематическое право обладания Финляндией платят по 6 копеек в год, а семьей в 5 душ — 30 копеек, а каждый финляндец получает льготу от Империи по 3 рубля 19 копеек, а на каждое семейство — 15 рублей 95 копеек в год. В расчет этот не вошли таможенные доходы, которые составляют 16 500 000 рублей, между тем как наш тариф по финляндской границе — тариф уравнивательный, то есть Россия получает

в свою пользу тарифные ставки в размере, взыскиваемом на остальных границах, за вычетом взыскиваемых Финляндией. Сопоставляя все это, будет ясно, почему Финляндия, расходуя на каждого жителя совершенно столько же, сколько и Россия, то есть по 15 рублей с копейками, может употреблять на культурные надобности вдвое больше, а на управление, несмотря на все припевы о нашем бюрократизме, — втрое больше, чем Россия. Господа, я привел все эти цифры только для того, чтобы доказать, что развивающаяся государственность Финляндии с материальной стороны особых выгод Империи не приносит. Во всяком случае, потери нравственные, политические и материальные, вызываемые, очевидно, тем, что некоторые общеимперские дела разрешаются односторонне в финляндском порядке, не могут уравниваться теми правами административного законодательства, которые принадлежат нашим Монархам. Тут много упоминалось об административном законодательстве и законодательстве параллельном. Надо помнить, что права эти весьма шатки, неопределенны и что со времени начала созыва Сеймов в 1863 году эта область еще более сузилась; например, целый ряд законов о самоуправлении сельском и городском, о промыслах, банках, акционерных компаниях, о лесах и многие другие, прежде разрешавшиеся в порядке административного законодательства, теперь давно решаются при посредстве народного представительства. Точно так же целый ряд доходов, как, например, доходы винокуренные, доход гербовый, доход от железных дорог, от прибылей банков, которые прежде поступали в штатный фонд, находящийся в распоряжении Монарха, в настоящее время поступают в сеймовые средства. Поэтому наивно было бы думать, что посредством административного законодательства можно было бы оградить общеимперские интересы русских граждан в Финляндии. Понятно поэтому, что лица, которые отвечают за интересы России, не могли не чувствовать, не сознавать, что то стремительное центробежное течение, которое неудержимо приняла финляндские дела, все более и более наносило ущерб России. Уже Император Александр II делал строгие словесные внушения Сейму, а Император Александр III, познав бессилие слов, постановил разработать проект общеимперского законодательства и внести его в Государственный совет. Завершил мысль Императора Александра III ныне благополучно царствующий Государь Император манифестом 3 февраля 1899 года, основные положения которого были приостановлены в 1905 году. Таким образом, в настоящее время общеимперские интересы ничем не обеспечены, в настоящее время вопрос опять оказывается висящим в воздухе, и картина государственного бессилия является полной. И в это время нам говорят о благоразумии, говорят о том, что необходимо ждать, ждать в то время, когда партнер не ждет, когда ждать значит проигры-

вать, проигрывать, может быть, наследие отцов. Не всегда, впрочем, сами финляндцы строили свои расчеты на малодушие русских. Так, например, сенатор Даниельсон-Кальмари еще в таганцевской комиссии заявлял: «И в Финляндии в настоящее время смотрят на этот вопрос иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, к области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным также и с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть люди, которые считают нашим правом и долгом отклонить требования относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько нам известно, не имеет более значительного числа приверженцев ни на Сейме, ни в Сенате, ни вообще среди нашего народа. Все более преобладающее значение получает мнение, что нам необходимо считаться с взглядами, господствующими «здесь в России», и что мы поэтому должны упорно отстаивать свое мнение, иногда даже в таких случаях, когда мы не убеждены в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без таких мер. Мы, следовательно, можем идти на уступки, лишь бы нам и при новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием». Это, конечно, говорилось до событий 1905 года, но и затем в комиссии сенатора Харитонова финляндские члены не отрицали существования интересов и дел общеимперского свойства и предлагали для разрешения их особый способ — способ делегаций, способ, уравнивающий Россию с Финляндией и в конце концов ничего не разрешающий, так как при разногласии финляндских и русских членов этих делегаций большинство вопросов, по мнению автора проекта, должно было оставаться неразрешенным. Русское правительство предпочитало все-таки изыскать способ решения этих вопросов, в конце концов их разрешающий. Поэтому, господа, позвольте мне в дальнейшем исходить из того положения, что необходимость разрешения вопроса об общеимперском законодательстве установлена. Но тут сам собой возникает вопрос: какая же власть должна решить основной вопрос, то есть самый способ течения общеимперских дел, сущность этих дел, вопрос процессуальный и вопрос материальный? В существе своем тут спор может сосредоточиться на следующем: финляндцы, опираясь на слова Императора Александра I, на дарованную им конституцию, на подтверждения незыблемости коренных старинных шведских законов, на возможность отмены сеймовых законов только путем взаимного согласия Монарха и Сейма, приходят

к тому заключению, что России принадлежит право решения только в области внешних международных сношений, а что все внутренние дела, хотя бы и обнимающие общеимперские интересы, могут быть законно разрешаемы только в финляндском порядке, сеймовом или административном. Эта точка зрения наиболее образно была высказана тем же сенатором Лео Мехелином, который в 1904 году в газете «Fria ord» заявлял о том, что взаимоотношение обеих стран требует, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела. Таким образом, внутренним делам противопоставляются внешние, но не общегосударственные; таким образом, провозглашается теория личной унии, или, по терминологии финляндской, унии реальной. Отсюда ясен логический вывод, что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений, сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству финляндского Сейма; России должно принадлежать, в лице ее Монарха, лишь право veto, что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности привести свои отношения с Финляндией к благополучному исходу. Свое мнение о том, как возникла и как развивалась эта теория, я уже излагал перед Государственной думой. Я считаю совершенно излишним в настоящее время оспаривать юридическое построение финляндцев. Совершенно несомненно, что Император Александр I утвердил для Финляндии без всякого точного определения основные нормы конституционных законов Швеции. Совершенно неопровержимо, что и после Фридрихсгамского договора, в 1840 и 1816 годах, в тех манифестах, на которые тут ссылались, Император Александр I подтверждал дарованную им краю конституцию — или конституции — и заявлял о политическом существовании финляндского народа. Совершенно верно, что при Императоре Александре II, в 1869 г., был издан Сеймовый устав, который был признан незыблемым основным законом, подлежащим изменению или отмене лишь по согласному решению Монарха и Сейма. Совершенно бесспорно также, что монетный закон 1877 г. был признан общим сеймовым законом, а закон о воинской повинности в главных своих статьях — даже законом основным. Я бы не хотел утаить ни одного из доводов, которые говорят в пользу финляндской точки зрения, я не возьму на себя неприглядной для правительства обязанности выискивать отдельные слова, выражения, опорочивающие эти акты: нельзя исторический спор ставить в зависимость от адвокатской ловкости ораторов и ловить на слове исторических деятелей, давно уже сошедших в могилу. (*Голос в центре: «это правильно».*) Задача правительства иная: правительство считает, что Финляндия пользуется широкой местной автономией, что Финляндии дарована про-

винциальная конституция, но правительство вполне убеждено, что те предметы, которые обнимают всю империю, или те финляндские законы, которые затрагивают интересы России, выходят за пределы компетенции финляндского Сейма. Всякое другое понимание завело бы нас в исторический тупик. (*Голоса в центре: «правильно».*) Ведь для всех, я думаю, господа, ясно, что нормы законодательные, правовые нормы и отношения не окаменевают, но изменяются, развиваются вслед за развитием жизни народной. Точно так же должны были измениться взаимоотношения России и Финляндии. Должна же быть какая-нибудь конечная инстанция, какая-нибудь верховная, суверенная, на юридическом языке, власть, которая бы эти вопросы решала, решала бы вопросы об изменении норм взаимоотношений Финляндии и России, которая решала бы и общие для них вопросы. Мы ведь видим, что право административного законодательства Монархов не покрывает этих вопросов. Мы видим, как мало удачны попытки финляндского Сейма решать эти вопросы захватным правом. Предоставление же Сейму решения принципиального вопроса об общегосударственном законодательстве было бы равносильно предоставлению ему прав, которые член Государственной думы Милоков назвал учредительными, по вопросу, который касается всей России. Это было бы незаконно по отношению к России. Это не соответствовало бы существованию провинциальной финляндской конституции. Я скажу более, такого права самоопределения не имеют даже составные части сложных государств. Нам возразят, да уже возражали, что в том учреждении в Германии, которое решает вопросы об изменении отдельных конституций, имеют право голоса все союзные государства. Но я думаю, что в настоящее время никто еще не признает Финляндию государством, союзным с Россией. Английский Colonial Legislation Validity Act безусловно признает силу за решениями колониальных парламентов только тогда, когда они не противоречат законодательным актам британского Парламента. Но если державная власть в деле общеимперского законодательства не принадлежит и не может принадлежать финляндскому Сейму, то кому же она принадлежит по праву? До настоящего времени ее бесспорно осуществляли русские Монархи, то есть единственная общая законодательная для Финляндии и для России власть. Ввиду неопределенности финляндских законов, ввиду туманности даже самого понятия основных финляндских законов, ввиду неясности границ между местным и общеимперским законодательством Монархи наши безразлично осуществляли эту власть и путем имперских повелений, и в порядке административного законодательства, и в порядке сеймового законодательства, которое, как вы видели, иногда даже вторгается в область законодательства чисто русского. Но что совершенно ясно, совершенно бесспорно,

это то, что сами наши Государи сознавали, что они, и они одни, властны и правомочны выполнять общеимперское законодательство в пределах Великого Княжества Финляндии. Александр I, даровав Финляндии конституцию и потребовав от земских чинов в Борго их мнения по разным вопросам, запечатлев в Фридрихсгамском мирном договоре державные права России, тщательно и добросовестно охранял финляндскую автономию, но, вместе с тем, в тех делах, которые касались и России, он чувствовал себя совершенно свободным от всяких ограничений и действовал совершенно патриархально. Разрешив финляндцам управляться в своих границах на основании старинных шведских законов, Александр I во всех своих манифестах, даже самых льготных, все же признавал Финляндию частью, и притом подчиненной частью, русского государства, России. Он даже, как вы знаете, не счел необходимым, утверждая эти законы, сделать оговорку о том, что они имеют силу только в той мере, в какой они не противоречат русским Основным законам, настолько он признавал их провинциальный характер. Ведь в этих законах, которые, по статье 57 Формы правления, должны быть понимаемы буквально, не только запрещается назначать генерал-губернаторов, но вопреки единственному фундаментальному закону того времени о престолонаследии требуется, как тут уже упоминали, от Монарха лютеранское вероисповедание, невъезд его из пределов Финляндии и т.д. Если признать, что Император Александр I отказался за Россию от державных или учредительных прав, то надо признать, что немедленно же после утверждения шведских законов он начал их нарушать! Но в его время, по крайней мере, в этом его никто не обвинял, в эту эпоху все признавали Великое Княжество Финляндское русской провинцией. Это заявлялось и на сейме в Борго, это вы можете найти во всех исторических и юридических учебниках того времени. Известный финляндский ученый Нервандер называет Финляндию Тиродем России. Двадцать лет пребывавший вице-председателем Сената барон Гартман открыто заявлял, что Форма правления потеряла свою силу, что необходимо возможно широкое распространение в Финляндии русского языка. Министр статс-секретарь граф Ребиндер мечтал о сближении устава Гельсингфорского университета с уставами других русских университетов. В те времена, до 50-х годов, в торжественных случаях в университете пелся русский народный гимн; Императора и консистория университетская, и студенты встречали адресами, написанными на русском языке. Вот, господа, в какой финляндской атмосфере действовали и законодательствовали Император Александр I и Император Николай Павлович. Я не знаю, надлежит ли перечислять вам тот объемистый перечень законов, которые при Императоре Александре I были изданы в имперском порядке? Их тут перечислял один

из предыдущих ораторов. Нельзя же длительную практику принимать как исключение. Известно, что Император Александр I в том же 1810 году, в котором он издал один из льготных своих манифестов, на который тут уже ссылались, указом своим приказал перечислить в ресурсы государственного казначейства остатки по смете новой Финляндии. Вам известно, что он присоединил старую Финляндию к новой Финляндии, что он назначил генерал-губернатора вопреки параграфу 33 Формы правления. Особенно интересны те суждения, которые высказывались в Государственном совете по поводу этих актов. В той записке, которая была представлена в Государственный совет, говорилось буквально следующее, и в то время это никого не смущало: «Если обе сии провинции — то есть старая и новая Финляндия — ныне равно принадлежат Империи и той же и единой покорены верховной власти, то не может быть никакого основания различать их ни в имени, ни в жребии, ни в образе управления, и подобно тому, как из двух прежних разновременных завоеваний составила одна губерния, ныне должно из трех составить одну провинцию». Вместе с тем указывалось, между прочим, что от этой меры имперская казна не потерпит ущерба, так как «вообще о финляндских доходах сделано постановление, чтобы остатки их причисляемы были к казначейству Империи». Затем в царствование Императора Николая I и Александра II существовал, можно сказать, негласный порядок решения общеимперских дел. Может быть приведен перечень тех учреждений, которые ведали этими делами. Например, таможенный тариф Финляндии обсуждался в Министерстве финансов в 1840 году. Реформа финляндского банковского устава обсуждалась в Министерстве финансов, проект устава Императорского университета 1828 года обсуждался в особом комитете при Министерстве народного просвещения. Проект кодификации финляндских законов обсуждался во Втором отделении канцелярии Его Величества. Проект денежной реформы обсуждался в Министерстве финансов в 1860—1865 гг. Вопрос о том, созывать или не созывать Сейм, обсуждался в особом совещании из сановников русских и представителей Финляндии под председательством Императора Александра II. Военные вопросы обсуждались в Военном министерстве; вопросы, касающиеся постройки шоссе, обсуждались в Главном управлении путей сообщения, которому с 1909 г. была подчинена Финляндия после причисления всей Финляндии в 8-й округ путей сообщения. Начиная с царствования Императора Александра II получила, однако, особое развитие теория об особой финляндской государственности. В это время в сеймовом порядке прошли такие важные законы, как закон монетный и закон о воинской повинности. Но в словах и во многих действиях Императора Александра II сказывалось все же, что он общеимперскую

идею не подчинил идее провинциальной. Так, в 1863 году, когда финляндский Сенат обратился к Императору Александру II с ходатайством о том, чтобы на разрешение финляндского Сейма был передан вопрос о возврате Сестрорецка в черту Империи, Александр II в этом безусловно отказал и вопрос этот решил единолично. Горестны воспоминания этого Монарха о данном им в тяжелую для него минуту на театре военных действий согласи на монетную реформу. Еще в 1860 г. он сказал о монетной же реформе: «*On m'a escamote mon consentement*». Император Александр III ясно сознавал преобладание общеимперского законодательства. В широких массах известен его почтовый манифест и его манифест о приостановлении введения в действие Уголовного уложения, о котором я уже упоминал. Менее известны другие два акта его царствования: Высочайшее повеление 1891 года о передаче на обсуждение Государственного совета проекта финляндского Сената о финляндских основных законах и проекта финляндского генерал-губернатора графа Гейдена об учреждении управления финляндскими губерниями и Высочайшее повеление 1893 года о передаче, точно так же на разрешение Государственного совета, мнения русских и финляндских членов комиссии Бунге о будущем государственном законодательстве. Знаменательно, что в это еще время многоопытный финляндский генерал-губернатор граф Гейден настаивал на том, чтобы его проект об учреждении управления финляндскими губерниями обсуждался в порядке русских Основных законов, так как он имеет общегосударственный характер. Понятно из всего сказанного, что Государь Император Николай Александрович, вступая на престол и подтверждая права и привилегии Великого Княжества Финляндского, подтвердил законы, права и привилегии областные, провинциальные; естественно также, что он захотел продолжить дело своего отца и 3 февраля 1899 года обнародовал манифест об общеимперском законодательстве; понятно, что в 1905 году, когда весь наш законодательный и государственный строй изменился, манифестом 20 февраля 1906 г. было возведено о том, что о порядке осуществления общегосударственного законодательства будут в свое время преподаны особые указания. Обзор действия пяти Монархов приводит нас к неопровержимому выводу, что общегосударственное законодательство, хотя иногда, может быть, и в неясных очертаниях, иногда с отступлениями, с колебаниями, но осуществлялось в течение ста лет волею и властью русских государей. Ни один из них не отказывался от своих общеимперских прав, ни один из них тем более не отказался от державных или, как здесь их называли, от учредительных прав Русской Империи. Отказ этот был бы равносителен признанию Финляндии самостоятельным государством, всякое столкновение, всякий конфликт с которым был бы неразрешим, так как не было бы

такой власти, которая была бы вправе эти осложнения, эти конфликты разрешать. Окончание же конфликтов путем, установленным между равноправными государствами, то есть путем войны, конечно, между Финляндией и Россией немислимо. Таким образом, ныне царствующему Государю в минуту поворота в финляндских делах предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления норм и порядка общегосударственного законодательства. Даровав, как самодержавный Государь, Основные законы Империи, Государь Император манифестом от 20 февраля 1906 года оставил за собою право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это сам, он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, он мог, наконец, призвать к этому делу русское народное представительство. манифестом 14 марта этот вопрос разрешен, и законопроект находится перед вами, господа члены Государственной думы. Вам предстоит решить вопрос исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры, и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задушить автономию свободного народа (*голоса слева: «правильно»*), тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховенства Русского государства, заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое же положение, в котором мы находимся в настоящее время. Приглашение финляндских депутатов в Думу и в Государственный совет с решающим голосом — это акт величайшей справедливости, но это в то же время доказательство (*шум слева; звонок председателя*) единства Русской империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый дозор, в малой хотя степени, за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое внушается в школах детям по отношению к России и русскому языку. (*Шум слева; звонок председателя.*) Союзы, печать, общество — это все предметы, которые даже в сложных государствах составляют предмет общеимперского законодательства. (*Голос слева: «еще бы.»*) Но нам будут указывать, конечно, что этим путем бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру (*голоса слева: «правильно»*) и народное просвещение. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что правительство не считается с интересами целого народа; на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам, а не бюрократии и что помимо вас не пройдет ни один имперский закон; вам, наконец, будут, вероятно, торжественно указывать на мнение якобы Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей; тут уже отвечу вам не я, а ответит

вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познает себя. Разрушите, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине. Презрение чувствуется в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется и со стороны непрошенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Страхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собою Россию, спрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу. (*Продолжительные рукоплескания правой и центра.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. Заседания 95—131 (с 26 апреля по 17 июня 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. Стб. 2025—2042.

Речь П. А. Столыпина была посвящена правительственной инициативе о порядке издания законопроектов, касавшихся Финляндии. В соответствии с точкой зрения правительства, до реформирования государственного порядка в 1905—1906 гг. император, единолично издавая законы, определял внутреннюю политику как России, так и Финляндии как неотъемлемой части империи. По мнению Столыпина, этот общий порядок следовало сохранить и после учреждения представительной власти, которой нельзя было отказать в праве рассматривать дела, касавшиеся в том числе и Финляндии. Следовательно, общеимперское законодательство должно было распространяться и на эту часть страны, а финские представители должны были участвовать в работе законодательных учреждений (Думы и Государственного совета).

Соответствующий законопроект был внесен в Думу 17 марта 1910 г. Против него выступила оппозиция, прежде всего кадеты. В частности, П. Н. Милюков настаивал на том, чтобы Финляндия сохранила свой автономный статус, вытекавший из законодательных актов царствования Александра I. Социал-демократ Е. П. Гегечкори обвинял правительство в неискоренимой ненависти к народам России: финнам, евреям, полякам, народностям, исповедовавшим ислам, и т.д.: «К этому можно прибавить то обстоятельство, что русские чиновники давно точат зубы на Финляндию, что они с вожделием взирают на этот пользующийся благосостоянием край, что они понимают, что там можно создать заново и занять массу теплых мест, что они просто желают... пробраться туда и разбойничать там, как они разбойничают у себя внутри империи».

Представитель фракции октябристов В. К. Анреп отмечал, что утверждение данного законопроекта — государственная необходимость: «Нет ничего неожиданного, нет ничего нового в том законопроекте, который представляется... Мы должны подчеркнуть, что мы спешим использовать наш государственный долг». «Мыслимо ли, чтобы какая-нибудь часть Империи могла иметь решающее значение на дела, касающиеся всей Империи?» — задавал вопрос Анреп, очевидно давая на него отрицательный ответ. Правый депутат Г. Г. Замысловский отмечал политическую необходимость провести данную законодательную инициативу, которая бы устранила явное недоразумение, имевшее место в государственной жизни страны: «Государство не может допускать в нескольких десятках верст от столицы существования области, которая открыто стремится к сепаратизму, к обособлению; нельзя допускать существования такой области, которая во время государственного кризиса подготовляла вооруженное восстание, области, где систематически прививают населению чувства ненависти к России, области, где дают широкий приют революционерам...».

Тем не менее нижняя палата внесла некоторые поправки в текст законопроекта. В соответствии с ее редакцией меры, непосредственно относившиеся к Великому княжеству Финляндскому, должны были проходить экспертизу финляндских органов власти. Также они могли обсуждаться исключительно по инициативе императора (а не министров). Кроме того, Дума увеличила число представителей Финляндии в Государственном совете (с одного до двух) и число депутатов от Финляндии в Государственной думе (с 4 до 5). В этом виде законопроект был Высочайше утвержден 17 июня 1910 г.

Выступление в Государственной думе 19 января 1911 г. о необходимости экстренного правительственного законопроекта об улучшении санитарного состояния жителей столицы России — Санкт-Петербурга

Господа члены Государственной думы! Ввиду того, что вами приняты уже первые 24 статьи предложенного вам законопроекта, мне не предстоит надобности доказывать вам по существу необходимость издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы. Вы оценили, конечно, побуждения правительства, обратившегося в законодательные учреждения в сознании тяжелой своей ответственности перед населением за непринятие мер к охране его

жизни. Я думаю, что едва ли кому-нибудь удастся доказать, что в городе, в котором число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происходит от заразных заболеваний, в котором брюшной тиф уносит больше жертв, чем в любом западноевропейском городе, в котором не прекращается оспа, в котором время от времени появляется возвратный тиф, болезнь, давно исчезнувшая на Западе, в котором почва вполне благоприятна для развития всяких бактерий, не только холерных, но, я думаю, и чумных, что в таком городе правительство обязано стоять на почве, как здесь было сказано, исключительно надзора, исключительно протеста и платонических побуждений, должно подавить в себе волевое усилие и являть из себя зрелище бессилия государства, санкционирующего бессилие общественное. Такого представления о роли правительства ни у кого, конечно, быть не может, и возражения против правительственного законопроекта опираются, насколько я их понимаю, на соображения иного порядка. Оппозиция против правительственных предложений объясняется, очевидно, представлением о них как о мерах в высшей степени прямолинейных, как о мерах, может быть, поражающих каким-то слишком наивным симплицизмом. Появилась и держится в городе холера. Начальство начинает распорядиться, дело не налаживается; городское управление медлит. И в результате — что же? Необходимость заменить это самоуправление чиновником, который все знает, все прекрасно выполнит, быстро и скоро все приведет в порядок. Но подумало ли правительство, — указывают противники его, — что целые группы населения, может быть, наиболее для этого пригодные, устранены от дела городского самоуправления; подумало ли оно о том, что городское управление обрезано в своих средствах, что оно не имеет права облагать оценочным сбором земли дворцовые, казенные и удельные; предъявило ли оно когда-либо городскому управлению категорическое требование об оборудовании канализации и улучшении водопровода; наконец, подумало ли оно об освобождении городского самоуправления от тех тормозов, от тех рогаток, которые поставлены на его пути самим законом, так как городское управление, как известно, не имеет права иначе, как в путях закона, не только отчуждать нужное имущество, но даже временно его занять в целях работ по оздоровлению города, не имеет права установить обязательного присоединения домовладельцев к общей канализационной сети, не имеет даже права обложить жителей уравнительным канализационным сбором? Если бы правительство об этом подумало, если бы оно своевременно расширило компетенцию города соответственно обширности возложенных на него задач, тогда другое дело — правительство имело бы право

возбудить вопрос о понудительных против города мероприятиях; но при отсутствии этих условий всякое вмешательство правительства в городскую компетенцию является доказательством недоверия к общественным силам, более того, является ударом, наносимым самому принципу городского самоуправления. Вот, насколько я понял, те возражения, на которые мне придется отвечать. О необходимости составления проекта нового Городового положения, вместо прямой борьбы с антисанитарными условиями г. Петербурга, я говорить не буду, так как вы, господа, уже постановили перейти к по-статейному чтению законопроекта и, следовательно, в общем признали его целесообразность. К тому же многим из вас известно, что даже в городах, в которых круг избирателей и круг гласных гораздо более ограничен, чем в Петербурге, вопрос канализационный и вопрос водоснабжения вырешен уже достаточно благополучно. Кроме того, я полагаю, что попутно разрешать крупный вопрос о новом способе комплектования городских гласных было бы в настоящее время неудобно. Я точно так же оставляю в стороне вопрос об обложении оценочным сбором земель дворцовых, казенных и удельных. Вопрос этот не относится к статье 25 и последующим и вообще имеет мало отношения ко всему законопроекту, так как, по предположению правительства, и канализация, и водопровод должны сами себя окупать и содержать. Если не касаться этих двух вопросов, то спор сводится к нижеследующему: иные полагают, что городское самоуправление не может в настоящее время осуществить канализацию и улучшить водопровод, потому что сам закон ставит ему в этом преграды, и цель законодателя — устранить эти преграды, расширив законные полномочия города в пределах этих двух предприятий; помимо же этого никакого законодательного воздействия не требуется. Другие предполагают, что дело законодателя — не только благожелательное содействие городскому управлению, но и обеспечение неперменного исполнения той задачи, которая признана государством необходимой. Какое же отношение правительства к этим вопросам? Ответ на это дает первоначальный правительственный законопроект, согласно которому предполагалось, ввиду тревожного в санитарном отношении состояния столицы, немедленно взяться за работу и, ввиду невозможности заставить работать других, принять на себя правительству и весь труд, и всю ответственность по этому делу, не терпящему никакого отлагательства. Как известно, комиссия Государственной думы пошла по среднему пути. Она нашла, что если городское самоуправление поставить в условия, в которых помехи, о которых я только что говорил, были бы устранены, то в этих облегченных условиях городское самоуправление, быть может, и выполнит

возложенные на него задания. Поэтому комиссия решила предоставить городу эту возможность и лишь в случае неудачи города обеспечить в самом законе выполнение или завершение дела правительственной властью. Несмотря на то, что при такой постановке дела может быть риск некоторого замедления, правительство пошло на это, согласилось с предложениями комиссии и приняло участие в переработке законопроекта. Действовало оно так из уважения и к принципу городского самоуправления, и в предположении, что при таком оказательстве доверия городу со стороны высших законодательных учреждений и со стороны правительства может появиться новый стимул, новый импульс, который послужит к удаче предприятия. Но правительство не могло допустить и мысли, чтобы Государственная дума остановилась на полпути и не обеспечила при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях завершение дела, являющегося не вопросом самолюбия тех или иных городских деятелей, а вопросом жизни или смерти населения столицы. Тут, господа, мне придется поделиться с вами некоторыми соображениями и мыслями, которые привели меня в свое время к выводу о необходимости немедленного правительственного действия. Эти мысли, конечно, могут служить аргументом а fortiori для доказательства необходимости оставления в силе второй части законопроекта комиссии, которая служит санкцией к первой его части. Ничего оскорбительного и для городского самоуправления, и для принципа самоуправления в этих мыслях, конечно, нет. Наблюдая за деятельностью Петербургского городского самоуправления, я не мог не подметить какой-то робости, какой-то нерешительности во всех вопросах, касающихся мер по оздоровлению столицы. Никто не будет отрицать, что до самого последнего времени самая возможность сооружения такого грандиозного предприятия, как канализация, подвергалась сомнению не только с точки зрения технической его осуществимости, но и с точки зрения даже его необходимости; тут чувствовалось явное смущение перед громадностью предстоящих расходов, которые превышают сумму всех займов, заключенных до настоящего времени г. Петербургом. Состав городской думы переменный, одни дело начнут, другие будут продолжать, третьи, может быть, закончат, ответственность громадна — вот психология городского самоуправления, психология, которая проскальзывает, просачивается во всех, даже частных, разговорах городских деятелей. И поражает в этих разговорах, в этих соображениях городских деятелей то, чем оно оправдывается: данными о том, что вот уже в течение более 40 лет городская дума изыскивает способы, выбирает лучшие проекты канализации, ссылками на то, что правительство даже до настоящего времени еще ка-

тегорически не принимало по отношению к городу достаточно энергических мер понуждения! Разве, совершенно независимо от вопроса о степени вины в данном деле правительства или городского самоуправления, разве все эти доводы не служат доказательством отсутствия у городского самоуправления волевого импульса? Подтверждается это примерами и из области менее крупных предприятий. Вспомните, например, что простой вопрос, вопрос о введении водомеров должен был быть проведен в порядке Высочайше утвержденного мнения Комитета министров; город с своей стороны последовательно обсуждал этот вопрос и в 1892 г., и в 1894, 1895, 1896, 1897 гг., и, наконец, в 1899 г. окончательно его отклонил, после чего он должен был быть проведен в порядке Верховного управления. Таким же путем было проведено и расширение фильтров. Наконец, в самое последнее время, в 1909 г., городская дума решила вопрос о префильтрах, даже ассигновала деньги на эту постройку; префильтры, однако, построены не были, и в конце концов город перерешил вопрос и отказался от своей мысли. Не доказывает ли это, что в городе, при наличии самых благих пожеланий, не созрела еще та решимость, которая одна может родить результаты? Я укажу еще на события самого последнего времени. В настоящее время в городской думе существует новая канализационная комиссия, состоящая из почтеннейших людей, которые желают сделать дело; в эту комиссию приглашаются эксперты из самых крупных научных авторитетов, но эксперты эти заявляют, что всякая их работа будет безрезультатна, бесполезна, покуда не будут ясны условия, положения, задания, которые должны быть выполнены, иначе работа их останется академической. И вот эта академичность работы и является характерной для всех трудов городского самоуправления в области оздоровления Петербурга, кроме, конечно, больничного дела. Для того, чтобы превратить, для того, чтобы превратить эту работу в работу реальную, хотя бы и несовершенную, и необходима санкция к вашему законопроекту, санкция, которою является статья 25 и последующие его статьи. Если этой санкции вы не дадите, то работа, конечно, может быть, и будет исполнена, но, может быть, и не будет исполнена, а, может быть, будет замедлена. Быть может, тогда, когда пройдут установленные сроки, наступит момент, когда правительству придется вносить особый законопроект о приведении в исполнение работы в принудительном порядке, может быть, это произойдет в летний период, когда Государственная дума не будет заседать, придется во всяком случае проводить этот закон и через Думу, и через Государственный совет. В результате — замедление, остановка работ. То же самое произойдет, если будет принято пожелание о предоставлении

и правительству права роспуска городской думы и призыва другого ее состава. Соответствует ли такая возможность силе и авторитету закона? Может ли закон, прошедший через рассмотрение Государственной думы и Государственного совета, получивший санкцию Государя Императора, установить лишь новую, кажется, седьмую или восьмую по счету комиссию, снабдить ее всеми способами и возможностью выполнить дело, не обеспечив ничем безусловности его окончания? Говорят, что и на это надо идти ввиду того, что всякое воздействие правительства на город будет опорочивать принцип самоуправления. Но так ли это? Я думаю, что ничего постыдного для наших городских деятелей нет в предвидении возможности если не воздействия, то, во всяком случае, содействия правительства к приведению в исполнение столь необходимого предприятия, как канализация и водоснабжение. Господа, история повторяется: Берлин 60-х годов прошлого столетия напоминал собой в большой мере в санитарном отношении картину сегодняшнего Петербурга. Там точно так же жидкие нечистоты выливались в открытые канавы и каналы, которые выносили все эти нечистоты в реку Шпрее; твердые нечистоты почти все (до 90%) оставались в черте города. Точно так же слышались разговоры о невозможности сооружения канализации и в финансовом отношении, и, главным образом, в техническом; говорили, что будут обваливаться и обрушиваться дома и т.д., а теперь в Германии канализировано 624 города. Да и в Англии до 1870 г. прошлого столетия органы городского самоуправления обнаруживали полную бездеятельность в отношении улучшения санитарных условий страны. С 30-х до 70-х годов прошлого столетия там шла, как теперь у нас, ожесточенная борьба между сторонниками государственного воздействия и между противниками его, доказывавшими, что самая мысль о таком воздействии оскорбительна для идеи самоуправления. И что же? В классической стране самоуправления узаконено начало воздействия. Вам известны и английский, и французский законопроект, которые тут неоднократно цитировались, но я попрошу вас вникнуть в его внутренний, не формальный, а более глубокий смысл, и вы поймете, что этот закон не репрессивный, не нарушающий духа английского selfgovernment, а закон глубоко социальный. Такого рода закон и должен был возникнуть в государстве не полицейском, не регулирующем действия всех и каждого, а в государстве, преследующем задачи широкой социальной политики, ставящем пределы свободы отдельного лица и отдельных организаций, когда они нарушают интересы масс. Но ведь, господа, на этом же принципе зиждется все законодательство об охране женского и детского труда, все законодательство об общественном призрении, все законодательство о фаб-

ричной инспекции. Кому, господа, более всего нужна в Петербурге чистая вода и канализация? Ведь не домовладельцам, которые живут в более или менее сносных условиях, не министрам, не нам с вами, а столичной бедноте. Я видел, как эта беднота безропотно умирает в городских больницах, отравленная тем, что каждому должно быть доступно в чистом виде, — водой. Я знаю и помню цифру 100 тысяч смертей от холеры в настоящем году; я чувствую боль и стыд, когда указывают на мою родину как на очаг распространения всевозможных инфекций и болезней. Я не хочу, не желаю оставаться далее безвольным и бессильным свидетелем вымирания низов петербургского населения. Я поэтому стою за принятие закона, который выразил бы не только желание, но и непреклонную волю законодателей. Я хочу не надеяться, я хочу наверное знать, что при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 15 лет в столице русского царя будет, наконец, чистая вода, и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я не поверю и никто мне не докажет, что тут необходимо считаться с чувством какой-то деликатности по отношению к городскому управлению, что тут может существовать опасение обидеть людей или оскорбить идею. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имея в виду не только Петербург, нет, это необходимо и по отношению ко всей России. Я повторю то, что только что говорил член Государственной думы Шингарев: Россия ежегодно наводняется эпидемиями и болезнями из Азии. Есть целый ряд городов, которые становятся рассадниками, узлами инфекции, откуда они разносятся по всей России. Окиньте мысленным взором все наше Поволжье, сначала Астрахань — ворота, через которые к нам приходит и холера, и чума, Астрахань с ее известным водопроводом, вбирающим воду на берегу Волги, представляющим из себя клоаку, наполненную миазмами. Далее — Царицын с его оврагами, очагами заразы, из которых самый знаменитый — Кавказ, на высоком берегу которого сосредоточено скопление всех отбросов — гнездо заразы, а внизу, внизу живут люди, которые дышат миазмами от нечистот, сбрасываемых сверху. В настоящее время этот Кавказ очищен и очищен, конечно, пожаром. Дальше идет Саратов с его не менее знаменитым Глебучевым и Белошинским оврагами, по которым я немало походил и о которых мог бы много порассказать. А Самара, нарядная Самара, с ее известной Веденево́й ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугор, с которого жидкие нечистоты по оврагу стекают в реку Самару. Казань имеет тоже свои достопримечательности в центре города: ров Булак и озеро Кабан, в которое точно так же сваливаются все казанские нечистоты. И правительство все это знает и все это терпит? Не только знает, но даже изучило, посредством самых известных

научных авторитетов, составило планы оздоровления этих городов и предъявило даже эти планы к исполнению городским самоуправлением. Но, господа, если вы теперь отвергнете санкцию к закону, то есть статью 25 и дальнейшие, то и эти планы останутся, конечно, такими же прекрасными планами, как предначертания комиссии сенатора Лихачева, которая в 1897 году объехала все эти места и в свое время выработала целый ряд мероприятий по оздоровлению Поволжья. И это произойдет не от того, чтобы города эти не хотели почитаться, наоборот, но потому, что это дело трудно, потому что оно не сегодня началось, потому что понуждения, как это видно будет на примере Петербурга, на примере того законопроекта, который вы теперь рассматриваете, ожидать не придется и сверху не будет произведено того, чего у нас вообще недостает в России: твердой и ясной воли, а такую коллективную непреодолимую волю может проявить, конечно, только закон. Меня ждет еще одно возражение: каким же образом то, что окажется недостижимым для городских самоуправлений, будет удачно выполнено чиновниками? (*Голос слева: «это самое главное».*) Да, я думаю, просто потому, что государство обладает большими техническими средствами, имеет больший круг людей к своим услугам. Дело, господа, не в чиновниках. Чиновник может быть и плох, может быть и хорош, а я думаю, что чиновник часто не меньше, а может быть, и больше других трудится на пользу и на славу России. И, право, горько и больно слышать, когда рисуют по обычному шаблонному трафарету образ чиновника, стремящегося исключительно захватывать чины, ордена, оклады и лишённого всякого нравственного чувства. Но, повторяю, дело не в этом. Гораздо трагичнее только что высказанное недоверие к силам самого государства. Только что приводились примеры того, как правительство вооружало себя всевозможными полномочиями и не достигало результатов. Но ведь дело, как сказал член Государственной думы Шингарев, не в правах местной власти. Дело, предмет обсуждения не в принципе смешения прав администрации с правами самоуправления, который может быть и ошибочен. Дело не в снабжении власти в нормальное время средствами, принадлежащими земству и городскому самоуправлению, тем более что таких свободных средств обыкновенно нет. Но недопустимо думать, что государство не имеет средств и возможности выполнять изъёмы учреждений, которым от самого государства передоверены некоторые государственные функции. Если не верить силам государства и силам государственности, то тогда, господа, конечно, нельзя ни законодательствовать, ни управлять. (*Голос справа: «браво».*) Ошибочно, господа, точно так же подходить к каждому вопросу, принося его к существующим образцам — либеральным, реакционным

или консервативным. Наша оппозиция привыкла прикасаться к каждому правительственному законопроекту особой лакмусовой бумажкой и затем пристально приглядываться — покраснела она или посинела. (*Смех справа.*) Напрасно. Меры правительства могут быть только государственными, и меры эти, меры государственные, могут оказаться консервативными, но могут быть и глубоко демократичны. Так, господа, и в данном случае правительство просит вас довести дело до конца, правительство просит вас подчеркнуть неприкосновенность вашего решения, памятуя, конечно, не о самолюбии тех или других деятелей, а о простом бедном рабочем люде, который живет или, скорее, гибнет в самых невозможных условиях и о котором под названием пролетариата здесь принято вспоминать, главным образом, как о козыре в политической игре. (*Голоса справа: «да», «верно».*) Вам, господа, предстоит решить вопрос не субъективного чувства о том, органы ли самоуправления или правительство достойны большего сочувствия, — вам предстоит решить крупный социальный вопрос о государственном воздействии на условия существования экономически зависимых масс. Этот вопрос вы можете решить правильно с одной только точки зрения — с точки зрения государственной. (*Голоса справа: «браво»; рукоплескания справа и в центре.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть II. Заседания 39—73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. Стб. 98—108.

Правительственный проект предоставлял городскому самоуправлению полномочия по сооружению канализации в столице и устанавливал сроки для производства работ. Если же местное самоуправление не справлялось с поставленными задачами, то канализация должна была быть построена правительственной администрацией за счет средств города. Выступление П. А. Столыпина о совершенствовании городского хозяйства С.-Петербурга было неоднозначно оценено думскими фракциями. Лидер кадетов П. Н. Милюков выступил категорически против правительственной инициативы, утверждая, что подготовленный законопроект предполагал активное вмешательство государственной власти в дела местного самоуправления. Схожую позицию занял однопартиец Милюкова Н. Н. Щепкин. По мнению последнего, согласившись с правительственной инициативой, Дума пошла бы по пути умаления полномочий органов городского самоуправления. Против министерского проекта выступил и представитель правого крыла Думы граф А. А. Бобринский. Октябрист И. В. Годнев отрицал необходимость принятия мер, указанных правительством, так как решить проблемы,

стоявшие перед Петербургом, можно было и в рамках уже существовавшей нормативной базы. По мнению октябриста А. Ф. Мейендорфа, правительство подошло к проблемам городского хозяйства Петербурга не с того конца. Ему следовало не подчинять себе органы местного самоуправления, а создать благоприятные условия для их работы. Октябрист М. Я. Капустин поддержал речь Столыпина. С его точки зрения, проблема охраны народного здоровья намного важнее формальной стороны дела. Схожую позицию защищал националист Г. А. Андрийчук. С аналогичных позиций говорили октябрист К. И. Расторгуев, националист П. В. Синадино. Ф. И. Родичев ставил под сомнение эффективность бюрократии в решении проблем местного хозяйства, с которыми лучше справляются органы самоуправления.

В итоге правительственный проект был отклонен большинством депутатов (131 голос против 130).

Повторное выступление в Государственной думе 19 января 1911 г.

Господа члены Государственной думы! Перед отъездом из Государственной думы по экстренным делам я всхожу на эту кафедру не для полемики, а для того, чтобы рассеять одно, как мне кажется, недоразумение. Тут в речах лиц, относящихся несочувственно к 25-й и последующим статьям законопроекта, выразалось мнение, что правительство и в моей речи, и в своем представлении настаивает на необходимости ограничить молодое самоуправление и твердо стоит на принципе вмешательства в дело самоуправления. В этом именно я и вижу безусловное недоразумение. Если вы вникнете в смысл законопроекта, то вы увидите, что вмешательство правительства в дело самоуправления осуществляется не в 25-й и последующих статьях, а в первых 24 статьях. А эти первые 24 статьи уже приняты вами; ими предусматривается организация новой комиссии, которая не предвидится Городовым положением. В эту комиссию входят пять членов от Министерства внутренних дел — даже не от всех ведомств, а от одного министерства, — а председатель назначается Высочайшею властью. И в руки этой комиссии отдается все дело! Следовательно, сама Государственная дума признала, что не всегда вмешательство правительственных органов бывает вредным, особенно в таких важных предприятиях, как то, которое предстоит теперь для оздоровления столицы. Дальнейшее недоразумение заключается в смешении, как мне кажется, двух понятий: понятия правительства как органа подчиненного и понятия о государстве. Если бы 25-я и последую-

щие статьи были вами ампутированы, то, несомненно, ваш законопроект оказался бы незаконченным, не было бы гарантии той непрерывности работы, которая необходима в таком важном деле, как дело оздоровления столицы: было бы обеспечено, как я высказал раньше, одно содействие городскому управлению, но гарантии неприменности обеспечения населению столицы возможных жизненных условий, конечно, в этом законе уже не было бы. Но по пути обеспечения этих условий самим государством пошли все те страны, которые верят в свою государственность, которые верят, что самоуправление — только составная часть управления государственным. Нельзя в данном случае противопоставлять самоуправление правительству и надо предвидеть и предопределить, что если в этом конкретном деле самоуправление потерпит неудачу, то существует нечто высшее, определяемое более высоким понятием, существует государство, и что государство способно выполнить задачу, не выполненную его органом, что население ни в каком случае не останется в безвыходном положении. Поэтому я и думаю, что если вы остановитесь на статье 24, то законопроект ваш останется незаконченным. Тут проявится какое-то противоречие, незаконченность, неполнота закона, и на логической почве останется в данном деле одна только оппозиция, которая прямо говорит, что она в современную государственность не верит, и которая предлагает свой рецепт, свой выход из создавшегося положения — все теперешнее государство, всю государственную пирамиду, как выразился один из ораторов, сверху вниз опрокинуть. Но едва ли этому рецепту сочувствует остальная часть Государственной думы. *(Рукоплескания справа и в центре.)*

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть II. Заседания 39—73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб: Государственная типография, 1911. Стб. 145—147.

Перед отъездом из Государственной думы П. А. Столыпин ответил своим критикам, рассчитывая таким образом направить ход будущей дискуссии в русло, соответствовавшее видам правительства. Премьер-министр выступал непосредственно после А. Ф. Мейендорфа, который отмечал непримиримые противоречия между представителями бюрократии и местного самоуправления. По мнению Мейендорфа, правительство должно было стремиться к преодолению этих противоречий. А оно, напротив, настаивая на праве администрации вмешиваться в дела городского хозяйства, провоцировало новые конфликты: «Правительство... усложнит положение до крайности; тогда пойдет разговор о вине, создадутся здесь ужаснейшие конфликты, и, поверьте, что отношения будут настолько спутаны, что никто не сумеет сказать, кто, в сущности, виноват».

Выступление в Государственном совете 1 февраля 1911 г. о земских учреждениях в Западном крае

Господа члены Государственного совета! Основные положения правительственного проекта о введении земских учреждений в Западном крае были, после долгих и довольно страстных прений, в главных чертах еще в минувшем году приняты Государственной думой. Особая комиссия Государственного совета присоединилась к предположениям правительства и признала возможным восстановить первоначальную правительственную редакцию в отношении земельного ценза, участия духовенства в земстве и обязательности избрания председателей управ из числа лиц русского происхождения. Таким образом, невосстановленным оказался лишь один принцип правительственной системы — принцип ограничения известным процентом лиц польского происхождения, служащих в земстве по найму. Несмотря на, казалось бы, такую прочную постановку дела, я все же не мог не предвидеть, что здесь, в общем собрании Государственного совета, на правительственный законопроект будут сыпаться удары со всех сторон, так как им затронут вопрос, которого, к сожалению, нельзя было обойти, — вопрос, издавна глубоко волновавший и волнующий русскую общественную мысль, — вопрос о русско-польских отношениях. Конечно, может быть, было бы осторожнее этого вопроса совершенно не касаться, но сделать это было возможно только одним путем: не поднимая совершенно вопроса о западном самоуправлении. На это мне и указывалось с двух сторон: с одной стороны, поляки говорят, что вопрос о земстве возник случайно, вследствие законодательного заявления об изменении порядка выборов членов Государственного совета от западных губерний, причем правительство будто бы схватилось за этот случай для того, чтобы еще раз, в новой области, области самоуправления, ввести новые ограничения по отношению к лицам польского происхождения; на эту же случайность указывали и некоторые русские, утверждая, что Положение 2 апреля 1903 года действует вполне удовлетворительно и что всякое его изменение поведет лишь к уменьшению русского влияния в крае. Поэтому я прежде всего должен был задать сам себе вопрос: да не возбужден ли весь этот вопрос легкомысленно, неосмотрительно, случайно, не поведет ли изменение нынешнего положения к ухудшению и политическому, и хозяйственному? Отвечая на это, я должен прежде всего отметить, что вопрос о введении земства озабочивал нынешнее правительство еще начиная с 1906 года, и если проекты правительства потерпели некоторое замедление, то произошло это по двум или даже по трем причинам:

во-первых, Государственная дума сначала относилась весьма отрицательно к распространению Земского положения 1890 г. на новые губернии; затем, первоначальный министерский проект был основан на принципе пропорциональности, что тогда же было признано правительством и слишком сложным, и несоответствующим русским интересам в крае, тем более что, в-третьих, — надо же быть откровенным — пример и опыт первых Государственных дум, Государственного совета убедил правительство в особой сплоченности, в особой замкнутости польского элемента. Но как только возникла возможность или, скорее, надежда провести законопроект, соответствующий государственным интересам, он тотчас же и был представлен на законодательное рассмотрение. Теперь, переходя к вопросу о том, почему же правительство не может удовлетвориться Положением 2 апреля 1903 г., я хотел бы, чтобы противники мои мысленно, на минуту, забыли все привходящие аргументы и мотивы, которые делают для них правительственный проект неприемлемым, и решили бы сами для себя, вне круга этих привходящих понятий, коренной, основной вопрос: да необходимо ли, нужно ли земское самоуправление в Западном крае или нет? Нам только что сейчас говорили, что Положение 2 апреля 1903 г. совсем не так плохо, что оно вполне удовлетворяет местным потребностям. Я охотно признаю, что этот законопроект был большим шагом вперед по сравнению с прежними губернскими распорядительными комитетами. Но можно ли серьезно говорить о том, что при наличии этого Положения возможен экономический расцвет, экономический подъем края, который имеет все задатки для широкого своего развития? Ведь трудно, господа, доказывать, что лица, которым приказано, которые назначены для того, чтобы отстаивать местные интересы, будут делать это лучше, проявят больше самодеятельности, чем лица, уполномоченные на это местным населением. Трудно доказать, что утверждение, в очень большой количестве случаев, земских смет в законодательном порядке не будет служить помехой, тормозом для развития земского дела в крае. Наконец, как вы докажете, что при отсутствии уездных земских смет уездные земские собрания заинтересованы в правильной постановке земского бюджета? Заинтересованы они только в одном: как можно больше получить ассигнований на свой уезд, то есть расходовать как можно больше земских денег. Коррективом к этому не может служить статья 71, на которую здесь ссылались, так как она является лишь паллиативом и далеко не всегда применима. Не может быть также доказательно сравнение развития земского хозяйства, скажем, Киевской и Курской губерний, так как цифры берутся за разные годы и единицы эти не сравнимы ни по пространству земельному, ни по количеству населения, причем совершенно забываются другие примеры: сравнение однородных губерний —

Могилевской и Смоленской, которое приводит к совершенно другим выводам. Член Государственного совета Н. А. Зиновьев указывал на пример, который мне хорошо знаком, на Ковенскую и Саратовскую губернии, говоря, что Саратовская губерния богата по сравнению с Ковенской только лишь, может быть, поджогами и актами хулиганства. Я на это скажу, что, зная эти две губернии, я могу подтвердить, что Саратовская губерния богаче и больницами, и школами. Правилен, может быть, во всех этих доводах защитников Положения 2 апреля 1903 г. только один аргумент. Правы они, говоря, что русское землевладение в Западном крае не играет еще достаточной роли в местной жизни, что в крае мало полных цензовиков, что там с трудом можно найти должностных лиц для занятий должностей уездных предводителей, земских начальников, мировых посредников. Правилен, конечно, этот довод, но неправилен вывод. Прекрасный край спит, поэтому говорят, [что] он встряхнуться не может и необходимо оставить его в тех условиях, которые создают эту сонливость. Но, господа, ведь рядом, межа к меже, за государственной границей люди живут в одинаковых условиях, лихорадочно работают, богатеют, создают новые ценности, накапливают их, не зарывают своего таланта в землю, а удесятерят в короткий срок силу родной земли. Это движение там, да не только там, но даже и в странах, которые считались недавно еще варварскими и дикими, создается тем, что люди там поставлены в положение самостоятельности и личной инициативы. Почему же у нас необходимо их ставить в положение спячки, а потом удивляться, что они не шевелятся? Я думаю, что каждый, знающий Западный край, вам скажет, что там не менее, а гораздо более подходящих условий для развития земской самостоятельности, чем даже, может быть, в коренных земских губерниях России. Да не в том, господа, ваши сомнения. Возражения ваши исходят из других соображений. Мне скажут, да уж и говорили, что все то, что я привожу, может быть, и верно, но то, что я предлагаю, — земство только по названию и может послужить почвой для развития не экономической самостоятельности, а разве лишь для развития племенной борьбы. К этой категории возражений я и перейду, но позвольте мне сначала отметить, что я считаю отпавшими первоначальные сомнения относительно возможности и желательности перехода к иному способу хозяйственного управления, чем закон 2 апреля 1903 г., к способу более совершенному. Этим более совершенным способом могло бы быть, конечно, при нормальном положении края, то Земское положение, которое действует во всей остальной России. Введи мы завтра это Положение в Западном крае — результаты были бы разительные, и я уверен, что через несколько лет край был бы неузнаваем. Я, господа, прямо и охотно признаю, что те ограничения, которые я предлагаю, послужат тормозом для этого развития, что они задержат земское раз-

витие края в том масштабе, в котором я этого ожидаю. И я иду на эту задержку по соображениям государственной необходимости, по соображениям, о которых я подробно говорил в Государственной думе и повторением которых я вас утомлять не буду. Я только хотел бы устранить одно недоразумение, которое, оставшись неустранимым, могло бы затемнить ясность дальнейшего моего изложения. Я имею в виду упрек, который был мне тут сделан и который повторяется всеми противниками правительственного законопроекта, упрек, заключающийся в том, что, вводя в дело соображения не только хозяйственные, местные, но и иные, может быть и высшего порядка, правительство вносит в земское дело элементы его разрушения, зерно погибели — политику. Это понимают все — и земцы, и не земцы. Этим аргументом пользуются и польские представители, заверяя, что если бы из дела изъять жало национального вопроса, то земская работа пошла бы в крае мирно и спокойно. Я решаю оспаривать правильность такой постановки вопроса, так как в этом логическом построении упущено одно существенное обстоятельство. Обстоятельство это, известное всем жившим, а тем более служившим в Западном крае, и заключается в том, что, ввиду ли исторических причин или разноплеменности населения края, там нет ни одного вопроса, в который не входила бы политика. Это понятно, иначе быть не может, и я далек от того, чтобы упрекать в этом поляков. Поляки — бывшие господа края, они утратили там власть, но сохранили богатства, сохранили культуру и сохранили воспоминания, которые дают привычку властвовать, привычку господствовать. Говорят, что их там всего 4%, не более. Но, господа, ведь вы люди жизни, вы люди опыта! Разве недостаточно иногда в уезде одного человека, да не только в уезде, но в губернии, а я думаю — и в штате, и в провинции, и в департаменте, и в графстве, одного человека богатого, связанного с краем прежними своими семейными традициями, и притом честолюбивого, деятельного, для того чтобы захватить в свои руки все влияние, для того чтобы придать всему краю свою окраску, особенно тогда, когда ему нет противовеса, когда кругом нет другой сосредоточенной силы. Это делается само собою. А так как в Западном крае такие немногочисленные, но влиятельные лица — поляки, и их все и вся со всех сторон толкают к отстаиванию своих национальных интересов, то понятно, что каждый вопрос в крае просачивается, пропитывается элементом своей собственной краевой политики. И самые умеренные люди, самые далекие от политики, не могут идти против течения и, сами того не замечая, делают политику, как мольеровский на этот раз уже не Диафорюс, а Журден, который, сам того не зная, делал прозу! Возьмите любое учреждение в крае: возьмите кредитные товарищества, сельскохозяйственные общества, выставки, банки, да возьмите, наконец, хотя бы Виленский земельный банк, который в свое

время, вспомните, был основан для отстаивания русских земледельческих интересов и превратился в польское национальное учреждение! Везде, всюду, господа, проникает политика. И вы хотите, чтобы правительство закрыло на это глаза, чтобы оно, вводя в край земство, ничего не противопоставило бы этой лавине надвигающейся политики. То, что вы называете введением земства в политику, — это предохранительная прививка, это страховка от политики, страховка от преобладания одной части населения, одного элемента над другими, преобладания, которое без уравнивания регулятором, недаром же находящимся в руках государства, придает однородную, одностороннюю окраску земским учреждениям, а через них и всему краю. Вот почему, господа, позвольте мне считать также установленным, что введение общих земских учреждений в крае, без всяких поправок, внесло бы в жизнь его лихорадочную политическую борьбу. О способе регулирования соотношения сил я скажу сейчас. Но раньше позвольте мне остановить ваше внимание еще на одном недоумении. Правительственные оппоненты указывают на то, что если так или иначе ограничить польский культурный элемент в земстве, то остающийся элемент не даст достаточно пригодного материала для создания прочных земских кадров. Для того чтобы выяснить этот вопрос, необходимо на время совершенно забыть про польский элемент и, расценивая наличные земские силы, допустить на время, что этого элемента совершенно не существует. И вот, рассматривая собранный статистический материал, я нахожу на этот вопрос, по всем губерниям, утвердительный ответ. Вы знаете, господа, что правительство не пренебрегало разработкой статистических данных, что оно в последнее время сделало почти поименное обследование будущих земских избирателей по самым, с точки зрения правительства, слабым двум уездам каждой из шести губерний. И вот эти, казалось бы, неблагоприятные для правительства цифры по двум уездам каждой губернии показывают, что число полных цензовиков везде превышает число предполагаемых гласных. Конечно, в некоторых уездах избиратели, быть может, сами себя объявят гласными. Может случиться и недобор. Но разве этого не случается и в коренных земских губерниях? Для того, однако, чтобы усилить русские курии, Государственная дума приняла поправку, уменьшающую земский ценз вдвое. Господа, я нахожу, что к поправкам, вносимым в наши законопроекты Государственной думой, надо относиться с величайшей бережностью. Государственный совет, точно так же, как и правительство, смею думать, стоит на страже государственности и должен отклонять все нововведения, все поправки, которые имеют характер противогосударственный, противообщественный, противонациональный. Но, вместе с тем, мне кажется необходимым сугубо остерегаться пренебрежительного отношения к тем нововведениям со стороны Госу-

дарственной думы, которые, с точки зрения государственной, приемлемы, так как законодатели призваны от земли для того, чтобы вносить жизненные поправки в предположения правительства, а три законодательных фактора — Государственная дума, Государственный совет и правительство, прежде чем подносить законопроекты на Монаршую санкцию, обязаны всеми силами стремиться к направлению их по согласованному пути. Вот почему правительство, изучив поправку, предложенную Государственной думой, и находя, что поправка эта улучшает законопроект, изъявило согласие на ее принятие. Улучшение законопроекта правительство видит в том, что, увеличивая количество полных цензовиков, предложенная поправка вместе с тем не ухудшает их качества. Уже одно то соображение, что за последнее десятилетие ценность недвижимого имущества удвоилась, казалось бы, говорит за логичность предлагаемой меры. Но я не иду так далеко, я не обобщаю своих соображений, я считаю это мероприятие совершенно частным, местным, вызванным политическими соображениями, и все же нахожу, что вводя земство в Западном крае, вводя новое мероприятие, надо его применять к местным условиям для того, чтобы через несколько лет не быть принужденным вносить изменения в только что принятый закон. Против понижения ценза обыкновенно приводят два соображения: говорят, во-первых, что он ухудшает, понижает культурный уровень избирателей, а с другой стороны, что эта мера страдает огульностью. Но опять-таки из рассмотрения цифр видно, что состав полуцензовиков в образовательном отношении совершенно доброкачествен; понижается лишь несколько количество лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения, и, в самой ничтожной мере, проходят неграмотные. Что касается огульности этого мероприятия, то она оправдывается тем, что ценз, по самой природе своей, должен быть признаком постоянным, для разных уездов равноценным. Стоимость земли — признак постоянный, так как стоимость увеличивается или уменьшается равномерно; другие же признаки, как, например, соотношение цензовиков к количеству гласных, — признак временный, он придает цензу характер случайности и вводит крайнюю равноценность даже по близлежащим, рядом друг с другом, уездам. Все эти соображения, я думаю, показывают, что уменьшение ценза поведет лишь к сплочению массы среднесостоятельных, но культурных русских собственников, которые иначе, может быть, потонули бы в море мелких избирателей. Я знаю, что со стороны польских представителей существует еще одно возражение. Говорят, что при расслоении мелких избирателей их верхний слой, переходящий в разряд полных цензовиков, окажется состоящим из чиновников и крестьян. Чиновники же — элемент не земский, а крестьяне будто бы по своему развитию не пригодны для земского дела. Я не разделяю этого мнения.

Я видел чиновников, севших на землю, которые составляют элемент для земства в высшей степени полезный, а земцев-крестьян, я думаю, хорошо знают все находящиеся здесь земские люди. Гораздо труднее, признаюсь, защищать правильность и логичность понижения полного ценза и одновременного автоматического понижения той доли ценза, которая дает право мелким избирателям участвовать в избирательных съездах. Мое личное мнение таково, что люди малосостоятельные, малокультурные будут принимать мало участия и в работах земства, а развитые крестьяне-собственники отлично поведут земское дело. Но я не отрицаю, что та категория собственников, владеющих от одной десятой до одной двадцатой ценза, которые получили бы впервые избирательные права, составляет среду довольно темную. В одной лишь Вольнской губернии число неграмотных в этой категории составляет около 50%, в остальных число их превышает половину, а в Могилевской достигает 70%. Таким образом, струя, которая вливается в избирательные съезды, струя некультурная и, конечно, понизит общий образовательный уровень и культурность мелких избирателей. Указывают еще на одну опасность — на то, что при таком положении уполномоченные задавили бы полупензников, так как, при полном цензе, число их составляло 45%, а при пониженном цензе достигнет, кажется, 60%. Но если существует такая опасность, то ведь ее легко устранить тем способом, который был указан членом Государственного совета Д. И. Пихно. Достаточно для этого, понизив земельный ценз вдвое, сохранить не менее 0,2 пониженного ценза или, что то же, 0,1 правительственного для права участия в избирательных съездах. Все приведенные данные доказывают, я думаю, что помимо польского элемента в Западном крае достаточно материала для того, чтобы создать совершенно работоспособное земство, по крайней мере, не менее работоспособное, чем в наших восточных земских губерниях. Тут кстати будет сказать несколько слов о предложении, которое было сделано в речи графа С. Ю. Витте, сводящемся к тому, чтобы в Западном крае применить не Положение 1890 г., а Положение 1864 г., что тем самым даст если не преобладающее, то почти равное значение крестьянству, то есть элементу русскому, православному, которому надо же, наконец, довериться. Таким образом, само собой, естественно, без всяких хитросплетений, без ограничения прав поляков, мы получим в Западном крае самостоятельное русское земство. Я думаю, что это не совсем так. Член Государственного совета А. С. Стишинский уже по этому вопросу дал некоторые объяснения, которые облегчают мою задачу. Я должен, так же, как и он, указать, что и по Положению 1864 г. существовали отдельные крестьянские курии, что по Положению 1890 г. крестьяне получают около одной трети голосов в земских собраниях, по Положению 1864 г. им было отведено около 40% голосов, но

в настоящее время крестьяне имеют еще возможность проникнуть в гласные через избирательные съезды в качестве мелких землевладельцев. Таким образом, число крестьян и по Положению 1864 г., и по Положению 1890 г. совершенно почти сходно. Тут разница, господа, совершенно в другом, как и было уже указано. По Положению 1864 г. крестьяне могли свободно избирать гласных, по Положению 1890 г. губернатор утверждает гласных, избранных крестьянским сходом. Однако вам, вероятно, всем известно, что ныне благополучно царствующий Государь Император в 1906 г. Указом от 5 октября сравнял в этом отношении крестьян с другими сословиями. Они имеют одинаковые выборные права с другими сословиями. Я сам горячий сторонник привлечения крестьянского сословия к земским работам, но нахожу, что никакого особенного преобладающего значения одному сословию перед другим, особенно сословию менее культурному, придавать нельзя. Мы ведь часто, господа, находимся во власти звуков, во власти исторических дат, которые применяются иногда огульно и неосторожно. Я повторяю, по Положению 1864 г. никаких особых преимуществ против существующего положения крестьянству дано не было, не была даже допущена для них свобода соревнования с классами более интеллигентными. Один раз в истории России был употреблен такой прием, и государственный расчет был построен на широких массах, без учета их культурности — при выборах в первую Государственную думу. Но карта эта, господа, была бита. Слушая красноречивые речи графа С. Ю. Витте и М. М. Ковалевского, я представлял себе не только всем известный образ развитого, сметливого хохла-малоросса, но я вспоминал хорошо мне ведомого, симпатичного, но темного еще крестьянина-белоруса или полешука, обитателя необозримого Полесья! И мне казались слишком ранними мечты о сопоставлении в будущем земском собрании добродушного белоруса-могилевца с тонким, политически воспитанным польским магнатом! Но, переходя от мечтаний к действительности, я возвращаюсь к указанию на то, что и помимо польского элемента для будущего земства существует в крае достаточно дееспособных элементов, но, чтобы еще их оживить, необходимо уничтожить те помехи, те препятствия, которые мешают сплочению низов русского населения. Одной из главных к тому помех является отсутствие в земских собраниях выборного духовенства. Конечно, один формально назначенный депутат от духовного сословия не может заменить выборного священника. Я, господа, не буду вам указывать тут на историческую роль, скажу даже — исторический подвиг русского духовенства на Западе. Я не буду указывать вам на его значение, скажем, в вопросе о народном просвещении в настоящее время. Но обратите внимание на бытовую сторону этого дела. Ведь никто не будет отрицать, что семьи русского духовенства иногда живут в крае

на одном месте в продолжение почти сотни лет, что они сроднились, срослись с местным простонародьем. Ведь ясно, что в будущих земских собраниях они явились бы спайкой между русскими полными цензовиками и гласными-крестьянами. Но оказывается, что такую выгодную для самоуправления обстановку государство должно игнорировать, не смеет на нее обращать внимания и должно с трафаретною мудростью переносить общее Положение, общий земский порядок из центра на окраину. Правительство, или скорее государство, должно забыть также, что существует одно лицо в земстве, национальность которого имеет преобладающее значение. Лицо это — председатель земской управы. Он не только обязан по закону наблюдать за работой земских управ, не только отвечать за коллегиальные ее постановления, но имеет преобладающее влияние на приглашение наемного персонала. Он является представителем земства перед правительством, он участвует в губернском земском собрании и в училищном совете. И, конечно, в губерниях Царства Польского в будущем и в русских губерниях в настоящем лицо польского происхождения с достоинством и честью носило бы это высокое звание. Но в настоящее время, пока, в Западном крае оно стихийно, оно, помимо себя, будет выразителем национальных вождедений. И преграду этому может поставить только государство. Нельзя вопрос этот ставить как вопрос доверия к той или другой группе лиц, группе гласных, группе избирателей: это вопрос, который находится вне сферы их суждений, к ним нельзя предъявлять таких требований — это вопрос государственного ограждения. Если считать, что всякий акт государственной необходимости есть акт недоверия, то таковым будет каждый фактор государственной жизни, начиная с какого-нибудь шлагбаума на рельсовом пути и кончая ограничениями, поставленными законом для выборов господ членов Государственного совета. Если возможно установить, чтобы половина членов губернской управы были русские, то государство вправе точно так же потребовать, чтобы из этой же половины были бы избираемы и председатели управ. И вот, при наличии таких условий, я полагаю, что вводимое земство будет и культурно, будет и работоспособно, будет государственно. Но еще более культурности, еще более работоспособности получится от введения в земское собрание до 16% польского культурного элемента, тогда как, как вам известно, польское население края не достигает и 4%. Впрочем, против цифр, кажется, не спорят. Говорят, что обидно и оскорбительно, что выборы гласных — поляков и русских — будут происходить по разным собраниям, в разных куриях. Соглашаясь на установление определенного числа гласных поляков и гласных русских, говорят: пусть русские выбирают и русских, и поляков, а пускай поляки выбирают и поляков, и русских, иначе будут выбраны представители крайнего национализма,

а не люди хозяйственные. Выбранные же в одном общем собрании гласные подадут друг другу руку на почве хозяйственной работы. Почему это так, я, сознаюсь, не понимаю. Потому ли, как я только что старался доказать, что в каждом деле в Западном крае привходит политика, потому ли, что необходимо собрание не политическое, чисто подготовительное, чисто техническое, обратиться непременно в собрание политическое? Разве, господа, вы верите, что в таком избирательном собрании польские избиратели будут расценивать только хозяйственные качества избирателя русского, а не будут судить о нем по степени симпатии его к польской культуре? Надо смотреть на вещи прямо. Почему же поляки в каждом собрании, в каждом учреждении группируются по национальностям? Да почему вот здесь, в Государственном совете или в Государственной думе, польские представители не разошлись по партиям, по фракциям, не присоединились к октябристам, к кадетам, к торгово-промышленникам, а образовали из себя сплоченное национальное коло? Да потому, господа, что они принадлежат к нации, скованной народным горем, сплоченной историческим несчастьем и давними честолюбивыми мечтами, потому что они принадлежат к нации, у которой одна политика — родина! И вот эти, скажу, высокие побуждения придали польскому населению большой политический закал. И этой закаленной группе вы хотите противопоставить массу, состоящую из недавних в крае землевладельцев и мелких собственников крестьянского облика. Эта масса бесхитростная, политически не воспитанная, и ее, не умеющую еще плавать, вы хотите бросить в море политической борьбы. Я уверен, что русские начала со временем восторжествовали бы, но к чему это новое испытание, не вызванное теперь борьбой народов, а лишь исканием и блужданием политической мысли? Говорят, что постыдно для Русского государства образование на русской окраине, на русской земле особых национальных инородческих политических групп или курий. Но вы забываете, что эти группы, эти курии не политические, что они подготовительные, что это мера отбора, мера ограничения. В записке своей, отпечатанной и разосланной всем членам Государственного совета, член Государственного совета князь А. Д. Оболенский делает ссылку на то, что образование курий было бы равносильно образованию в нашем войске особого польского полка или батальона. Его же примером я воспользуюсь! Князь, видимо, забыл, что при комплектовании войска для тех лиц, которые способны этого комплектования умеют обратить в свою пользу, существуют особые курии. Для татар, для евреев существует особый способ комплектования войска, особое жребиеметание, особое свидетельствование. Набирают их отдельно, а потом сражайтесь вместе! Такое обособление никем никогда не признавалось угрожающим, никто не видел еще в нем опасности возрождения израильского

царства в Вильне или татарского царства в Казани. Я думаю, что отмена этого ограничения вызвала бы, наоборот, много горьких слов христианских (не только русских, но и польских) матерей. Возвращаясь к общему вопросу, я нахожу, что совершенно недопустимо разногласие с Государственной думой в вопросе, в котором Дума поднялась до высокого понимания русского государственного начала. Я не хочу верить, чтобы русские и польские избиратели могли быть ввергнуты в совершенно ненужную и бесплодную политическую борьбу. Но пусть, господа, не будет другого, пусть из боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие прекрасного и богатого края, пусть не будет отложено и затем надолго забыто введение в крае земского самоуправления. Этого достичь легче, к этому идут, и если это будет достигнуто, то в многотрагедийную историю русского запада будет вписана еще одна страница — страница русского поражения. Придавлено, побеждено будет возрождающееся русское самосознание — и не на поле брани, не силою меча, а на ристалище мысли, гипнозом теории и силою... красивой фразы!

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910—1911 гг. Сессия шестая. Заседания 1—49 (15 октября 1910 г. — 28 мая 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. Стб. 800—866.

Инициатива внесения законопроекта о введении земства в Западном крае принадлежала депутатам — членам «Союзу 17 октября». Октябрьист Н. В. Савич узнал о приеме императором фракции националистов. Последние просили царя содействовать изменению системы выборов в Государственный совет от Западного края, который делегировал в верхнюю палату лишь представителей польского землевладения. Николай II благосклонно отнесся к пожеланию депутатов и обещал, что следующие выборы пройдут иначе. По мнению Савича, эта аудиенция не могла иметь место без ведома Столыпина, который таким образом готовил почву для будущих преобразований. В подтверждение этого вскоре в Думу было внесено предложение продлить полномочия членов Государственного совета от западных губерний, что давало бы правительству время для коррекции избирательного законодательства. Действительно, некоторое время спустя член верхней палаты Д. И. Пихно внес законодательное предположение об изменении порядка выборов в Государственный совет от Юго-Западных и Северо-Западных губерний. Желая перехватить инициативу, октябристы в значительной мере усилиями председателя комиссии по законодательным предположениям Н. И. Антонова провалили этот проект на самом раннем этапе его обсуждения. «Столыпин волновался и сердился: он понимал, что без помощи бюро (октябристов) законопроект будет провален в общем собрании Государственной думы,

а тогда автоматически наступит срок выборов в Государственный совет, причем обещание государя останется неисполненным». Он безуспешно убеждал октябристов пойти на уступки. Те, в свою очередь, напоминали Столыпину, что самый логичный путь по изменению избирательного законодательства в этом регионе предполагал учреждение земства. Столыпин против этого категорически возражал, считая, что в органах местного самоуправления Западного края будут неизбежно доминировать поляки, а сами земства станут орудием колонизации местного населения. В ответ на это бюро «Союза 17 октября» предложило организовать земские избирательные курии по национальному признаку, что исключило бы польскую гегемонию. Столыпин долгое время отказывался признавать эту идею, так как Россия до того момента не знала национальных курий. Однако прежде не были известны и сословные курии, — парировали октябристы. В итоге премьера удалось убедить пойти на столь решительные преобразования, сыгравшие драматическую роль и в судьбе самого П. А. Столыпина.

Соответствующий законопроект был внесен в Думу 20 января 1910 г. 1 июня он был одобрен нижней палатой. 11 марта 1911 г. Государственный совет отклонил законопроект.

Выступление в Государственном совете 1 апреля 1911 г. с ответом на запрос членов Государственного совета о неправомерном применении правительством статьи 87 Основных законов Российской империи

Господа члены Государственного совета! Из текста предъявленного мне запроса я усматриваю, что от меня требуется разъяснение, почему я представил на Высочайшее утверждение во время перерыва занятий законодательных учреждений, перерыва, к тому же созданного самим правительством, обширный закон, только что перед этим отклоненный Государственным советом. Я начну с того, что если в этом деянии правительства была бы найдена какая-либо незакономерность, какое-либо нарушение Основных законов, то ответственность за это всецело лежит на мне как на лице, представившем этот акт от имени Совета министров на утверждение Государя Императора и утаившем уклонение его от истинного смысла закона. Поэтому я не могу не чувствовать признательности к авторам запроса, которые взяли на себя инициативу в этом деле, инициативу, дающую мне возможность представить вам ответ. Причем, как бы ни был принят этот ответ, я прошу Государственный совет верить, что правительство в этом случае руководилось только государственной

необходимостью так, как оно ее понимало, а ничуть не чувством небрежения или неуважения к правам и к мнению того Высокого учреждения, перед которым я имею честь давать свои объяснения. Читая речи господ членов Государственного совета, я пришел к убеждению, что высказанные ими доводы могут быть разделены на три категории. Во-первых — доводы юридического свойства. Эти доводы в вопросе о незаконности имеют, по-моему, преобладающее и даже единственное значение. Затем идут замечания о создании прецедента и об оскорбительном, даже небрежительном отношении правительства к Верхней или даже к обоим палатам, против чего я в свое время буду самым решительным и энергичным образом возражать. И, наконец, указания по существу о том, что в данном деле не было тех признаков чрезвычайности, которые одни только могут обусловить, оправдать применение статьи 87 Основных законов. Решение вопроса о наличии чрезвычайных обстоятельств принадлежит не законодательным учреждениям и предметом их запросов быть не может. Они представляют предмет доклада Совета министров одному Монарху. Если я остановлюсь в дальнейшем изложении на этих обстоятельствах, то для того только, чтобы осветить внешнюю сторону прошедшего. Таким образом, на первом месте в данном деле стоит юридическая сторона. Я совершенно обойду формальную юридическую сторону, хотя я твердо убежден, что законодательные учреждения не вправе предъявлять запросов Совету министров, как учреждению, не подчиненному Правительствующему сенату. Тем более не вправе они этого делать по вопросам не управления, а по вопросам законодательства. Но переходя к внутренней юридической стороне, я готов для упрощения вопроса, для скорейшего выяснения самой сути разногласия сразу, с самого начала признать, что я во многом разделяю те принципы, которые высказаны были здесь господами членами Государственного совета во время прений о принятии запроса. Конечно, статья 86 Основных законов не может быть рассчитана на то, чтобы парализовать статью 87. Конечно, совершенно недопустимо введение в обычай перерыва сессий законодательных учреждений для того, чтобы признавать законы, только что отклоненные законодательными учреждениями, имеющими силу и святость законодательной нормы, хотя бы и временного характера. Конечно, статья 87 может быть применяема только в случаях чрезвычайных и исключительных. Основное разногласие между Государственным советом и правительством, если вчитаться в текст запроса, заключается в другом. Оно заключается в том, что Государственный совет считает неперменным, законным условием для применения статьи 87 возникновение чрезвычайных обстоятельств после роспуска или перерыва занятий законодательных учреждений. Правительство толкует эту статью иначе и считает, что чрезвычайные обстоятельства могут возникнуть

и до роспуска и вызвать роспуск или перерыв занятий законодательных учреждений с целью принятия чрезвычайных мер. Я нарочито так резко подчеркиваю это обстоятельство, так как оно имеет принципиальное значение. Я совершенно пока оставляю в стороне вопрос по существу, вопрос о целесообразности, вопрос о правильности или неправильности, ошибочности или даже злоупотреблении в оценке правительством чрезвычайных обстоятельств. Я в настоящую минуту стою на принципиальной теоретической стороне вопроса. Конечно, для правительства совершенно недопустимо не только нарушение законов, особенно Основных, но и обход их. Правительство должно уважать себя и требовать к себе уважения. Но превыше всего правительство должно ограждать прерогативы Короны и не допускать таких прецедентов, которые могут их в будущем умалить или уменьшить. Между тем данный вопрос — вопрос не новый, он создал целую литературу в Западной Европе. На Западе при каждом перерыве или роспуске палат для проведения какой-либо законодательной меры поднимались горячие споры, горячие прения как относительно существа, так и относительно закономерности принятой меры. Однако главное, я скажу, почти преобладающее течение в западной литературе выражается в учении тех юристов и ученых, для которых совершенно ясны и бесспорны следующие основные положения: во-первых, что Монарх вправе во всякое время прервать занятия законодательных учреждений, причем цель этого перерыва не подлежит никакому контролю и всякий перерыв открывает возможность, открывает право издания чрезвычайных законов. Этого мнения держится самый компетентный юрист в этой области, Шпигель. Это мнение служит основой для всех последующих работ таких ученых, как Глатцер, Нейгер, Жолгер, и целой плеяды германских и австрийских ученых. Это мнение проходит в большинство руководств, большинство юридических энциклопедий. Второе основное положение, которое тоже получило преобладающее значение на Западе, заключается в том, что обстоятельства, оправдывающие принятие чрезвычайных мер, подлежат свободной субъективной оценке одного правительства. Законодательные учреждения не могут входить в оценку этих обстоятельств, не выходя сами за пределы своих законных прав, поэтому заявление, сделанное в Государственном совете одним из господ членов Совета о том, что и оценка этих событий подлежит некоторому контролю законодательных учреждений, безусловно, противоречит как духу наших Основных законов, так и указной практике западноевропейских государств. Контроль законодательных учреждений эти исключительные меры подлежат лишь тогда, когда меры эти внесутся на уважение законодательных учреждений в определенный законом срок, по нашим законам — через два месяца. Тогда, конечно, законодательные учреждения могут отвергнуть принятые исключительные

меры даже без всякой мотивировки. По поводу моего второго основания, второго моего положения известный юрист Жолгер говорит: «Имеется ли налицо крайняя необходимость, есть *quaestio facti*, для ответа на которые нет правовых правил. Разрешение его есть результат субъективной оценки всей совокупности данных фактических отношений». Третье мое основное положение прямо относится уже до предмета запроса Государственного совета и заключается в том, что момент чрезвычайности может определиться и до, и после роспуска законодательных палат. Австрийский §14 в этом отношении, по своей конструкции, по своей редакции, мог бы вызвать гораздо больше сомнений, чем наша статья 87, но, однако, и австрийские юристы не решаются стать на точку зрения запроса Государственного совета. Цитированный мною уже известный юрист Шпигель говорит по этому поводу, что ни перерыв, ни роспуск палат не может быть сделан *in fraudem legis*, потому что речь идет о правах Монарха, в этом смысле полных. Не бывает хороших или дурных мотивов при пользовании этими правами Монархом; тут дело идет о политических целях. Далее: «Я думаю, что центр тяжести вопроса (о моменте, когда образовалась необходимость) — не в моменте, когда узнали, что мера будет нужна, сколько в том, когда фактически необходимость определилась. Решающим является не то, что мера была ранее не предвидена, а то, что далее она откладываться не может». Поэтому совершенно понятно, почему в Австрии и обструкция палат, и непринятие бюджета, то есть события, которые совершались во время занятий законодательных учреждений, служат поводом к роспуску палат и применению §14. Мне скажут, что я привожу только мнение австрийских ученых, ссылаясь только на австрийскую практику. Нет, господа, это не так. По поводу прав Короны издавать указы в случаях, когда чрезвычайные обстоятельства обнаруживались до роспуска палат и послужили поводом к роспуску, совершенно солидарно громадное большинство германских ученых, начиная Борнгаком, кончая Гельдом; с этим мнением согласен и известный ученый Глатцер. Но интересно, любопытно, господа, что история повторяется. В прусской палате, при пересмотре конституции 1848 г., вокруг §63, который соответствует нашей статье 87, возгорелись весьма интересные и даже поучительные прения. Докладчик по этому параграфу, некто Венцель, стал буквально на точку зрения запроса Государственного совета. Он даже предложил свою новую редакцию статьи 63, которая подчеркивала мнение, что если *после перерыва* занятий палаты окажутся какие-либо обстоятельства чрезвычайного значения, то для Короны открывается право к изданию чрезвычайных мер. Тут поднялись горячие, интересные прения. Венцель и сочувствующие ему депутаты, главным образом внесшие эту поправку Фубель и Гроддек, энергично отстаивали свою точку зрения и настаивали на том, что пра-

во Короны в отношении издания чрезвычайных указов должно быть сокращено, сужено. Но, господа, поправка эта была отвергнута как делающая право Короны по изданию чрезвычайных указов совершенно иллюзорным! Я обращаю внимание ваше, господа, на то, что те юристы и ученые, которые не разделяют этой моей точки зрения, а такие, конечно, имеются и, вероятно, будут тут цитированы, совершенно открыто, не скрываясь, стоят на точке зрения необходимости развития жизни страны в сторону парламентаризма и даже более, я скажу, — народоправства и народовластия; они говорят, что право Короны прерывать сессии законодательных учреждений с целью издания закона нарушает права народа. Вот, господа, теоретическая, научная сторона вопроса. Я не буду вам приводить ряд примеров из практики применения на Западе статей, однородных с нашей статьей 87, они бесчисленны. Всем известно, что в Австрии в течение целого ряда лет по §14 проводился и контингент новобранцев, и бюджет, но интересно, что в том же порядке проводились и более существенные законы, как, например, реформа контроля, реформа судебных пошлин и других налогов, введение австрийской кроны в Венгрии. Но я думаю, что интереснее заграничных примеров — наша русская жизнь, и наша непродолжительная практика все же дает указание на то, что она признает применение статьи 87 по обстоятельствам, возникшим до роспуска палат. Вспомните, господа, издание в этом порядке, порядке статьи 87, закона о штатах Министерства путей сообщения. Тут момент чрезвычайности возник с той минуты, когда Государственная дума приняла предложение, неприемлемое для правительства. Правительство тотчас же, впервые со времени учреждения Государственной думы, испросило разрешение Монарха прервать указом занятия Государственной думы и Государственного совета на Рождественские каникулы и в этот перерыв провело этот закон по статье 87. Но интересно, что немедленно после возобновления сессии палат конституционно-демократическая партия предъявила в Государственной думе правительству запрос, очень, по мотивировке своей, сходный с запросом Государственного совета и указывающий на то, что исключительные меры могут быть приняты, если к тому встретятся чрезвычайные обстоятельства в такое время, когда нет заседаний Государственной думы. Этот запрос в Государственной думе не был совершенно обсуждаем, так как он был взят обратно путем снятия своей подписи первым (членом Думы), подписавшим этот запрос. А первым подписавшимся оказался член конституционно-демократической партии господин Шингарев. Меньше года тому назад в этом же порядке проведен был другой закон, закон о содержании чрезвычайных пароходных рейсов в Черном и Средиземном морях. Тут чрезвычайные обстоятельства возникли во время заседания Государственной думы от 4 июня минувшего года, когда

Государственная дума отказала в том размере пособия, которое испрашивало правительство для русского общества пароходства и торговли, а так как известно было, что общество на такой размер пособия согласиться не может, то 1 июля пароходные рейсы в двух морях должны были прекратиться. Когда закон этот был внесен на обсуждение Государственного совета, здесь раздались голоса о том, что правительство обязано принять меры к тому, чтобы эти рейсы после 1 июля все же не прекращались. Таким образом, господа, еще несколько месяцев тому назад здесь существовало, если не преобладало, мнение, что правительство вправе принимать меры в чрезвычайном порядке по таким обстоятельствам, которые возникают во время заседаний, во время сессий государственных учреждений. Конечно, в данном случае чрезвычайные обстоятельства не могли возникнуть после перерыва сессий, так как Государственная дума была распущена 17 июня, а журнал Совета министров о принятии меры по статье 87 был подписан 18 июня, а в эти сутки ничего не произошло чрезвычайного. В то время события как раз пришлись перед естественным перерывом законодательных учреждений на летние каникулы, почему и не мог быть поднят вопрос об искусственном перерыве по этому важному и срочному делу. Из-за трений, из-за несогласий между палатами не могут во всяком случае страдать интересы страны. Законодательные учреждения обсуждают, голосуют, а действует и несет ответственность правительство, и от этой ответственности оно себя освободить не может, оно не может прикрыться буквой закона, а должно, по живописному выражению, которое тут было упомянуто членом Государственного совета Н. С. Таганцевым, «разуметь закон», то есть, конечно, ясный, прямой смысл закона, руководствуясь той могучей волей, которая в нем заключается. Что же дает нам сложившаяся практика? Да то же, что и теория. Существуют два мнения, два направления. Одно — сознательно или бессознательно склоняющееся к парламентаризму и преуменьшению прав Монарха в области издания чрезвычайных указов до призрачности; и другое — основанное на точном смысле закона, который предоставляет возможность Монарху использовать статью 87 тогда, когда чрезвычайные обстоятельства возникают до роспуска законодательных учреждений и вызывают этот роспуск. Отвергать это право — это создавать новый прецедент, могущий быть опасным, я думаю, в тяжелые, чрезвычайные минуты жизни страны. Отвергать это право — это преуменьшать права Короны в отношении издания указов до пределов, не знакомых ни одному из государств, в которых существует право издания чрезвычайных указов, подобное изложенному в нашей статье 87. Конечно, честное правительство сознательно навстречу этому идти не может. Я, господа, всегда был и буду открытым и сознательным противником нарушения прав, дарованных

нашим представительным учреждениям, но не историческая ли ошибка, господа, быть может, бессознательная, разоружать Монарха от присущего ему права в обстоятельствах чрезвычайных?

На этом я мог бы и закончить свой ответ, так как этим заканчивается предмет запроса о незакономерности, все же остальное в запросе имеет скорее природу вопроса, но я уже сказал в начале своей речи, что я не уклонюсь от ответа и на эти вопросы. Прежде всего, я выделю небольшой вопрос, вопрос о создании прецедента. Конечно, нелепо, я скажу даже — преступно, было бы вводить в обычный обиход управления страной статью 87. Но хладнокровно, спокойно рассуждая, мыслимо ли это, господа? Ведь статья 87 не дает правительству права и возможности законодательствовать вне всякого контроля законодательных учреждений. Всякая мера, принятая в порядке статьи 87, через два месяца должна быть представлена на обсуждение Государственной думы и затем пройти весь цикл нашего законодательного оборота. Говорят, что боятся принятия такого рода мер в летний перерыв. Правительство, однако, должно было бы быть уже слишком легкомысленным и неосмотрительным, чтобы искусственно создавать конфликты, проводя в жизнь страны такие мероприятия, которые для законодательных учреждений неприемлемы и которые должны вызвать разрушение их через несколько времени. Но основная гарантия, господа, не в этом. Государственная разумность принимаемых в этом порядке мер обеспечивается другим: обеспечивается она контролем Верховной власти. В государстве, которое управляется на монархических началах, более сильной, более существенной гарантии быть не может. Ею обеспечивается гораздо более опасная возможность, например, возможность объявления войны. Кроме вопроса о прецеденте я должен еще остановиться на заявлении некоторых из господ членов Государственного совета о том, что действиями правительства Государственный совет был поставлен в унижительное, оскорбительное положение, что отмена постановления Государственного совета путем применения статьи 87 поражает право Государственного совета свободно выражать свои мысли, что от Государственного совета теперь требуется беспрекословное, без прений, подчинение предначертаниям высших административных учреждений, что от Государственного совета требуется быть оплотом злой воли. (Я не помню этой фразы, она произнесена была членом Государственного совета, представителем губерний Царства Польского; фраза очень сложная, я ее записал — позвольте ее прочесть: «Быть оплотом мстительной злобы волевых импульсов Кабинета, знобящего лихорадкой безотчетного своеволия».) Едва ли, однако, господа, в действиях правительства можно усмотреть такой умысел, такую злую волю. Мне кажется, что главное недоразумение заключается в том, что мы недостаточно освоились еще

с новыми нашими законодательными нормами. Конечно, нельзя требовать от законодательных палат, чтобы они всегда были одинакового мнения с правительством, но надо помнить, что и роль правительства в настоящее время несколько видоизменилась. Правительство не является теперь исключительно высшим административным местом, ведущим текущие дела, ему присвоены теперь и другие задачи политического свойства. Ведь на правительстве лежит важная ответственная задача в исключительные минуты представлять Верховной власти о необходимости роспуска законодательных учреждений, о необходимости принятия чрезвычайной меры. И на Западе, на который так любят у нас ссылаться, никогда в таких случаях не указывается на какие-нибудь личные побуждения правительства. Я не буду приводить вам очень многочисленных примеров роспуска законодательных учреждений на Западе вследствие несогласия их с правительством, я укажу на один только исторический пример, исторический случай, когда первый министр, потерявший надежду провести через верхнюю палату закон, который уже прошел через нижнюю палату, вспомнил, что закон этот имеет природу указанного характера, и представил своему Государю о необходимости, не дожидаясь даже решения верхней палаты, провести эту меру путем королевского указа. Господа, это было не в Патагонии, это было в Англии и не так давно — в царствование королевы Виктории. Министр, проводивший эту меру, был не представитель грубого произвола, насилия и собственного самолюбия, это был либеральный Гладстон, а закон, который он провел таким образом, был билль об уничтожении продажи чинов, то есть мера менее принципиальная, чем закон о западном земстве. И в этом случае никто не обвинял Гладстона в оскорблении верхней палаты. Я привел этот пример не для сравнения теперешнего правительства или себя с великим государственным человеком, а для того, чтобы указать, что на Западе такого рода случаи понимаются не как побуждения личного свойства, а как побуждения, вызванные политической необходимостью, политическими целями. Правительство, которое имеет убеждение, имеет идеалы, не только верит в то, что делает, оно делает то, во что верит. Поэтому, господа, едва ли можно сетовать на правительство, когда и оно иногда несогласно с палатами в тех случаях, когда их политические цели расходятся. А меру, продиктованную чувством долга, едва ли правильно приписывать одному лишь злобствующему легкомыслию. Правительство, по крайней мере, сохраняя высокое уважение, которое оно питает к Государственному совету, не может признать, раз навсегда, что Совет безошибочен и что в нем не может завязаться мертвый узел, который развязан, в путях существующих законов, может быть только сверху. Хорош ли такой порядок, я не знаю, но думаю, что он иногда политически необходим, он иногда политически необходим, как

трахеотомия, когда больной задыхается и ему необходимо вставить в горло трубочку для дыхания. Он неизбежен при молодом народном представительстве, когда трения поглощают всю работу. Он, конечно, с поступательным ходом политической культуры исчезает, исчезнет и у нас. Применяться он должен крайне редко, и к нему надо относиться с крайней бережностью и осмотрительностью. Во всяком случае, с негодованием отвергая попрек в желании принизить наши законодательные учреждения, я перехожу к последнему вопросу, который, как я уже сказал, не подлежит разрешению законодательных учреждений, вопросу о том, какие же в данном деле возникли чрезвычайные обстоятельства, требовавшие исключительных мероприятий и вызвавшие издание временного закона. Я повторяю, что говорю об этом для того, чтобы установить внешнюю связь между событиями, промелькнувшими перед вашими глазами. Я буду откровенен и прошу вас, господа, не принять в дурную сторону эту мою дань уважения к Государственному совету. Я вас прошу еще об одном: откажитесь, по крайней мере, пока не выслушали моих объяснений, от предвзятого мнения, что, повергая эту меру перед Верховной властью, правительство желало свою волю, свое мнение поставить выше воли и мнения законодательных учреждений и, в частности, Государственного совета. Если бы это было так, то правительство остановилось бы на своей редакции, первоначальной редакции закона. Но правительство предпочло ту редакцию, в которой этот закон впервые поступил на ваше рассмотрение. Хотя правительство и считало, что в этом законе существуют подробности, которые должны быть исправлены, но рассчитывало исправить их путем поправок во время обычного прохождения дела через законодательные учреждения. Допустите, господа, также возможность того, что правительство одушевлено, одухотворено такими мыслями, такими началами, которые, одобренные Государем, стали единственным двигателем того труда, который оно несет. Это начало настойчивого, неторопливого преобразования не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности, а над этим, сверх этого, твердая, сильная русская политическая струя. Вот двигатель. Разбейте его — остановится работа. Мы работали, не могу сказать — в обстоятельствах благоприятных. Вспомните, с какими трениями, каким колеблющимся большинством проходил закон 9 ноября 1906 г. Вспомните судьбу целого ряда законопроектов, вспомните отношение совершенно искреннее, но отрицательное отношение к ним Государственного совета. Казалось, в таких условиях преобразовательные начинания правительства не могли иметь успеха. Но мы продолжали работать, веря в конечный плодотворный перемол наших трудов; мы понимали, что законы, которые поступают сюда из Государственной думы, требуют иногда коренной переработки, требуют крупного

исправления, но мы надеялись, мы искали равнодействующую... Работа шла, пока в коренном, основном вопросе русской жизни не был, наконец, сломлен двигатель, двигатель правительственной работы. Я говорю об основном русском начале нашей внутренней политики. Я знаю, господа, что вы думаете об этом иначе, что вы в ином видите осуществление русских идеалов. Но именно разногласие с правительственной внутренней национальной политикой, которая получает одобрение и указание не в собственном, не в своем вдохновении, составляет событие не каждодневное, тем более что эта политика не узконационалистическая, не партийная, основанная на общем чувстве людей самых разнообразных политических убеждений, но однородно понимающих прошлое и будущее России. Вы сказали свое мнение, должны были его сказать откровенно, но признание правоты вашей точки зрения в вопросе о западном земстве, о национальных куриях означало не только отклонение очередного законопроекта, а знаменовало крушение целого мира понятий. Я не знаю, ясно ли я выражаю свою мысль. Я не хочу говорить о существовании отвергнутого законопроекта. Я не говорю о существовании нашего разномыслия, я говорю только о последствиях вашего вотума. Я всегда откровенно заявлял, что считаю польскую культуру ценным вкладом в общую сокровищницу совершенствований человечества. Но я знаю, что эта культура на Западе веками вела борьбу с другой культурой, более мне близкой, более мне дорогой — с культурой русской. Я знаю, что конец мечты о западном земстве — это печальный звон об отказе С.-Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России русской. Я знаю, что весть об этом оглушила многих и многих, всех тех, в ком вселилась уверенность, что это дело пройдет после того, как оно собрало большинство в Государственной думе и в Комиссии Государственного совета, после того, как мысль о нем взята под Высокую защиту. Я знаю больше, господа, я знаю, что ваша возобладавшая мысль и мнение правительства в этом вопросе — это два мира, два различных понимания государства и государственности. Для обширного края это может быть поворот в его исторической судьбе, для России — это, быть может, предрешение ее национального будущего. Закон — показатель, закон — носитель, быть может, ложных с вашей точки зрения, ошибочных русских надежд и русских преданий — был похоронен навсегда, и здесь, в Государственном совете, на него надвинута была тяжелая могильная плита. Мысль правительства, идеалы правительства были надломлены. Больше бороться было незачем. Рассчитывать на инициативу Государственной думы — иллюзия! Ведь в ваших глазах это были бы слова, пустое заклинание, которому не воскресить мертвого законопроекта. Ведь надо не уважать Государственный совет, чтобы думать, что он без особо высоких побуждений через каждые

два — три месяца будет менять свое мнение, свое решение. Таким образом, силою вещей постепенно, незаметно Россия была подведена к поворотному пункту в ее внутренней национальной политике. Обыденное это явление или обстоятельство чрезвычайное — каждый, конечно, решит по своему внутреннему убеждению. Но разрешить этот вопрос для России призваны, господа, не вы и не мы! Колебаниям был положен конец, и закон был проведен в порядке статьи 87. Обнародованный в этом порядке закон был опубликован Правительствующим сенатом, который один по статье 2 своего Учреждения мог признать его издание нарушающим наши Основные законы. Мне весьма больно, если действия правительства признаются Государственным советом для себя оскорбительными, но в сознании своей ответственности, тяжелой ответственности, правительство должно было перешагнуть и через это. То же чувство ответственности побуждает меня заявить вам, господа, что толкование статьи 87, приведенное в запросе Государственного совета, правительство почитает неправильным и неприемлемым. Наличие же чрезвычайных обстоятельств в этом деле, которую правительство не ставит на суд законодательных учреждений и о которой оно говорило лишь в ответ на заданный вопрос, правительство видит в опасности создания безвыходного для России положения в деле проведения жизненных, необходимых для России законов с одновременным поворотом нашей внутренней политики далеко в сторону от русского национального пути.

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910—1911 гг. Сессия шестая. Заседания 1—49 (15 октября 1910 г. — 28 мая 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. Стб. 1781—1795.

П. А. Столыпин отвечал на запрос членов Государственного совета, посвященный принятию закона о земстве в Западном крае в порядке чрезвычайно-указного права. Учреждавшееся земство должно было заметно отличаться от общероссийского. Предполагалась снизить избирательный ценз, отказаться от сословного принципа при формировании земских собраний и, главное, учредить национальные курии при избрании земских гласных — польскую и русскую, что должно было исключить численное преобладание польских помещиков в органах местного самоуправления.

1 июня 1910 г. законопроект был со значительными поправками одобрен Государственной думой. Большинство верхней палаты было настроено резко отрицательно по отношению к этому законопроекту еще на ранних стадиях его обсуждения. 3 ноября 1910 г. комиссия Государственного совета предлагала отложить обсуждение законопроекта, так как он противоречил идее, положенной в основу всей системы местного самоуправления, согласно которой «избирательная система должна быть

так построена, чтобы она давала возможность притягивать к земскому делу наиболее культурные слои местного населения». На заседании Группы правых Государственного совета 15 ноября 1911 г. было принято решение голосовать против проектировавшегося низкого избирательного ценза при формировании земских собраний.

Общее собрание Государственного совета приступило к обсуждению законопроекта 28 января 1911 г. И Академическая группа, и Группа центра, и правые с разных точек зрения критиковали эту правительственную инициативу. Левому крылу верхней палаты законопроект представлялся ярким проявлением националистического курса правительства, так как он ущемлял права подданных Российской империи в соответствии с их национальной принадлежностью. Для членов Группы правых проект был неприемлем, так как земство в Западном крае, преимущественно формировавшееся крестьянством, в скором времени могло стать прообразом органов местного самоуправления и во всей России. С их точки зрения, задуманная реформа угрожала и благополучию дворянского землевладения, и работоспособности земских учреждений. 1 февраля 1911 г. член Группы правых И. А. Зиновьев утверждал: «Если будет ценз понижен и преобладание в земстве будет предоставлено мелким землевладельцам, оно послужит к тому, что крупные и средние землевладельцы будут решительно подавлены. По отзывам некоторых землевладельцев, в особенности Минской губернии, им останется тогда только бежать из губернии».

4 февраля 1911 г. законопроект был принят в первом чтении. 4 марта предстояло его постатейное обсуждение. В этой связи 11 февраля император беседовал с депутацией юго-западных губерний, которая ходатайствовало о скорейшем введении земства в их крае. 14 февраля император принял председателя Государственного совета М. Г. Акимова и передал ему просьбу общественности Правобережной Украины.

М. Г. Акимов, в свою очередь, сообщил лидеру правых П. Н. Дурново, что император настаивал на скорейшем утверждении законопроекта. Дурново долго не решался сообщить об этом членам объединения. Когда же он передал им свой разговор с Акимовым, большинство Группы правых выступили против каких-либо уступок правительству. «Многие указывали, что если иногда до сведения правых, как оплота традиционных основ и исконных начал, и доводились желания высших кругов, то это обыкновенно делалось более или менее близким и влиятельным лицом и потому носило частный характер. В той же форме, в какой это сделано теперь, можно усмотреть приказ». П. Н. Дурново предложил членам своей группы голосовать против национальных курий. По его мнению, это должно было способствовать отклонению всего законопроекта. Правые составили письмо, в котором объяснялась причина неприятия

предложенного к утверждению законопроекта. Его должен был доложить императору М. Г. Акимов. Однако он этого не сделал.

Инициативу взял на себя один из руководителей Группы правых В.Ф. Трепов, которому удалось получить аудиенцию у императора. Во время этой встречи Трепов убедил Николая II, что делегация Западного края, ходатайствовавшая об утверждении законопроекта, была искусственно составлена П. А. Столыпиным, чтобы дезинформировать царя о настроениях местного населения. По словам Трепова, группа лиц, представлявшихся императору, была избрана и инструктирована членом Государственного совета Д. И. Пихно, который впоследствии сам в этом признался. В ответ на это император рекомендовал членам верхней палаты голосовать «по совести», что фактически обозначало его согласие на отклонение законопроекта. Граф А. А. Бобринский записал в своем дневнике: «Рассказывают, что царь поручил Акимову просить правых голосовать за земство в западных губерниях, а потом уполномочил Владимира Трепова освободить правых от этой обязанности». В Совете министров об этих переговорах ничего не знали и рассчитывали на положительный исход дела. Шурин П. А. Столыпина, лидер так называемого правого центра А. Б. Нейгардт перед голосованием заявлял, что в худшем случае статья о национальных куриях пройдет большинством в 8 голосов.

Однако 4 марта 1911 г. она была отклонена 92 голосами (в том числе и 29 правых) против 69.

5 марта 1911 г. П. А. Столыпин подал в отставку. 5–9 марта 1911 г. среди депутатов, членов Государственного совета, представителей высшей бюрократии господствовало убеждение, что отставка П. А. Столыпина будет принята в самом скором времени. Основными кандидатами на пост премьер-министра считались А. В. Кривошеин и В. Н. Коковцов, причем последний считался наиболее вероятным преемником Столыпина. Сам Столыпин писал: «Теперь два выхода: или реакционный кабинет, или бюрократический под знаменем продолжения прежней политики. По-видимому, избирается второй путь и будет назначен Коковцов — Кривошеин продержался бы дольше».

9 марта 1911 г. император под давлением императрицы Марии Федоровны, великих князей Александра Михайловича, Сергея Михайловича, принца Петра Ольденбургского отклонил отставку премьера. П. А. Столыпин обусловил свое согласие продолжать работу в качестве председателя Совета министров выполнением ряда требований. Во-первых, законопроект о введении земства в Западном крае должен был быть утвержден в порядке чрезвычайного-указного права. Во-вторых, лидеры правой группы, П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов, должны были быть отправлены в принудительный отпуск, а 1 января 1912 г. их следовало исключить из числа назначенных к присутствию в Государственном совете. И, наконец,

Столыпин должен был получить право в начале следующего года заменить 30 членов Государственного совета по назначению лицами по своему выбору. По словам С. И. Шидловского, Столыпин также попросил императора «для памяти написать условия», т.е. фактически дать письменную гарантию выполнения своих обещаний.

11 марта император принял требования Столыпина и отправил в «отпуск» Дурново и Трепова. В тот же день верхняя палата отклонила законопроект о земстве в Западном крае 134 голосами против 23. 12 марта был опубликован Высочайший указ о перерыве сессии Думы и Государственного совета до 15 марта 1911 г. 13 марта 1911 г. П. А. Столыпин принял делегации фракции октябристов в составе Ю. Н. Глебова, П. В. Каменского и М. В. Родзянко. Они убеждали главу правительства оставаться в рамках законности и не прибегать к чрезвычайным мерам. Отвечая на вопросы депутатов, премьер-министр заметил: «Я, господа, убежденный конституционалист и искренне желаю проведения необходимых реформ. Но в жизни государства бывают такие моменты, когда приходится прибегать к особо экстренным мерам, даже с уступкой собственным убеждениям».

14 марта законопроект о введении земства в Западном крае был утвержден в порядке чрезвычайного-указного права в соответствии со ст. 87 Основных государственных законов.

Выступление в Государственной думе 27 апреля 1911 г. с ответом на запрос Государственной думы о неправомерном применении правительством статьи 87 Основных законов Российской империи

Господа члены Государственной думы! Время, протекшее со времени внесения в Государственную думу запроса о незаконном применении правительством статьи 87 Основных законов, закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной бесспорности. Моя задача — противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере. Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слушателями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется

считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится отвечать Государственной думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету как стороне, наиболее заинтересованной в этом деле. А так как доводы правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторять и бесполезно. Повторения эти будут касаться главным образом формальной стороны дела, несмотря на то, что я огораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться как на установленный факт на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения статьи 87, значение которой определяет права Короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента. Какие же формальные права присущи нашим законодательным учреждениям? Государственная дума, так же, как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции. Все возражения по этому поводу основаны, по моему мнению, на смешении двух понятий, двух моментов: права палат после того, как закон уже внесен в законодательные учреждения, и права палат предварительно контролировать формальную закономерность правительственного акта до этого. Первое право — право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов — совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический нонсенс. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса; им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о незаконности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности, и момента целесообразности принадлежит во всяком случае не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему сенату, который не имеет права опубликовать или обнародовать незаконный, неправомерный акт. Точно так же законодательные

учреждения вправе запрашивать и председателя Совета министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о незакономерных их действиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о незакономерных действиях Совета министров как учреждения, а именно по изданию правил 24 августа 1909 г., я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права. Предъявленный в настоящее время Государственной думой запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Государственного совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу запроса Совета. Но довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух — трех словах придется коснуться и его. Я подразумеваю опорочение права Верховной власти применять статью 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указанному праву во время перерыва занятий палат, вызванного действиями самих палат. Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет. Чтобы покончить с формальной стороной вопроса, я отмечу еще по поводу указного права как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если вы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее столетие в порядке § 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были в конце концов приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т.д. То, что пытаются представить у нас нарушением законов, незакономерностью, и в Пруссии, и в Австрии никогда не признавалось нарушением конституции. Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий правительства: возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других? Конечно, наивно было бы со стороны правительства объяснять это непременно желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже; чтобы исчерпать вопросы до дна, надо обратиться к ним, и я попы-

таюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но, ввиду только что высказанных мною соображений, я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на статью 58 Учреждения Государственной думы, а на статью 40 и просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое, согласно этой статье 40, будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело; Государственная дума имеет дело с событиями длящимися, с жизнью страны, а жизненные явления требуют объяснения. В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между мыслью, заложенной в основании запроса Государственной думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызывает и не вызовет между нами разногласий. Правительство точно так же, как и Дума, понимает и признает применимость статьи 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями. «Gouverner — c'est prevoir», — говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами — Государственной думой и Государственным советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собой различны, то люди, искушенные опытом, находили, находят и теперь, что правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большому, но она не приводит и к конфликтам. Очевидно во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения — в оценке и сопоставлении психологии Государственного совета, Государственной думы и правительства, а в правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Государственной думой. Психологию Государственного совета предвидеть было не трудно. Законопроекту правительства, внесенному в Государственный совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от Государственного совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактом, Государственный совет должен был

увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами — началом административным и началом законодательным, а в действиях правительства усмотрел лишь ущерб, нанесенный второму началу, законодательному, высшей правящей бюрократией. Психология Государственной думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь и не буду впредь касаться личных против меня нападков, личных выпадов; я остановлюсь на более существенной аргументации: правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, собственному произволу (*голос слева: «верно»*), и для того, чтобы легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Государственную думу (*голос слева: «правильно»; голоса справа: «тише»*); поэтому отношение правительства к Государственной думе понималось тут как яркая провокация или, как оратор Государственной думы более мягко выражался, как вызов. А так как закон был опубликован в думской редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Государственной думы с целью посорить ее с Государственным советом, с целью уронить авторитет Государственной думы и воскресить эру административного засилья. (*Шум слева; звонок председателя.*) Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек в крайнем искажении смысла статьи 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Государственной думы. Мне, конечно, придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался; попрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, господа, нет ли тут недоразумения? Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса; наоборот, если в Указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Государственный совет и нарушена была бы статья 87 Основных законов. Конечно, несомненно, с введением в западной России земства отпадает статья 5 этих правил, но не Указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем. Само собой, что полномочия нынешних членов Государственного совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выбора, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке статьи 87. Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений господ членов Государственной думы ясно, что корень вопроса, то есть отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматри-

вался Думой как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в наружном, быющем, бросающемся в глаза действии правительства, то есть в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель, и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении статьи 87 как в доказательстве возвращения к худшему, что ли, из абсолютизмов — к абсолютизму зарвавшихся чиновников. (*Голоса слева: «верно».*) Правительство, со своей стороны, видело корень вопроса в исключительности политического момента и статью 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения. Чтобы понять не только действия, но и побуждения правительства, надо исходить из предположения, что политические обстоятельства сложились не совсем обыденным образом. Припомним же, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд; внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате — царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах. Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме или в излишней реакционности. Я рисую положение так, как оно есть; я хотел бы правдиво изобразить вам те необычные условия, в которых приходилось действовать правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопроекты, правительство все же должно было дать себе отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы. Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидеть света. Или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной воли, имеет право и обязано вести определенную яркую политику? Должно ли правительство при постепенном усовершенствовании представительных учреждений параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности? Наконец, вправе ли правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу? И, конечно, господа, правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия!

Причина этому не самолюбие правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если только придавать ему крупное значение, если учитывать тот волшебный круг, в который попало наше законодательство, правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный из него выход. Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела (*Булат, с места: «отставка»; голоса справа: «тише, тише»*), дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Государственную думу и было отвергнуто Государственным советом? Конечно, первый, самый естественный и законный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение законодательных учреждений. Многие говорят: если бы правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Государственной думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это, господа, не так, это было бы актом самобмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жестокая, что ваши полномочия, полномочия Третьей думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Государственного совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов — достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрением. (*Голоса в правом центре: «браво».*) Но, говорят, в таком случае был другой, законный способ — это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений. (*Голоса слева: «верно».*) Но роспуск палат из-за несогласия с верховной палатой, которая является, главным образом, представительством интересов, а не представительством населения, в которой только половина членов выборных (*смех и шум слева; звонок председателя*), лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход — статья 87. Я уже говорил, господа, что правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, понимая вопрос именно так и зная, что законодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством — правом полного отклонения временного закона, правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по статье 87, по существу своему для Государственной думы приемлем. Внесение в Государственную думу на проверку закона, явно для Государственной думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по статье 87, с за-

конопроектом, прошедшим через Государственную думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведения по статье 87 закона, отвергнутого верхней палатой в порядке статьи 86. Но, господа, то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах. Я не буду касаться мелких законов, я напомину вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ни для кого не тайна, что Государственная дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у Государа Императора восстановление существующего закона (*Миллюков, с места: «что такое? Это безобразия»*) в порядке статьи 87. (*Смех и шум слева.*) Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной думы последовало не перед естественным перерывом, то перед правительством во весь рост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. (*В правом центре рукоплескания и голоса: «браво»; шиканье слева; звонок председателя.*) Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожать более полутора тысяч существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. (*Шум слева.*) И в этом случае Государственная дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама прикровенно наводит, толкает правительство на применение статьи 87! Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного (*Миллюков, с места: «хорош»*), но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, «вызов», но уже со стороны Государственной думы по отношению правительства, а правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого «искусственного предложения». Взвинтить на ненужную высоту (*голос слева: «на веревку»*) возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это? Конечно, статья 87 — средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собой, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодающему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утоление духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести

западных губерний? Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти шесть губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот вопрос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожаи — вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России. Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускло и ослабевало! И если обернуться назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырисовываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствования Екатерины Великой и Александра III. Но лишь в царствование Императора Николая II вера в народ воплотилась в призывание его к решению народных дел; и, может быть, господа, с политической точки зрения, не было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал. *(В правом центре рукоплескания и голоса: «браво».)* Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейского населения путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем, в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предположения оградить права русского населения в шести западных губерниях. Не без трепета, господа, вносило правительство впервые этот законопроект в Государственную думу: восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл; брошены были семена новых русских политических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост. Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые побеги,

новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или их не разгладившими, или их убоявшимися. (*Возглас слева: «ох!».*) Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два исхода. Первый путь — уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Государственную думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь, зная, что это блестящая, но показная демонстрация. Второй путь — принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры. (*В правом центре рукоплескания и голоса: «браво».*) Первый путь — это ровная дорога и шествие по ней почти торжественное под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае не приводящая никуда... Второй путь — путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы — в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, и эта ответственность — величайшее счастье моей жизни. (*Голоса в правом центре: «браво».*) И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям уже предreshено, как бы придирчиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. (*В правом центре рукоплескания и голоса: «браво»; смех в левом центре и слева; голоса слева: «защитники народного представительства».*) Патриотический порыв Государственной думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти. (*В правом центре рукоплескания и голоса: «браво»; шиканье слева.*)

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть III. Заседания 74—113 (с 7 марта по 13 мая 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. Стб. 2850—2863.

Решение П. А. Столыпина провести законопроект о земстве в Западном крае в порядке чрезвычайно-указного права вызвало неприятие у думского большинства. Многие члены думской фракции октябристов,

голосовавшие за национальные курии в земствах Западного края, сочувственно отнеслись к решению верхней палаты отклонить законопроект. «Я в восторге, — говорил Н. А. Хомяков. — Голосование Совета имеет большое политическое и моральное значение. А по существу уж и говорить нечего. Курии — бессмыслица». Схожим образом высказывался и М. А. Искрицкий: «Многие из нас примут это известие с большим удовлетворением. Мы голосовали за курии по нужде, желая во что бы то ни стало дать Северо-Западному краю земство. А в то время курии были непременным условием. Теперь, когда закон придет в Думу, я уверен, что очень многие из нас будут голосовать за редакцию Государственного совета». В подтверждении этих слов Н. Н. Опочинин, в недавнем прошлом сторонник национальных курий, заявлял: «Я буду голосовать за редакцию Государственного совета. Я с местными условиями не знаком. Раз большинство признает, что курии не нужны для охраны русских интересов, я не вижу оснований вводить их».

И все же вопреки уговорам депутатов, правительство прибегло к ст. 87 Основных законов. В этой связи среди депутатов обсуждалось возможное сложение депутатских полномочий большинством членов нижней палаты. 15 марта Председатель Государственной думы А. И. Гучков в знак протеста против злоупотребления чрезвычайно-указным правом подал в отставку. Среди октябристов ходили слухи, что Столыпин прибегнул к столь решительной мере по инициативе лидера русской национальной фракции П. Н. Балашева, который отстаивал интересы националистов — выходцев из западных губерний. По сведениям, имевшимся в «Союзе 17 октября», они были заинтересованы в учреждении земств потому, что в противном случае опасались утратить инициативу на местах и не пройти в следующую Государственную думу. «Без земства же они в нее (в Думу) не попадут. Все это и указывает, “где зарыта собака”».

Желая официально обозначить свою позицию, 15 марта 1911 г. Дума предъявила запрос П. А. Столыпину о правомерности использования в данном случае ст. 87 Основных государственных законов.

П. А. Столыпин
и его современники

П. А. Столыпин в рабочем кабинете

**Петр Аркадьевич Столыпин
(1862—1911)**

Родился в семье представителя старинного дворянского рода Столыпиных, генерал-адъютанта, героя обороны Севастополя в Крымской войне А. Д. Столыпина и его жены, урожденной княжны Горчаковой. Детство провел в сохранившейся до наших дней усадьбе Середниково под Москвой. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на государственную службу в Министерство внутренних дел, затем работал в Министерстве государственных имуществ. В 1889 г. оставил государственную службу, переехал с семьей в литовское имение Колноберже и вскоре был избран Ковенским (современный Каунас) уездным предводителем дворянства. Затем был избран Ковенским губернским предводителем дворянства, в 1902 г. — назначен Гродненским губернатором, а в 1903 г. — губернатором Саратовской губернии. 26 апреля 1906 г. был назначен Министром внутренних дел, а 9 июля 1906 г. — председателем Совета министров с сохранением должности Министра внутренних дел. Был убежденным сторонником налаживания сотрудничества между правительством и Государственной думой в деле преобразования России. 1 сентября 1911 г. был смертельно ранен в Киевском оперном театре Д. Богровым, который был связан с леворадикальными революционными группами и одновременно был осведомителем Киевского охранного отделения. Умер 5 сентября 1911 г., похоронен в г. Киеве.

П. А. Столыпин

Став председателем Совета министров, П. А. Столыпин приступил к реализации программы системных реформ. Большое внимание премьер уделял таким вопросам, как аграрная реформа, реформа местного самоуправления, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, реформа социального законодательства (в годы столыпинского премьерства были приняты законы об обеспечении рабочих на случаи болезни и о страховании их от несчастных случаев).

В годы премьерства Столыпина интенсивно развивалась система правового регулирования экономики. При нем разрабатывались проекты правил и положений о биржевом суде, о съездах представителей промышленности и торговли. Столыпин инициировал одобренный уже после его смерти закон о государственном подоходном налоге, а при его жизни вступил в действие закон о государственном налоге с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках, за исключением посадов губерний Царства Польского.

Столыпин ратовал за проведение активной переселенческой политики, и его правительство оказывало практическое содействие добровольному переселению крестьян из перенаселенных центральных губерний в малонаселенные земли за Уралом с целью дальнейшего освоения Сибири и Дальнего Востока. Много усилий предпринимал Столыпин для проведения через Государственную думу и Государственный совет закона о финансировании Амурской железной дороги.

В планы Столыпина входили такие крупные преобразования, как судебная реформа, военная реформа, введение всеобщего начального обучения.

Уделяя первостепенное внимание внутреннему развитию России, Столыпин не оставлял без своего внимания и сферу внешней политики. Он был убежден, что Россия не должна позволять вовлекать себя в международные конфликты, ведущие к ее ослаблению.

Столыпин среди депутатов Государственной думы

П. А. Столыпин

П. А. Столыпин входил в весьма немногочисленную группу представителей правящих кругов России, которые под влиянием революционных потрясений 1905 г. убедились в том, что самодержавный строй должен видоизмениться и включить в себя такой новый элемент, как общенациональные законодательные и представительные органы в лице Государственной думы и Государственного совета. В то время как большинство непреклонных сторонников самодержавной формы правления категорически отвергали представительный строй, Столыпин, будучи сам убежденным монархистом, пришел к осознанию того, что в России монархия может выжить только в том случае, если будет осуществляться взаимодействие между царем, правительством, Государственной думой и Государственным советом в осуществлении общегосударственной политики. И уже тогда, когда он был назначен Министром внутренних дел, Столыпин начал последовательный курс на установление рабочих отношений между правительством и народным представительством.

Правда, столкнувшись с непримиримой оппозицией правительственному курсу со стороны большинства депутатов Первой и Второй Государственных дум, именно Столыпин убедил императора Николая II в принятии решений об их роспуске. К тому же он неоднократно прибегал к применению статьи 87 Основных законов, предусматривающей возможность принятия правительством временных мер законодательного характера в период перерыва в работе Государственной думы и Государственного совета. Но тот же Столыпин был первым государственным деятелем в истории России, который постоянно работал с депутатами, фракциями, руководством Государственной думы, в открытой полемике отстаивал правительственные инициативы и стремился к поискам возможных компромиссов между правительством и законодательным органом. Тем самым П. А. Столыпин внес весомый вклад в становление и развитие российского парламентаризма.

П. А. Столыпин

Из воспоминаний С. Е. Крыжановского:

«Находчивость и остроумие, способность к высокому порыву, горячие, дышавшие искренностью речи, умение красиво держаться на политических подмостках, пустить крылатое словечко — все это было новинкой в русском государственном обиходе, все это влекло к себе сердца. Прекрасные внешние данные, рост, лихой вид, несомненное и всем очевидное бесстрашие в связи с обходительностью, простотой и умением обращаться с людьми всяких положений довершало обаяние.

...Важным качеством Петра Аркадьевича было и умение обращаться с народным представительством. Проведя много лет на местной службе и присмотревшись к дворянской и земской среде, Столыпин принес с собой опыт и знание психологии общественных собраний, которого не было в то время у других министров. Он любил бурные прения и любил Думу как ристалище для красноречия, в котором он чувствовал себя сильным, и как подмости для впечатления на общество. В этом была его главная сила, и в этом смысле он был несомненным и верным другом обновленного строя».

Из воспоминаний А. П. Извольского:

«Портрет этого замечательного человека... был бы неполон, если бы я не отметил его чудесный ораторский дар. В его первом обращении к Думе он показал себя оратором исключительного дарования. Я употребляю слово “показал”, потому что до того времени никто не знал о его ораторском таланте, и, по всей видимости, он сам не знал о том, что обладает таким талантом, ведь до образования Думы в России не было учреждения, в котором можно было бы обнаружить свои ораторские способности».

Из воспоминаний В. В. Шульгина:

«Был ли он красив? Пожалуй. Я бы сказал, что Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушительен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства. Голос его не был колокольным басом Родзянко, но говорил он достаточно громко, без напряжения. ...Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это подходило к человеку, который, если не “сел на царский трон”, то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом, в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор».

**Николай II
(1868—1918)**

Император, последний российский самодержец, правил с 1894 по 1917 гг. 17 октября 1905 г. подписал Манифест, даровавший населению Российской империи гражданские свободы, расширивший избирательные права и учредивший выборную законодательную Государственную думу. Изначально пытался наладить сотрудничество с Государственной думой, но уже через некоторое время разуверился в возможности такого сотрудничества. Своими указами в 1906 и в 1907 г. распустил Первую и Вторую Государственные думы. 9 февраля 1916 г. в первый и последний раз посетил Государственную думу. После начала Февральской революции 2 марта 1917 г. отрекся от престола. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. вместе с семьей был расстрелян по приговору большевистских властей в г. Екатеринбург.

Император Николай II

В годы революции 1905—1906 гг. император Николай II обратил внимание на молодого, энергичного губернатора Саратовской области П. А. Столыпина, который не только решительно подавлял революционные выступления во вверенной ему губернии, но и в своих отчетах царю энергично выдвигал конкретные предложения по решению аграрного вопроса в России. 26 апреля 1906 г., за день до открытия Первой Государственной думы, император назначил Столыпина Министром внутренних дел в правительстве И. Л. Горемыкина. В глазах Николая II Столыпин проявил себя человеком, преданно служившим Царю и Отечеству, твердым руководителем, умело проводящим правительственную линию в только что учрежденной Государственной думе. В своем дневнике Николай II отметил: «Принял Столыпина; от первых шагов его получил самое лучшее впечатление».

Летом 1906 г. Николай II во многом с подачи Столыпина распустил Первую Государственную думу, в которой тон задавали левые и леволиберальные силы, отвергавшие какое-либо сотрудничество с царским правительством. Одновременно император отправил в отставку премьера И. Л. Горемыкина и назначил на его место Столыпина с оставлением за ним поста Министра внутренних дел.

В первое время Николай II недвусмысленно поддерживал курс Столыпина на борьбу с экстремистскими выступлениями, осуществление аграрной реформы и ряда других правительственных нововведений. Царь активно поддержал и предложение Столыпина о роспуске Второй Государственной думы, большинство в которой оказалось более оппозиционной по отношению к царскому правительству, и изменении избирательного законодательства.

Однако уже с 1909 г. Николай II стал реже принимать Столыпина, участились конфликты премьера с окружением царя. Столыпин неоднократно выражал готовность подать в отставку. Характерен следующий эпизод. В 1911 г. Столыпин настойчиво добивался принятия закона, вводившего земства в ряде западных губерний Российской империи. Этот закон получил поддержку в Государственной думе, но влиятельные противники Столыпина в Государственном совете сумели убедить царя в его пагубности. В результате столыпинский закон не прошел в Государственном совете, и Столыпин тут же подал царю прошение об отставке. Несколько дней Николай II размышлял, но все же не принял его отставку. Тогда Столыпин заявил царю, что необходимо прервать работу Государственной думы и Государственного совета, применить в очередной раз статью 87 Основных законов и принять правительственный закон в чрезвычайном порядке.

Николай II пошел на эти шаги, но доверяя к своему премьеру уже не испытывал. Столыпин, по мнению царя и значительной части его окружения, проявлял слишком большую самостоятельность. Многие осведомленные лица утверждали, что для Николая II вопрос о смещении Столыпина с поста премьера стал лишь вопросом времени. Смерть Столыпина в начале сентября 1911 г. явилась развязкой этой коллизии.

**Владимир Николаевич Коковцов
(1853—1943)**

Окончил Александровский (бывший Царскосельский) лицей, поступил на государственную службу. Работал в системе Министерства внутренних дел. В 1896 г. стал товарищем (заместителем) Министра финансов С. Ю. Витте. В 1904—1905 гг. — Министр финансов. В октябре 1905 г., после назначения С. Ю. Витте председателем Совета министров, был отправлен в отставку. После назначения председателем Совета министров И. Л. Горемыкина в апреле 1906 г. был возвращен на должность Министра финансов. Находился на этой должности и в кабинете П. А. Столыпина. От имени правительства ежегодно представлял проект закона о государственной росписи (бюджете) в Государственной думе. После смерти П. А. Столыпина в сентябре 1911 г. был назначен Николаем II на должность председателя Совета министров. Занимал эту должность до 29 января 1914 г., когда был уволен в отставку. С 1918 г. — в эмиграции. Умер в Париже.

В. Н. Коковцов

«Можно быть какого угодно мнения о политической личности Столыпина, об устойчивости его взглядов и даже о наличии у него точно установленной и глубоко продуманной программы. Но ставить личное честолюбие во главу угла его деятельности и отвергать мысль о том, что им не руководило стремление к ограждению интересов государства и к предотвращению его крушения, — это совершенно несправедливо, ибо вся его деятельность служит самым неопровержимым аргументом против такой личной политики».

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1909 гг.: в 2 кн. Книга первая. М.: Наука, 1992. С. 179.

«После 12 августа (1906 г., когда произошло покушение на П. А. Столыпина) отношение к новому председателю (Совета министров) резко изменилось; он разом приобрел большой моральный авторитет, а для всех стало ясно, что, несмотря на всю новизну для него ведения совершенно исключительной важности огромного государственного дела, в его груди бьется неоспоримо благородное сердце, готовность, если нужно, жертвовать собой для общего блага и большая воля в достижении того, что он считает нужным и полезным для государства. Словом, Столыпин как-то сразу вырос и стал всеми признанным чрезвычайным хозяином положения, который не постесняется сказать свое слово перед кем угодно и возьмет на себя за него полную ответственность».

Там же. С. 202.

В своих воспоминаниях Коковцов описывает тот подъем, который Столыпин испытывал после своей поездки в Западную Сибирь в конце лета 1910 г.: «Еще до первого заседания Совета министров он попросил меня зайти к нему, чтобы поделиться впечатлениями, и долго рассказывал обо всем, что видел и слышал, не раз повторяя, каким ключом бьет в Сибири жизнь, как богатеет край и как перерождается там все, что переселяется с коренной русской земельной тесноты, какое для него будет счастье доложить об этих незабываемых впечатлениях Государю и сказать ему, что еще 10 лет мира и дружной работы правительства — и Россия будет неузнаваема».

К этому Коковцов добавил: «Но уже и теперь ясно всякому, если только он не слепой от рождения, как быстро справилась страна с последствиями войны и революции и какими гигантскими шагами идет она вперед».

Там же. С. 364.

**Александр Васильевич Кривошеин
(1857—1921)**

Окончил Санкт-Петербургский университет, поступил на государственную службу. Служил в Министерстве юстиции, затем — в Министерстве внутренних дел. Был начальником Переселенческого управления. В 1905—1906 гг. — товарищ (заместитель) Главноуправляющего землеустройством и земледелием, в 1906—1908 гг. — товарищ Министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками. В 1908—1915 гг. — Главноуправляющий землеустройством и земледелием. После Октябрьской революции 1917 г. стал одним из руководителей антибольшевистских сил в Москве, а затем — на юге России. В 1920 г. был главой «Правительства юга России» в Крыму при главнокомандующем Русской армии бароне П. П. Врангеле. С 1920 г. — в эмиграции. Умер в Берлине.

А.В. Кривошеин

Являясь в годы премьерства Столыпина заместителем Министра финансов и управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а затем став Главнoуправляющим землеустройством и земледелием, Кривошеин сыграл самую активную роль в проведении столыпинской аграрной реформы. По оценкам его современников, Кривошеин по существу был правой рукой Столыпина в этом деле. Именно с подачи Кривошеина Столыпин поставил вопрос о расширении полномочий Крестьянского банка в предоставлении крестьянам земельных кредитов на покупку земли.

Работая ранее в составе руководства Переселенческого управления Министерства внутренних дел, Кривошеин принимал непосредственное участие и в переселенческой политике, осуществлявшейся Столыпиным. В сопровождении Кривошеина Столыпин посетил ряд территорий России с тем, чтобы воочию увидеть, как идет аграрная реформа на местах. В 1909 г. Столыпин и Кривошеин посетили Екатеринославскую и Орловскую губернии, а в августе–сентябре 1910 г. они совершили большую поездку по Сибири и Поволжью, где много общались с крестьянами-переселенцами.

Имея большой опыт пребывания в столичных сферах, Кривошеин предостерегал Столыпина от столкновения с Г. Распутиным, имевшим большое влияние на царя и царицу. После смерти Столыпина Кривошеин пытался продолжать его политику по реализации аграрных преобразований.

**Александр Петрович Извольский
(1856—1919)**

Представитель старинной дворянской фамилии. Окончил Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Служил в дипломатических миссиях России за рубежом, был русским посланником в Ватикане, Японии и Дании. В апреле 1906 г. император Николай II назначил Извольского Министром иностранных дел. Летом 1906 г. вместе с Министром внутренних дел П. А. Столыпиным участвовал в переговорах с лидерами партии кадетов о возможности формирования правительства «общественного доверия». После едва не закончившегося для России войной Боснийского кризиса в 1910 г. Извольский был смещен с поста Министра иностранных дел и назначен послом России во Франции. В июне 1917 г. Временное правительство уволило Извольского в отставку, и он остался жить во Франции, где написал мемуары. Умер в Париже.

А. П. Извольский

«Что касается меня, то я сразу был покорен его очаровательной личностью и был счастлив найти среди моих случайных коллег человека, с которым чувствовал общность политических взглядов, так как в это время Столыпин мне казался особенно искренним сторонником нового порядка и сотрудничества с Думой по мере возможности».

Извольский А. П. Воспоминания: пер. с англ. 2—3-е изд. М.: Международные отношения, 1989. С. 67.

«Столыпин обладал чрезвычайно широким кругозором, который помогал ему понимать общий смысл представляемых на его решение дел и столь же хорошо охватывал их самые мельчайшие детали. Его работоспособность, так же, как его физическая и моральная устойчивость, была изумительна. Будучи помещиком, Столыпин привык к участию в практических делах, не мог терпеть бюрократической рутины и удивлял всех той простотой и здоровым пониманием, которые обнаруживал в обсуждении важнейших государственных дел, являвшихся предметом длительных дискуссий на заседаниях Совета министров».

Там же. С. 68.

Из письма П. А. Столыпина послу России во Франции А. П. Извольскому. 28 июля 1911 г.:

«Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир; война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но, кроме того, и главное — это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под их влиянием Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет их час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны».

Столыпин П. А. Избранное.

Речи. Записки. Письма.

М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 430.

**Сергей Ефимович Крыжановский
(1862–1935)**

Родился в г. Киеве в семье чиновника. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил на судебных должностях, с 1886 г. — в Министерстве внутренних дел. В 1905 г. составил проект Положения о выборах в Государственную думу. В 1905–1907 гг. под руководством Крыжановского в Министерстве внутренних дел велась работа по подготовке выборов. В апреле 1906 г. Крыжановский стал товарищем (заместителем) Министра внутренних дел. В 1907 г. по поручению П. А. Столыпина подготовил проект нового Положения о выборах в Государственную думу. 3 июня 1907 г. оно было утверждено императором. После смерти Столыпина исполнял обязанности Министра внутренних дел, в октябре 1911 г. был назначен государственным секретарем. С 1919 г. — в эмиграции, где написал воспоминания. Умер в Париже.

С. Е. Крыжановский

«Петр Аркадьевич Столыпин, бесспорно, имел за собою большие государственные заслуги. Главное из них — это умение привлечь на сторону правительства общественное сочувствие и создать себе деятельных поборников...

...Ни один... не умел подобно Столыпину облечь свою деятельность той дымкой служения высшим началам самопожертвования, которые так сильно действуют на сердца. Впервые за долгие годы широкие слои общества стали относиться к власти с доверием, и прежнее раздражение, российская кривая усмешка стали уступать место уважению, почитанию, даже восхищению.

...Нельзя не пожалеть, что власть преждевременно выпала из рук Петра Аркадьевича, чтобы перейти к его преемникам. Развернувшиеся международные события, несомненно, были бы использованы им в интересах России, и уже в силу своего неуступчивого характера он, нет сомнений, оказался бы несравненно выше тех слабых и боязливых людей, в руки которых эта власть попала. Кроме того, как никак наладившаяся национальная политика, останься покойный у власти, принесла бы свои плоды в направлении начавшейся уже охраны Русской земли от захвата на окраинах иностранцами, равно как подчинения русской власти тех пустынных и малозаселенных сопредельных с Китаем местностей, на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новое поколение здорового русского народа для пополнения полчищ, которым, рано или поздно, а придется решать судьбы Европы. Это значение Сибири и Средней Азии как колыбели, где можно в условиях свободных еще от общественной борьбы и передрыг, вырастить новую сильную Россию и с ее помощью поддержать хиреющий русский корень, ясно сознавалось покойным, и, останься он у власти, внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче... Столыпин был, несомненно, человек просвещенный и способный к развитию...».

Крыжановский С. Е.

Заметки русского консерватора //

Вопросы истории. 1997. № 4.

С. 107—113.

**Александр Иванович Гучков
(1862—1936)**

Представитель семьи крупных московских купцов и фабрикантов. Один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября» (партии октябристов). С 1907 по 1912 гг. — депутат Третьей Государственной думы. Один из самых влиятельных политических союзников П. А. Столыпина, при его поддержке был избран Председателем Государственной думы. В 1911 г. призывал Столыпина не применять чрезвычайно-указное право для проведения закона об учреждении земств в западных губерниях. Когда же Столыпин пошел на этот шаг, Гучков ушел в отставку с поста Председателя Государственной думы. В годы Первой мировой войны был председателем Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1918 г. вместе с В. В. Шульгиным принял отречение от престола императора Николая II. Стал первым военным и морским Министром Временного правительства. С 1919 г. — в эмиграции. Умер в Париже.

А. И. Гучков

«Став Председателем Третьей Государственной думы, Гучков обеспечивал правительству Столыпина устойчивое большинство в Государственной думе, своим личным влиянием помогал укреплению третьеиюньского режима».

Старцев В. Предисловие к изданию «Александр Иванович Гучков рассказывает...» М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории, 1996. С. 3.

В своих устных воспоминаниях, которые были застенографированы, А. И. Гучков рассказывал о многих своих встречах с П. А. Столыпиным. В одной из них Столыпин сказал, что «...он всю свою государственную работу строит на аграрной реформе, на умиротворении крестьянского моря, на целом ряде начинаний, которые должны крестьянство культурно и материально поднять; аграрная реформа, экономическая реформа, введение волостного земства, общественных школ для крестьян — все его внимание на крестьянах. Он говорит: «Если мы и на этой реформе провалимся, то гнать нас надо всех». Он считал, что будущее России надо строить на этом... «Нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству, — говорит он, — для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой. Я только отрицаю массовое отчуждение, я считаю, что нужно другими мерами этого достигнуть, в смысле увеличения крестьянского землевладения».

Там же. С. 46.

«...Он сам из помещиков, он крестьянское хозяйство, помещичье хозяйство знает, [побыл и] и в качестве гродненского губернатора... Так как он был человек просвещенного ума и не был... противником земельной реформы, поэтому [ему не была чужда] идея создания частной крестьянской собственности... Столыпин был представитель государственной идеи. Государство нуждается в богатом крестьянине, а если благодаря этому помещики не могут иметь крестьянский труд — пусть перестроятся. Он к этому пришел, видимо, давно».

Там же С. 120.

**Владимир Алексеевич Бобринский
(1867—1927)**

Представитель семьи крупных землевладельцев и сахарозаводчиков. Работал в земских учреждениях в Тульской губернии. Примкнул к правым силам. Избирался депутатом Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум, входил во фракцию умеренно-правых, затем — в Русскую национальную фракцию. В Государственной думе был одним из самых убежденных сторонников П. А. Столыпина. Активно поддерживал его курс на сотрудничество Думы и правительства, подавление революционных выступлений, проведение аграрной реформы, осуществление русификаторской политики в западных губерниях Российской империи. В Четвертой Государственной думе стал товарищем председателя группы прогрессивных националистов. С 1919 г. в эмиграции. Умер в Париже.

В. А. Бобринский

В своей речи на траурной церемонии, посвященной памяти П. А. Столыпина, граф В. А. Бобринский, в частности, сказал:

«Кто из вас не знает Столыпина как оратора и как государственного человека, и не моя задача сегодня на этом останавливаться. И в день его похорон, стоя у его гроба, мне чаще вспоминался Столыпин у себя в кабинете, без усталости за работой до двух, до трех часов ночи. Он всегда был бодр, никогда он не падал духом, и это от того, что никогда, ни на единый миг, он не терял веры в то дело служения Царю и Родине, которому он себя всецело посвятил. О себе он никогда не помышлял: он вовсе безраздельно отдался исполнению своего долга...

Да, Столыпин верил в Россию, и с каким увлечением, с каким огнем в глазах он говорил: «России нужно мирно пахать лет двадцать, и тогда посмотрите, что это будет за страна».

Он верил также, что крестьянство, освобожденное от кандалов разлагающейся общины, стало действительно полным собственником своей земли, скоро оправится материально, разовьется гражданственно и даст здоровых и полезных деятелей как в новом волостном земстве, так и в земствах уездных и губернских, а также и на поприще государственном. ...А эти трудные дни проведения закона о западном земстве! С таким нетерпением он ждал осуществления этого важного дела на русском Западе, а тут опять все его мысли сосредоточены на русском пахаре этого края. «Не полицейскими мерами, — говорил он мне, — спасем мы белоруса и малоросса от экономического и культурного гнета польских помещиков. Тут необходим сильный подъем русской культуры, которого мы без русского земства не достигнем. Без земства нет победы русскому делу в Западной Руси».

*Государственная деятельность
председателя Совета министров,
статс-секретаря Петра Аркадьевича
Столыпина: в 3 ч. Часть I. 1909 и 1910 гг.
С.-Петербург, 1911. С. 311—313.*

**Василий Витальевич Шульгин
(1878—1976)**

Родился в г. Киеве в семье профессора. Окончил юридический факультет Киевского университета. Депутат Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум, входил во фракцию правых, позднее стал председателем группы прогрессивных националистов. Убежденный и последовательный сторонник политического курса председателя Совета министров П. А. Столыпина. Участник Февральской революции 1917 г. Стал членом Временного комитета Государственной думы, участвовал в формировании первого состава Временного правительства. Вместе с А. И. Гучковым принял от императора Николая II Акт отречения от престола. С 1920 г. в эмиграции. В 1944 г. был арестован, депортирован в СССР и приговорен судом к 25 годам тюремного заключения, которое отбывал во Владимирской тюрьме. В 1956 г. был досрочно освобожден и остался жить во Владимире.

В. В. Шульгин

В своих мемуарах «Годы» В. В. Шульгин вспоминал, какой огромный общественный резонанс вызвали слова Столыпина «Не запугаете», которыми он закончил свое выступление в Государственной думе 6 марта 1907 г.: «Эти слова облетели всю Россию. Потерявшие почву под ногами, изверившиеся во власти люди ощутили, что Россия вновь обрела сильное правительство. Армия, чиновники, полиция все граждане, не желавшие революции, приободрились и стали на свои места...

Такова была моя первая встреча со Столыпиным, сыгравшим огромную роль в моей жизни. Со страстью, свойственной молодости, я отстаивал с кафедры Государственной думы его программу, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и ее дальнейшего эволюционного развития. Несомненно, Столыпин был наиболее выдающимся государственным деятелем Российской империи в последний ее период. Это признавали и враги его.

Вскоре я сблизился с Петром Аркадьевичем и кроме уважения стал питать к нему более теплые чувства».

*Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год.
М.: Изд-во «Новости», 1990. С. 61, 62.*

...Белые колонны Таврического дворца увидели III Государственную думу — эпоху Столыпина... Эпоху реформ... эпоху под лозунгом: «Все для народа — вопреки народу»... Мы, провинциалы, твердо стали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли «через волю» они не получают, что грабить землю нельзя — глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли — в «отрубках», в «хуторах», как тогда говорили, и, наконец, что «волю» народ получит только «через землю», т.е. не прежде, чем он научится обрабатывать, ибо только тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином...

Столыпин заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию, и, главным образом, за то, что он указал путь для эволюции. Нашел выход, объяснил, что надо делать... Выстрел из револьвера в Киеве... закончил столыпинскую эпоху...».

Там же. С. 373, 374.

До конца своих дней В. В. Шульгин был уверен: если бы последний царь, Николай II, был бы «настоящим» царем — волевым, прежде всего, и если бы во главе правительства в канун революции стоял бы такой человек, как Столыпин, никакой революции в России не было бы.

**Сергей Юрьевич Витте
(1849—1915)**

Родился в Тифлисе. Служил в железнодорожных компаниях, стал Министром путей сообщения. В 1892 г. назначен Министром финансов. Провел крупные преобразования в государственной финансово-экономической политике. В 1903 г. Витте был отстранен от управления Министерством финансов и назначен председателем Комитета министров. В 1905 г. заключил с Японией Портсмутский мир и был возведен в графское достоинство. В ходе революции 1905—1907 гг. убедил Николая II принять подготовленный под его руководством Манифест 17 октября 1905 г., предусматривающий, в частности, учреждение в России Государственной думы. Также по инициативе Витте царь учредил Совет министров и назначил Витте его председателем. 22 апреля 1906 г. уволен в отставку с поста председателя Совета министров. Подверг фронтальной критике практически все направления деятельности председателя Совета министров П. А. Столыпина.

С. Ю. Витте

«Если будет когда-либо издан сборник речей Столыпина в первой, второй и третьей Думе, то всякий читатель подумает: “Какой либеральный государственный деятель”, и одновременно никто столько не казнил и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произволил так, как он, никто не оплевал так закон, как он, никто не уничтожал так хотя бы видимость правосудия, как он, Столыпин, и все сопровождая самими либеральными речами и жестами. Поистине честнейший фразер».

*Витте С. Ю. Воспоминания.
Т. 3. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры,
1960. С. 61.*

«Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это — в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт, то он был бы вполне государственным человеком. Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования. По образованию и уму ввиду неуравновешенности этих качеств Столыпин представлял собою тип штык-юнкера».

Там же. С. 446.

«Будучи председателем Совета министров, своим темпераментом, своей храбростью Столыпин принес некоторую дозу пользы, но если эту пользу сравнить с тем вредом, который он нанес, польза эта окажется микроскопической».

В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда; около себя в качестве Министра юстиции держал такого лицемерного и беспринципного человека, как Щегловитов. Столыпин развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент».

Там же. С. 559.

**Павел Николаевич Милоков
(1859—1943)**

Родился в Москве, учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Занимался научной и преподавательской деятельностью, принимал участие в общественном демократическом движении. В 1905 г. стал одним из учредителей партии конституционных демократов (кадетов). Избирался депутатом Третьей и Четвертой Государственных дум, был лидером фракции кадетов. После Февральской революции 1917 г. стал первым Министром иностранных дел Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции. С 1921 по 1940 г. выпускал в Париже газету «Последние новости». В годы Второй мировой войны переехал из Парижа в Виши, выступал за победу СССР над Германией. Написал воспоминания в двух томах, которые были опубликованы после его смерти.

П. Н. Милоков

Являясь лидером конституционно-демократической партии (партии кадетов) и ее фракции в Государственной думе, П. Н. Милоков постоянно с либеральных позиций критиковал деятельность П. А. Столыпина и его правительства. В то же время Милоков ратовал за проведение правительством силовых реформ «сверху» с тем, чтобы не допустить в Россию революции.

П. А. Столыпин несколько раз встречался с П. Н. Милоковым по важным политическим вопросам. В июне 1906 г., будучи Министром внутренних дел в правительстве И. Л. Горемыкина, Столыпин вел безрезультатные переговоры с Милоковым и рядом других деятелей либеральной оппозиции о возможности их вхождения в состав коалиционного правительства общественного доверия. Через год, уже будучи премьером, Столыпин на личной встрече с Милоковым призвал лидера партии кадетов отмежеваться в Думе от революционного терроризма левых сил. Милоков, посоветовавшись с другими лидерами кадетов, отказался публично отмежеваться от практики политических убийств, и это окончательно подтолкнуло Николая II и Столыпина к роспуску Второй Государственной думы и кардинальному изменению законодательства о выборах депутатов.

Озвучивая программные установки кадетов, Милоков выступил с развернутой критикой аграрной политики Столыпина, заявляя, что эта политика направлена прежде всего на сохранение в России помещичьего землевладения. Как и другие кадеты, Милоков был против форсированного разрушения крестьянской общины и надеялся, что община будет естественно эволюционировать в направлении крестьянской кооперации и артельного хозяйства.

В 1909 г., находясь в Англии, Милоков, явно преувеличивая полномочия Государственной думы, заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству». Эти слова Милокова были благосклонно восприняты в России кругами, поддерживавшими политику премьера Столыпина.

Много лет спустя в своих «Воспоминаниях» Милоков писал: «П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее “великих потрясений”. В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте... Он был призван не на покой, а на появление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать».

**Федор Измайлович Родичев
(1854—1933)**

Родился в семье крупных землевладельцев в Тульской губернии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Был гласным Тверского губернского земства, активным деятелем земского движения. Участвовал в создании конституционно-демократической партии (кадетов). Был депутатом Государственной думы всех созывов. Был последовательным критиком деятельности П. А. Столыпина. После Февральской революции 1917 г. был избран депутатом Учредительного собрания от партии кадетов. Участвовал в деятельности антибольшевистских организаций. С 1919 г. в эмиграции — уехал во Францию, оттуда в Швейцарию. В последние годы жизни отошел от политической деятельности, написал воспоминания.

Ф. И. Родичев

Родичев был одним из главных ораторов фракции кадетов в Государственной думе и часто выступал по различным вопросам, связанным с деятельностью П. А. Столыпина и его правительства. Особенно запомнилось выступление Родичева на заседании Государственной думы 17 ноября 1907 г., на следующий день после выступления П. А. Столыпина в Думе с правительственной декларацией. Сначала Родичев долго рассуждал о том, что в успокоении страны правительство должно уповать не на силу, а безоговорочно стоять на почве права и подчиняться законам. Затем, в присутствии премьера, находившегося в правительственной ложе, Родичев заявил, имея в виду прежде всего военно-полевые суды, что в борьбе с эксцессами революции все видели лишь одно средство власти, которое назовут, быть может, «стольпинским галстуком» и сделал руками жест завязывания петли на шее.

После этой фразы в адрес Родичева раздались возгласы: «Довольно!», «Долой!», «Вон!». Как вспоминали очевидцы, побледневший как мел Столыпин поднялся и покинул зал, и за ним последовали министры, также находившиеся в правительственной ложе. Председатель Государственной думы тут же прервал заседание.

Тем временем из министерского павильона, где находился Столыпин, пришла весть о том, что Столыпин глубоко потрясен и, не собираясь оставаться в памяти своих детей с кличкой «вешатель», вызывает Родичева на дуэль и посылает к нему своих секундантов.

После небольшого перерыва заседание возобновилось; Родичев заявил, что он не имел намерений оскорбить председателя Совета министров, и принес ему свое личное извинение. Председатель Государственной думы применил к депутату Родичеву высшую меру взыскания, лишив его права участия в пятнадцати заседаниях Думы. Когда же в зал вошел Столыпин, большинство депутатов встали и устроили ему овацию. Однако затем кадеты признали речь своего партийного товарища в принципе верной и выразили Родичеву моральную поддержку.

**Иракий Георгиевич Церетели
(1888—1959)**

Родился в г. Кутаис в семье грузинского писателя. Поступил на юридический факультет Московского университета. Сблизился с социал-демократами, был исключен из университета и сослан, освобожден по амнистии. Примкнул к меньшевикам. Избран депутатом Второй Государственной думы, входил в социал-демократическую фракцию. Выступал с резко обличительными речами против П. А. Столыпина и его правительства. В день роспуска Второй Государственной думы был арестован вместе с другими членами социал-демократической фракции. Сослан на каторгу в Сибирь, затем был выпущен на поселение в Иркутской губернии. Был Министром почты и телеграфа в первом составе Временного правительства. Избран депутатом Учредительного собрания от меньшевиков. После Октябрьской революции участвовал в создании Грузинской демократической республики. С 1921 г. в эмиграции.

И. Г. Церетели

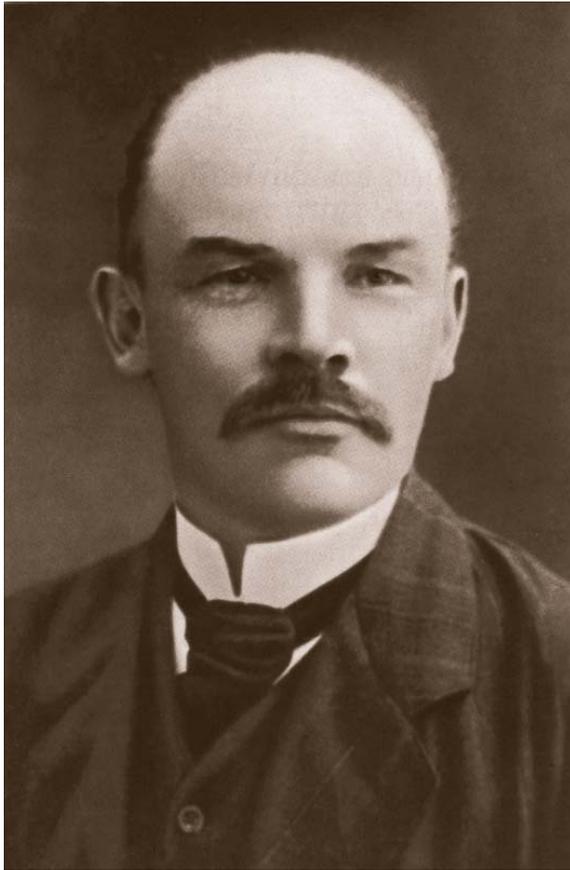
6 марта 1907 г., взяв слово сразу же после оглашения П. А. Столыпиным на заседании Государственной думы декларации правительства, лидер социал-демократической фракции в Думе И. Г. Церетели в своем заявлении назвал это правительство правительством разгона Первой Государственной думы и правительством военно-полевых судов и далее, в частности, сказал: «...Нет таких криков, нет таких бурных демонстраций, которые могли бы выразить чувства народные по отношению к правительству, сковавшему всю страну цепями военного положения, заточившему лучших ее сынов, к правительству, разорившему в конец население и растратившему народные гроши, предназначенные на помощь голодающим. В лице правительства, представшего перед нами сегодня, заговорила старая крепостническая Россия. Правительство говорило сегодня главным образом о том, что оно намерено делать. Мы хотим остановиться на том, что оно уже сделало. Самый характер разгона Первой думы, последовавшая затем междудумская работа правительства и, наконец, последнее официальное заявление правительства ясно показали всем действительную природу правительства. Это заявление и эти действия даже слепым открыли глаза для понимания неразрывной связи самодержавного правительства с кучкой помещиков-крепостников, живущих за счет миллионов обездоленного крестьянства.

...Быть может, — я говорю: быть может, — этой Думы не будет через неделю, но могучее движение народа, сумевшее вывести Россию из старых берегов, сумеет, с Думой или без Думы, проложить себе дорогу через все преграды к вольному простору. И вот теперь, пока не настал еще этот час, мы не хотим обращаться к правительству с призывом подчиниться воле народа. Мы знаем, оно показало нам, что оно подчинится только силе. Мы обращаемся к народному представительству с призывом готовить эту силу. Мы не говорим: “исполнительная власть да подчинится власти законодательной” (как это высказал в своем выступлении депутат Государственной думы от кадетов В. Д. Набоков). Мы говорим: в единении с народом, связавшись с народом, законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную.

...Социал-демократическая фракция Государственной думы заявляет: она ничего не ждет от правительства самодержавной бюрократии. ...Думе еще нужно стать силой, способной послужить мощным орудием народного освобождения, она (т.е. социал-демократическая фракция) возлагает все свои надежды на движение самого народа, который один только может положить конец режиму произвола и насилия и дать народному представительству силу для раскрытия тюрем, для установления свободы, для разрешения земельного вопроса, для открытия простора борьбе пролетариата, для переложения тягости налогов с бедного населения на более достаточное...

...Социал-демократическая фракция вошла в Государственную думу именно затем, чтобы неустанной работой во всех отраслях думской деятельности, опираясь на законные права Государственной думы, раскрыть народу глаза на действительное положение дел...».

*Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906—1917.
Том II. М.: Фонд «Правовая культура», 1995. С. 19—24.*

**Владимир Ильич Ульянов (Ленин)
(1870–1924)**

Родился в г. Симбирске в семье инспектора народных училищ. Учился в Казанском университете, был исключен и выслан из Казани за участие в студенческой сходке. Экстерном закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1895 г. создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Был арестован, выслан в Сибирь. После окончания срока ссылки уехал за границу, где продолжил революционную деятельность, стал лидером большевистского крыла в российском социал-демократическом движении. Столыпин был одной из главных мишеней Ленина в его публицистике. В октябре 1917 г. пришел к власти в результате революции.

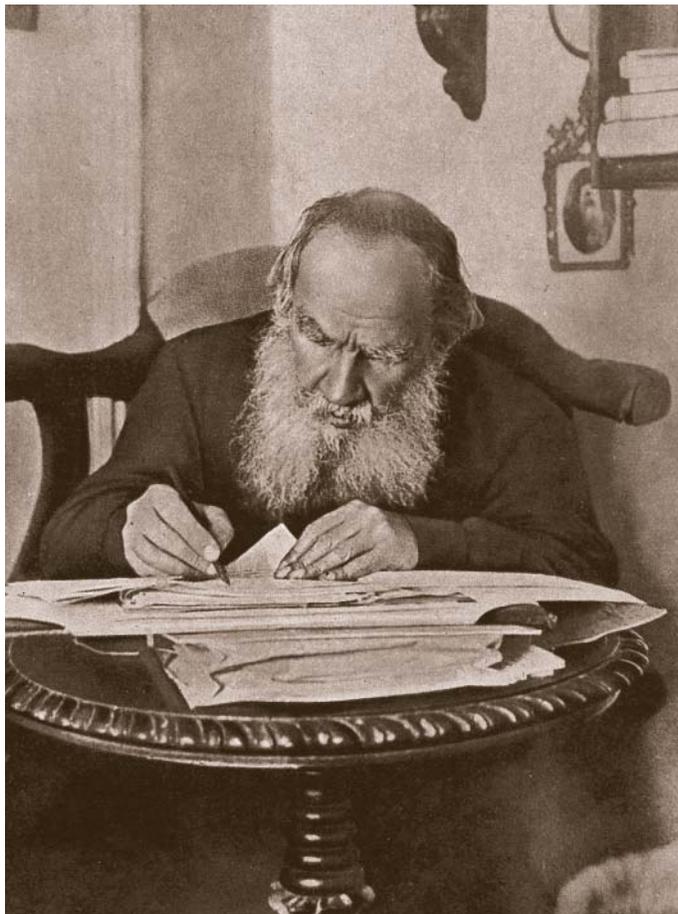
В. И. Ленин

Лидер большевистского крыла в российской социал-демократии, Ленин быстро оценил Столыпина как активного правительственного деятеля, готового бороться с революцией как с помощью репрессий, так и при помощи аграрной политики, направленной на укрепление в деревне позиций зажиточных крестьян-собственников. Понимая, что своей аграрной политикой Столыпин сужает базу для революционных элементов в деревне, Ленин обрушился на Столыпина со всей силой своей критики, не стесняясь, как обычно, в выражениях. В статье «Проект воззвания “По поводу декларации Столыпина”», Ленин писал: «Подкупать небольшими подачками ничтожное меньшинство мироедов и кулаков, помогать им грабить до конца разоренную деревню в награду за их помощь самодержавному правительству, вот какую политику намерен вести Столыпин и его министерство».

Говоря о различных политических подходах в аграрном вопросе, Ленин так обозначал расстановку сил: «Мы можем покончить с революцией путем ничтожных уступок со стороны помещиков, говорит Столыпин. Мы можем покончить с революцией только путем более значительных уступок со стороны помещиков, говорят либералы (кадеты в том числе). Мы хотим довести революцию до конца, уничтожив помещиков — землевладельцев, говорят крестьяне и рабочие».

При этом Ленин вполне признавал, что с позиций развития капитализма в сельском хозяйстве России того времени действия Столыпина были целенаправленными и последовательными. В статье «Аграрные прения в III Думе», лидер большевиков писал: «Столыпин хочет стереть все прежние грани всех прежних видов землевладения. Это стремление экономически правильное. Капитализм осуществит его неизбежно».

С точки зрения политической борьбы с либералами и меньшевиками в социал-демократическом движении России Ленину было выгодно увязать Столыпина с кадетами в Государственной думе, хотя на самом деле в аграрном вопросе позиции Столыпина и кадетов были далеко не идентичны. Но Ленин, тем не менее, утверждал: «Буржуазный переворот в целях сохранения помещичьего землевладения проводят и Столыпин, и либеральная партия конституционных демократов... Выкуп есть укрепление крестьянской буржуазии и закабаления крестьянского пролетариата. Вот этой основной, экономической солидарности столыпинской и кадетской аграрной реформы меньшевики не понимают».

**Лев Николаевич Толстой
(1828—1910)**

Русский писатель. В молодости находился на военной службе, участвовал в Крымской войне 1853—1856 гг. и в боевых действиях на Кавказе. Выйдя в отставку, полностью сосредоточился на литературной деятельности. С годами социальные проблемы и морально-нравственные вопросы все больше стал поднимать не только в своих литературных произведениях, но и в публицистических статьях и обширной переписке. Направлял свои послания императорам Александру III и Николаю II, обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, другим сановникам. В конце 1907 — начале 1908 гг. несколько писем направил председателю Совета министров П. А. Столыпину.

Л. Н. Толстой

В октябре 1907 г. Л. Н. Толстой направил П. А. Столыпину письмо, в котором он просил его освободить из тюремного заключения последователя толстовского учения помещика А. М. Бодянского, выпустившего книгу о духоворах (в итоге Бодянский просидел в тюрьме два с половиной месяца). В этом же письме Толстой высказал свои общие позиции против борьбы правительственного насилия с революционным насилием, против права личной земельной собственности, за признание земли собственностью всего народа и установление единого земельного налога.

Отвечая Толстому, Столыпин в письме от 23 октября 1907 г. писал: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п., одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землею.

Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянства, уничижение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

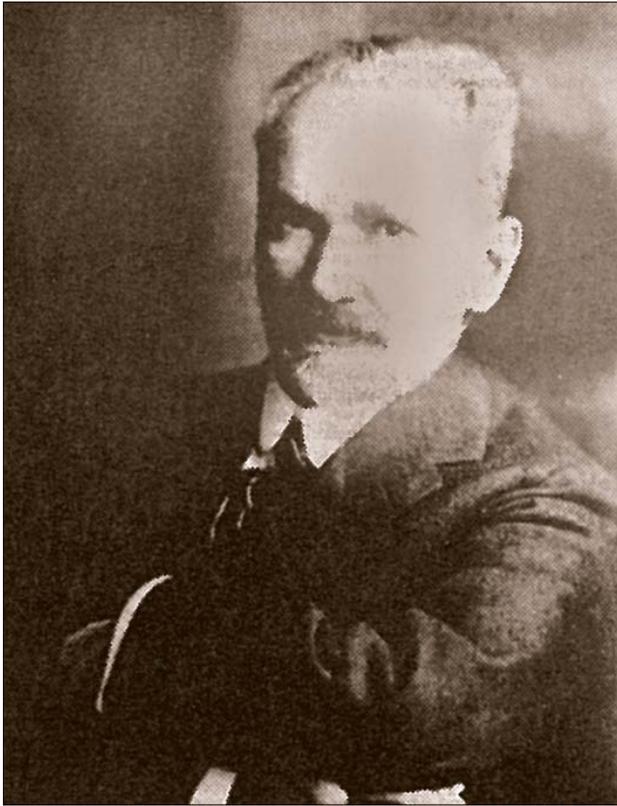
А бедность, по мне, худшее из рабств... Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той или по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это допустимо только при свободном приложении труда к земле, т.е. при наличии права собственности на землю.

Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, понимания и чувств на благо людей и моей Родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром! А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем».

*Столыпин П. А. Избранное.
Речи. Записки. Письма. С. 142, 143.*

В ответ Толстой 27 января 1908 г. послал Столыпину еще одно письмо, где, в частности, писал: «За что, зачем Вы губите себя, продолжая начатую Вами ошибочную деятельность, не могущую привести ни к чему, кроме как к ухудшению положения общего и Вашего? Смелому, честному, благородному человеку, каким я Вас считаю, свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а осознать ее и направить все силы для исправления ее последствий».

Там же. С. 453.

**Василий Васильевич Розанов
(1856—1919)**

Литератор, публицист, философ. Большое внимание уделял религиозно-философским темам, проблемам российской государственности, взаимоотношений церкви и интеллигенции, вопросам культуры и науки, а также национальному и семейному вопросам. В 1911 г. целый цикл статей посвятил убийству П. А. Столыпина и осмыслению роли его личности в российской истории.

В. В. Розанов

В 1911 г., в связи с трагической смертью П. А. Столыпина, В. В. Розанов посвятил ему несколько статей, в которых он размышлял о нем не только как о государственном деятеле, но и как об особом явлении в истории России. Так, статью «Историческая роль Столыпина» Розанов начал словами: «Что ценили в Столыпине? Я думаю, не программу, а человека: вот этого «воина», вставшего на защиту, в сущности, Руси. После долгого времени, долгих десятилетий, когда русских “для успехов по службе просили переменить свою фамилию на иностранную” (здесь Розанов имел в виду известное высказывание генерала А. П. Ермолова — прим. сост.), явился на вершине власти человек, который гордился именно тем, что он русский, и хотел соработать с русскими. Это не политическая роль, а скорее культурная».

Далее в этой статье Розанов выразил свои рассуждения о роли Столыпина в становлении российского парламентаризма: «Он незаметно самую натурою своею, чуть-чуть обывательскою, без резонерства и без теорий, “обрусил” парламентаризм: и вот это никогда не забудется. Особенно это вспоминается в критические эпохи, — когда вдруг окажется, что парламентаризм у нас гораздо национальнее и, следовательно, устойчивее, гораздо больше “прирос к мясу и костям”, чем это можно вообще думать и чем это кажется, судя по его экстравагантному происхождению. Столыпин показал единственно возможный путь парламентаризма в России, которого ведь могло бы не быть очень долго и, может, даже никогда (теория славянофилов; взгляд Аксакова, Победоносцева, Достоевского, Толстого); он указал, что если парламентаризм будет у нас выражением народного духа и народного образа, то против него не найдется сильного народного протеста, и даже он станет многим, и наконец всем, дорог. Это первое условие: народность его. Второе: парламентаризм должен вести постоянно вперед, он должен быть постоянным улучшением страны и всех дел в ней, мириад этих дел...».

**Избранные выступления
П. А. Столыпина
в Государственной думе
и Государственном совете
1906—1911 годы**

ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»
111024, г. Москва, ул. Энтузиастов 2-я, д. 5.

Тел.: (495) 232-12-42

E-mail: info@jusinf.ru

Генеральный директор

В. В. Прошин

Компьютерная верстка

К. М. Садретдинова

Подписано в печать 14.02.2012.

Формат 60x90/16. Печ.л. 14,25. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почёта»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова»
214000, г. Смоленск, проспект им. Гагарина, 2
